

**Государственный институт
международных отношений Молдовы**

ЭДУАРД ВОЛКОВ • ВЛАДИМИР ГУТОРОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

(Учебно-методическое пособие)

Кишинев • 2018

CZU 101.1:32(075.8)

B 676

Рекомендовано к печати **Сенатом Государственного института международных отношений**, протокол № 3 от 29 октября 2018 г.

Рецензент:

Л.А. Рошка – доктор хабилитат философских наук, профессор-университар

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Волков, Эдуард.

Политическая философия : (Учебно-методическое пособие) / Эдуард Волков, Владимир Гуторов; Гос. ин-т междунар. отношений Молдовы. – Кишинэу: Б. и., 2018 (Tipogr. «Print-Cargo»). – 220 p.

Bibliogr.: p. 173-211. – 10 ex.

ISBN 978-9975-56-598-1.

101.1:32(075.8)

B 676

СОДЕРЖАНИЕ

1. АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.....	6
2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ.....	9
3. ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЧАСОВАЯ СЕТКА КУРСА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» ДНЕВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	15
4. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ.....	16
ТЕМА 1. Политическая философия как политическая наука и учебная дисциплина.....	16
ТЕМА 2. Основные этапы возникновения и развития политической философии	49
Тема 3. Политическая онтология.....	65
Тема 4. Философия политического времени и пространства	101
Тема 5. Политическая эпистемология: специфика познания мира политики	118
Тема 6. Политическая антропология как наука о человеке политическом.....	123
Тема 7. Политическая праксиология как теория политического Действия.....	138
Тема 8. Политическая аксиология и этика	142
5. ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ.....	150
6. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ.....	153
6.1. Примерная тематика рефератов.....	153
6.2. Примерные темы эссе.....	159

6.3. Примеры тестов для контроля знаний.....	160
6.4. Примерные задания для самостоятельной работы.....	164
6.5. Контрольные вопросы.....	166
6.6. Вопросник к экзамену по курсу « <i>Политическая философия</i> » (II курс, I семестр) в модуле с экзаменом по философии.....	171
7. ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ.....	173
7.1. Литература на русском языке.....	173
7.2. Литература на других языках.....	198
7.3. Интернет-ресурсы	204
8. В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ: ОБЩИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	212
8.1. Семинар как форма учебно-воспитательной работы.....	212
8.2. Изучение рекомендуемой литературы.....	214
8.3. Работа над рефератом.....	215
А. Образец оформления титульного листа	219
Б. Схемы и примеры библиографического описания использованной в реферате литературы.....	220

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С включением **Тезисов и материалов лекций по всем темам**

Для студентов факультета международных отношений и политической науки (30/30 часов лекций, 15/0 часов семинарских занятий)

Заведующего кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, доктора habilitation философских наук, профессора-университара СПбГУ **В.А.Гуторова** и доктора философии, доцента кафедры политологии, конференциара-университара кафедры политической науки ИРИМа **Э.Г.Волкова**

С учебно-методическими материалами и информационным обеспечением по дисциплине.

1. АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

На рубеже XX-XXI веков и в начале XXI в. содержание знаний и условия их функционирования стремительно меняется. В соответствии с этим высшее образование должно давать студенту не только сумму базовых знаний, не только набор полезных и необходимых навыков труда, но и умение воспринимать и осваивать новые знания, новые виды и формы трудовой деятельности, новые приёмы организации и управления, политические, нравственные, эстетические ценности.

Это обуславливает необходимость перехода к **социально и культурно ориентированной** модели подготовки специалиста.

Важнейшими составляющими социокультурно ориентированной модели подготовки специалиста являются: формирование и развитие коммуникационных способностей и навыков, системности взглядов на мир и место в нём человека, формирование гражданской позиции и осознание профессиональной ответственности за принятие решений.

Для создания такой модели необходимо **гуманитаризация образования**, которая связана не только с тем, что возрастает доля гуманитарных знаний в подготовке специалиста, но и с созданием условий для раскрытия духовных устремлений студентов, их творческих возможностей.

Необходимость гуманитаризации высшего образования вызвана, в частности, и тем, что значительному числу выпускников вузов приходится заниматься не только профессиональной, но и **управленческой деятельностью**. Это требует от них **глубоких знаний в области политических наук, в частности – политической философии (философии политики)**.

Политическая философия (философия политики) является важнейшей **философско-политологической дисциплиной**, будучи

одновременно и разделом социальной философии, и ключевой политологической субдисциплиной.

«Политическая философия» связана с «Философией», так как в процессе изучения философии формируются основные общекультурные компетенции, направленные на формирование культуры социально-гуманитарного мышления, способности к анализу функционирования различных подсистем общества. Принципы и закономерности политико-философского мышления, представленные в курсе политической философии, лежат в основе всех изучаемых студентами-политологами профильных дисциплин, а также в основе общей политической культуры современного человека. Поэтому базовые знания, которыми должен обладать студент после изучения дисциплины «Политическая философия», призваны способствовать освоению дисциплин, направленных на формирование его профессиональных знаний, умений и навыков.

Курс **политической философии** читается будущим специалистам-политологам и специалистам в сфере международных отношений в **модуле с курсом философии**.

Чтобы стать высокопрофессиональным специалистом – политологом и специалистом в сфере международных отношений, студент обязан изучить весь комплекс политических наук и среди них политическую философию, которая исследует политику как целое, её природу, значение для человека, взаимоотношение между личностью, обществом и государственной властью и разрабатывающая идеал и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии оценки политики.

Дисциплина «*Политическая философия*» обеспечивает расширение и углубление знаний, умений, навыков и компетенций, сформированных в ходе изучения дисциплин «Политическая наука», «История политических учений», «Философия».

Для изучения дисциплины «*Политическая философия*» студент должен: **знать** основополагающие категории, учения и концепции политической теории и философии, важнейшие события и факты отечественной и мировой политической истории; **уметь** использовать имеющиеся знания для формирования обоснованных обобще-

ний и выводов; **владеть** навыками критического анализа политических явлений и процессов, их трактовок в научных концепциях на основе понимания взаимосвязи между специально-научными, политологическими и философскими методами познания с целью глубокого усвоения обобщений и выводов политической философии, а также формирования собственных политико-философских взглядов как важной составляющей мировоззрения студента как гражданина и специалиста высокой квалификации.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ

2.1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины *«Политическая философия»* являются:

1. Овладение студентами основами политико-философских знаний;
2. Ознакомление студентов-политологов с основными направлениями современной философско-политической мысли;
3. Формирование у студентов современной научной и целостной картины мира политики, которая отличается сложностью, динамичностью, открытостью, многовариантностью политических процессов;
4. Анализ форм актуализации и реактуализации классических философских доктрин в меняющейся социально политической реальности.

2.2. Задачи изучения дисциплины

Задачами изучения дисциплины являются:

1. Усвоение сведений о предмете политической философии, ее структуру и функции, основных категориях, специфике исторического развития политической философии как философской дисциплины, ее основных направлениях;
2. Предоставить возможность глубокого и подробного ознакомления с творчеством классиков политической философии, познать связанные с этим интеллектуальные традиции, осознать логику становления политической науки с точки зрения политической философии;
3. Усвоение знаний, составляющих теоретическое содержание политической философии как формы рациональной рефлексии, осуществляющей критику и прогнозирование путей развития политической реальности;

4. Обучение будущих политологов и специалистов в сфере международных отношений общей методологии политических исследований, овладение знаниями о специфике и процедуре политико-философского анализа действительности, обучение умению использовать принципы и методы политической философии в практических исследованиях;

5. Способствовать овладению эвристическими возможностями перехода от философских и общетеоретических положений к эмпирическому и экспериментальному анализу, равно как и обратного перехода от анализа эмпирических фактов к философско-политическим и культурно-политическим обобщениям;

6. Развитие навыка рассмотрения актуальной политико-правовой проблематики в её исторической перспективе;

7. Развитие навыков онтологического понимания политики и государства с учётом постоянных изменений в политической жизни; сформировать навыки философско-политического анализа современной действительности на основе выявления действительного соотношения политики, социальности и культуры;

8. Привитие гуманистических критериев оценки политических событий и процессов, сформировать доминанту, связанную с выделением ценностно-культурных, нравственных оснований и измерений политики в качестве противоядия от крайностей сугубо утилитарного, эмпирического и технологического подхода к ней.

2.3. Требования к знаниям, умениям, навыкам:

Студент, завершивший изучение курса «Политическая философия», должен:

Знать: суть предмета политической философии, понимать её значимость как основания политологических исследований; основные проблемы политической онтологии и праксиологии, политической антропологии и гносеологии в постклассическую эпоху политического мира; политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества; логико-методологические и

ценностные основания политического познания, сознавать его значение в решении проблем современности, сохранении и развитии современной цивилизации; историю формирования и развития основных политических идей и концепций от Античности до наших дней; основные вехи процесса формирования и развития политико-философского мировоззрения, специфику познания политических явлений; основные направления и методы современной философско-политической мысли, ключевые теории, раскрывающие механизмы участия человека в историческом процессе, в политической организации общества, в сочетании насилия и свободы; смысл политических концепций и категорий, их взаимосвязь и иерархию (власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т.д.); соотношение рационального и иррационального в политике, основные закономерности и движущие силы современного социально-политического процесса, нравственные критерии политики и её мотивационную основу; значимые формы и способы осуществления политической власти в истории, границы и принципы государственной власти. Иметь представление об основных подходах, сложившихся в политической философии XX — начала XXI в., быть в курсе наиболее важных и актуальных публикаций по тематике дисциплины.

Уметь: ориентироваться в различных течениях политико-философской мысли, в принципах и методах современных политологических исследований; рассматривать их с точки зрения практических политических интересов и конкретных форм политической деятельности, социально значимых проблем и процессов; логически верно, аргументировано и ясно осуществлять анализ философских оснований современных политико-правовых доктрин, понимать и различать основные теоретические школы и течения в политической теории XX — начала XXI в.; объяснять смысл политических концепций и категорий (власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т. д.); применять основополагающие понятия политической философии к анализу различных политических норм и ценностей, политических доктрин, программ и идеологий, для изучения современ-

ных политических институтов и практик, адекватной интерпретации общественно значимой информации; самостоятельно анализировать современные политические идеи и теории, демонстрировать критический подход к различным интерпретациям политических идей, теорий и концепций; выявлять и формулировать актуальные научные политико-философские проблемы, самостоятельно разрабатывать методологию политологического исследования; применять политические знания на практике для самостоятельно анализа актуальных политических идей, теорий и концепций; самостоятельно получать и использовать полученные углублённые знания по политической философии, организовывать собственную учебную и научно-исследовательскую деятельность, самостоятельно ставить конкретные задачи научных исследований, критически анализировать и обсуждать проблемы, связанные с исследованием политической философии, анализировать информационные материалы, связанные с теоретической проблематикой дисциплины, обсуждать с коллегами задачи, ход и результаты своей деятельности, работать в групповых проектах, профессионально оформлять и презентовать результаты учебно-научной деятельности; использовать современные технические средства и информационные технологии; работать как с традиционными носителями информации, распределёнными базами знаний, так и с информацией в глобальных компьютерных сетях, используя ее для решения социальных и профессиональных задач;

Владеть (приобрести опыт): культурой мышления, способностью к анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения; навыками обобщения, анализа рассуждений и высказываний; умением логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь; инструментарием современного философско-политического дискурса; навыками политико-философского анализа актуальных политических проблем, явлений и процессов; умением самостоятельно осуществлять исследования политических идей, теорий, концепций и процессов как в Р. Молдова, так и в зарубежных странах; навыками публичной и научной речи; умением создавать и редактировать тексты про-

фессионального назначения, анализировать логику и способностью использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и информационные технологии; отстаивать и защищать свои права, реализовывать личные и групповые интересы через представительные политические институты, терпимо относиться к инакомыслию, находить компромиссы и достигать согласия по животрепещущим вопросам. Владеть современными методами исследования, способностями к выявлению и решения исследовательских проблем, современными технологиями поиска и анализа информации из различных источников, связанных с изучением политико-философских проблем.

Быть компетентным

– в суждениях о политической сфере общества и властных отношениях, уметь критически анализировать существующие политические идеи, теории, концепции, идеологии;

– во владении современными подходами и методиками исследования свойств политических объектов, в том числе с использованием экспертных техник;

– в сфере разработки политических рекомендаций, идей, теорий и концепций для политических деятелей, партий, органов власти, средств массовой информации.

После завершения курса «Политическая философия» студенты:

Обретут целостное представление о мире политики; усвоят основные концепции и понятия политической философии, овладеют инструментарием современного философско-политического дискурса. И как следствие – **будут участвовать в консолидации и интеграции страны, в процессах по упрочению гражданского мира и межэтнического согласия, государственного единства.**

Образовательные технологии:

В процессе освоения дисциплины «Политическая философия» используются следующие образовательные технологии:

- интерактивные лекции;
- семинары,

- письменные или устные домашние задания;
- деловые игры;
- аналитические задания;
- обсуждение подготовленных студентами эссе;
- диспуты, круглые столы;
- консультации преподавателей;
- разбор конкретных ситуаций;
- самостоятельная работа студентов.

3. ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЧАСОВАЯ СЕТКА КУРСА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ» ДНЕВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

№	Название тем	Количество часов		
		Аудиторных Политологи / Междуна- родники		Самосто- ятельная работа
		Лекции 30/30	Семинары 15/0	45/30
1.	Политическая философия как политическая наука и учебная дисциплина	2/1	1/0	3/2
2	Основные этапы возникновения и развития политической философии	4/2	2/0	6/4
3.	Политическая онтология	4/2	2/0	6/4
4.	Философия политического времени и пространства	4/2	2/0	6/4
5.	Политическая эпистемология как постижение мира политического	4/2	2/0	6/4
6.	Политическая антропология как наука о человеке политическом	4/2	2/0	6/4
7.	Политическая праксиология как теория политического действия	4/2	2/0	6/4
8.	Политическая аксиология и этика	4/2	2/0	6/4
Всего		30/30	15/0	45/30

4.СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ТЕМА 1.Политическая философия как политическая наука и учебная дисциплина

Вопросы:

- 1. Политическая философия в системе политологического и философского знания.*
- 2. Предмет, основные проблемы, категории, задачи и функции политической философии.*
- 3. Политическая философия, политическая идеология, политическая теория – соотношение понятий.*

1. Политическая философия в системе политологического и философского знания. Структура политической теории: объектный (эмпирический), теоретический и метатеоретический уровни. Метатеоретический уровень науки – идеалы и нормы научного исследования – это инвариант, который констатирует науку, отличая её от других форм познания, выражая стиль мышления эпохи, позволяя отличить одну науку от другой. Философия как комплексный интегральный вид знания. Философия как область метатеоретического знания о политике. Философские основания науки. Философия является средством адаптации научного знания к господствующим в культуре мировоззренческим установкам. Философские идеи и принципы обеспечивают эвристику поиска. Философия генерирует своеобразные «проекты», предельно обобщённые теоретические схемы потенциально возможных мировоззренческих структур, задавая научному поиску новые направления. Философия – методологическое основание науки, занимается выявлением, разработкой и обоснованием методов познания, активно используемых впоследствии наукой. Кроме того, философия сама является методом познания, поскольку всегда определяет стратегию познаватель-

ной активности. Основные разделы философского знания (общая характеристика): онтология, гносеология, социальная философия, философская антропология, аксиология. Эвристическая значимость философии для политической науки. Философия и политика. Философский подход к пониманию политической жизни общества.

2. Предмет, основные проблемы, категории, задачи и функции политической философии.

Предметное поле политической философии, ее специфика. Мир политического как объект политико-философской рефлексии. Понятие политического. Понятия «политика», «политическое», «политическая жизнь», «политическая сфера общественной жизни». Сущность и явление в политической жизни. Политическое как целое и основные формы проявления Политического. Участие в политической жизни и причастность Политическому. Политическая философия как интеллектуальное усилие, как способ практически-Духовного и духовно-Практического освоения мира Политического. Постигание идей, теорий, принципов, постулатов, лежащих в основе политики — основная задача политической философии.

Методологическое значение политической философии для исследования политических явлений и процессов. Понятийно-терминологический аппарат политической философии. Основные составляющие философского исследования политических процессов. Факторы, обуславливающие возрастание роли политической философии на современном этапе.

Структура политической философии: политическая онтология — учение о политическом бытии, изучает общие объективные основания политики, преобразовательные возможности политики, формирует картину мира политического, рассматривает проблемы бытия политической власти, антиномии политического пространства и времени;

– **политическая эпистемология — постижение мира политики**, изучает особенности познания политической реальности, специфику объяснения и понимания, рационального и иррационального в политике, формирование новых постклассических методов исследования политических процессов;

– **политическая антропология** — учение о человеке политическом, исследует творческие возможности человека политического, проблемы политической социализации, ценностные мотивации и вопросы политической и социокультурной идентичности;

– **политическая праксиология** — теория политического действия, выявляет структуру и функции политического действия, возможности и границы политических преобразований, динамику и мотивации политических действий в традиционном и модернизированном обществе;

– **политическая аксиология** — наука о политических ценностях, о наиболее общих ориентирах политической практики — гуманизме, демократии, равенстве, справедливости, мире, безопасности, благосостоянии, свободе, достоинстве человека, всестороннем развитии человека, труде, коллективизме, социальном прогрессе, порядке, их роли в современной политической практике;

– **политическая этика** — учение о предпоследних целях и ценностях политики, а также о политических добродетелях; совокупность ценностей и норм, регулирующих поведение политиков и всех тех, кто вовлечён в активные действия в сфере политики; «нормативная основа политической деятельности, затрагивающая такие основополагающие проблемы, как справедливое социальное устройство общества и государства, взаимные права и обязанности руководителей и граждан, фундаментальные права человека и гражданина, разумное соотношение свободы, равенства и справедливости и т. д.» В центре внимания политической этики находится проблема взаимоотношений власти и морали.

Таким образом, ПФ призвана дать целостное видение современного политического процесса в пяти концептуальных измерениях: онтологическом, эпистемологическом, антропологическом, праксиологическом, аксиологическом. И сквозь призму политической этики. Перефразируя И. Канта можно сказать, что ПФ — это неповторимый целокупный синтез всех политических явлений современности и регулятивная идея политики как его результат.

Политическая философия в системе социально-гуманитарного знания. Политическая философия и философия. Политическая фило-

софия и политология: Два предмета, составляющих политическую теорию: **политическая философия и политическая наука** (политология). Каждая из этих дисциплин обладает самостоятельным полем исследования, в то же время они связаны друг с другом. Первая обращается главным образом к нормативным вопросам, её интересует должностное, т. е. то, что должно происходить. Вторая направлена на эмпирическое познание действительности, интересуясь, прежде всего сущим. Политическая философия и политология различаются и с точки зрения выбора предмета исследования. Политическая философия рассматривает антиномии (рациональное и иррациональное, равенство и неравенство, справедливость и несправедливость, и т. д.). Необходимость философского осмысления возникает как следствие неудовлетворительного или противоречивого характера общественных взглядов на коренные вопросы политического развития, а политология обращена к политическому процессу, партиям и движениям, методам функционирования политических институтов и т. д. Существует и иная точка зрения, различающая ПФ и ПТ (в составе политической науки как комплексной, интегральной науки).

Философия политики и политическая философия. Политическая философия и практика: **Черты присущие политической философии и политики:** Все политические науки дают (с большей или меньшей долей достоверности) оценку прошлого опыта; Все политические науки, прежде всего, дают оценку современных процессов и явлений; Все политические науки пытаются прогнозировать дальнейшее развитие общественно-политических процессов; На политические оценки всегда влияет (в большей или меньшей степени) имеющийся господствующий идеал.

Три основные особенности западной политической философии середины XX в.: Во-первых, этот период отличался наличием политических примадонн или гуру. Крайне редко кто-то из звёзд первой величины того времени, вступал в критический обмен мнениями с другими теоретиками или вообще принимал во внимание их позиции. Конечно, они были осведомлены о работах друг друга и обсуждали их в узком кругу [...], но в публикациях, предназначен-

ных для массового читателя, о работах других учёных говорили мало. Во всех трудах **Х. Арендт** едва ли найдётся пара ссылок на публикации **М. Оукшотта**, а в книгах **К. Поппера** и **И. Берлина** она практически не упоминается. Другие авторы действовали в том же духе. Каждый гуру имел своих последователей — кто больше, кто меньше — и создавал собственные школы, приверженцы которых с воодушевлением развивали идеи своего духовного наставника.

Во-вторых, несмотря на то, что многие политические философы в те годы занимались разработкой разных проблем, они были прекрасно осведомлены о том, что их научная дисциплина как таковая постоянно подвергалась критике со стороны столь разных течений, как логический позитивизм, лингвистическая философия, социология познания, бихевиоризм и экзистенциализм, а также таких мыслителей исторического направления, как Р. Коллингвуд и Б. Кроче. В англосаксонском мире было широко распространено мнение о том, что исследования могут носить либо эмпирический, либо нормативистский характер, и что разработки традиционной политической философии относятся ко второму типу, а поскольку моральные ценности невозможно обосновать объективно, все нормативистские изыскания, включая политическую философию, в основе своей являются не более чем выражением личных предпочтений, незаконно претендующих на роль универсальных ценностей. Даже авторы, не согласные с таким позитивистским подходом, доказывали, что политическая философия не имеет общественного значения и не является необходимой, поскольку в современном западном обществе в принципе достигнуто общее согласие в отношении моральных ценностей. Короче говоря, ПФ либо вообще невозможна, либо в ней нет никакой необходимости, либо и то, и другое одновременно. Крупнейшие представители политической философии 50–60-х годов отвечали на эти и другие критические выпады так, как считали необходимым, причём одни относились к ним более серьёзно, чем другие, но все они сходились во мнении о том, что политическая философия не только имеет право на существование, но и является необходимым направлением научных изысканий. Эти изыскания были универсальными по масшта-

бам и критическими по ориентации, цель их заключалась в выработке рационального понимания политической жизни посредством определения ее основ, которые усматривались в фундаментальных человеческих способностях и потребностях (И. Берлин), человеческой природе (**Л. Страусс**, **Э. Вёглин** и **Г. Маркузе**) человеческой рациональности (К. Поппер), человеческой жизненной ситуации (Х. Арендт), или в тех трудностях, с которыми людям приходится сталкиваться, а позднее – в деятельности людей (М. Оукшотт). Ученые, чьи имена перечислены выше, внесли неоценимый вклад в изучение фундаментальных особенностей человеческой жизни в целом и политической жизни в частности, развенчали ложные концепции, отвергли соблазнительные, но по сути своей утопические идеологические проекты, одновременно отстаивая принцип целостности восприятия общественной жизни и вырабатывая основные параметры политических исследований. Почти все они полагали, что задача политической философии сводится в основном не столько к определению желаемого, сколько к осмыслению происходящих процессов, причём на таком высоком теоретическом уровне, который не позволяет давать практические рекомендации каким-либо институтам относительно политического курса. В силу этого, по их мнению, она никогда не сможет стать *практической* философией. Кроме того, многие теоретики считали, что в предшествующие десятилетия позиции политической философии существенно ослабли, поскольку сильная зависимость от общефилософской доктрины сделала ее заложницей меняющихся подходов последней. Таким образом, каждый из них своими собственными средствами стремился обосновать автономность политической философии и доказывал, что она является не *прикладной* областью философии, не распространением на политическую жизнь общефилософских доктрин, развивающихся независимо от нее, но достаточно самостоятельным направлением исследований с присущими ему специфическими категориями и формами исследования.

В-третьих, политические философы, работавшие в 50–60-е годы, прошли через ужасы Второй, а некоторые из них и Первой мировых войн, эпоху господства фашистского, нацистского и ком-

мунистического тоталитаризма и концентрационных лагерей и были глубоко обеспокоены жестокими и бесчеловечными тенденциями, скрытыми в европейской цивилизации. Они проследили истоки этих тенденций в рационализме (Оукшотт), историцизме (Поппер), моральном монизме (Берлин), возвышении *animal laborans* (Арендт), релятивизме (Страусс), гностицизме (Вёглин) и капитализме (Маркузе и другие марксисты). Несмотря на резко отрицательное отношение к современному коммунизму, большая часть политических философов этого периода критически рассматривали и либеральную демократию. Даже те из них, кто не разделял марксистских взглядов и в целом стоял на либерально-демократических позициях, были обеспокоены асоциальным подходом либерализма к личности, неисторичным взглядом на рациональность, чрезмерной заботой о материальном благополучии, моральным субъективизмом, полной интеграцией с капитализмом и инструменталистским подходом к политике. Критически они подходили и к демократии, озабоченные той лёгкостью, с которой фашистам и нацистам удалось мобилизовать народные массы. Политические философы того времени высоко ценили свободное общество, однако не без оснований отказывались отождествлять его с либеральной демократией. Чтобы сознательно дистанцироваться от последней, они называли то общество, к установлению которого стремились, «свободным», «открытым», «либертарным», «гражданским», «политическим или политически организованным», «управляемым на основе обсуждения» и т.п.

Поскольку на протяжении 50–60-х годов политическая философия успешно развивалась, возникает вопрос о том, почему сложилось мнение о ее кончине или окончательном упадке в этот период. Отчасти в формировании такого мнения сыграли свою роль невежество целого ряда авторов, позитивистское отрицание ими политической философии как «подлинной» философии, триумф поведенческого подхода, наивное убеждение в том, что философский диалог с мыслителями прошлого является лишь «историей общественной мысли», а не политической философией как таковой, необоснованное представление о том, что проблемы, к которым

обращались классики политической философии, были свойственны – лишь прошлому и не имеют отношения к настоящему и т.п. Как это ни удивительно, другим важным фактором была господствующая в то время нормативистская концепция политической философии, вызывающая резкое отрицание со стороны одних учёных и безоговорочную поддержку у других. Как явствует из высказываний противников нормативизма, многие из них тогда надеялись на то, что политическая философия провозгласит «новые политические цели», предоставит новой эпохе «адекватные концепции, в которых она нуждается», даст рецепты правил, по которым «нужно жить». Как уже отмечалось выше, большая часть политических философов 50–60-х годов не разделяли подобных ожиданий, рассматривая политическую философию прежде всего в качестве умозрительных, описательных и объяснительных исследований, направленных не столько на выработку конкретных предписаний, сколько на осмысление политических процессов. Поскольку работы этих учёных не соответствовали представлениям их критиков о том, какой должна быть «истинная» политическая философия, нет ничего удивительного, что последние провозгласили эту дисциплину умирающей. (См.: *Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. – М.: Вече, 1999. С. 480-482*).

В начале 70-х годов в Америке появились четыре новых издания, ставшие свидетельством того, что сова Минервы перенесла свое гнездо из Европы в Соединённые Штаты. В 1970 г. начал издаваться журнал страуссианского толка «*Interpretation*», год спустя была опубликована «*Теория справедливости*» Дж. Роулза и появился междисциплинарный журнал «*Philosophy and Public Affairs*», а через три года вышел из печати первый номер узко специализированного академического журнала «*Political Theory*». «Теория справедливости» Роулза, в основу которой легли философские труды старших современников автора, одновременно и продолжала их традицию политико-философских исследований, и порывала с ней. В 70-е годы и в более поздний период в политической философии произошло много важных изменений. Сущность политической философии и ее проблематика стали предметом многочисленных

прямых и косвенных обсуждений, в ходе которых сформировались **четыре различные позиции.**

Четыре позиции в западной политической философии по вопросу о сущности и проблемам политической философии: **а)** ПФ — одно из направлений моральной философии, а последняя по сути своей является нормативистской, и задача ПФ заключается не только в развитии общих принципов оценки социальных структур, но и в конструировании соответствующих институтов, процедур и практических политических программ. Эти ученые — **Дж. Роулз**, автор *«Теории справедливости»* (1971 г.) и его сторонники — исходили из такого понимания ПФ при анализе понятий справедливости, равенства, международных отношений и т.п.; **б)** Сторонники второй позиции — **М. Оукшотт** (*«Рационализм в политике»*, 1962 г.), **Х. Арендт** (*«Удел человеческий»*, 1958 г.), **Й. Берлин** (*«Существует ли ещё политическая теория»*, 1962 г., *«Две концепции свободы»*, 1969 г.) и др. — полагали, что ПФ представляет собой, прежде всего созерцательные и умозрительные изыскания, направленные на осмысление человеческого бытия в целом и современного мира в частности. Она не является одним из направлений моральной философии и не придерживается нормативистской ориентации, хотя, конечно, моральное начало в ней достаточно сильно. Цель ПФ состоит в исследовании человеческой природы и её трансформации в ходе исторического развития, рассмотрении сути переживаемого исторического периода, отличительных черт современного самосознания и т.д., а также в использовании результатов этих исследований для раскрытия, как специфики современной политической жизни, так и спектра доступных нам возможностей; **с)** Некоторые политические философы — в частности, **М. Уолзер** — придерживаются точки зрения, согласно которой корни ПФ заложены в образе жизни конкретных групп, а потому она направлена главным образом на их самовыражение, а это с необходимостью придаёт ей характер дисциплины, описательной по ориентации и ограниченной по масштабам; **д)** Наконец, некоторые специалисты в области ПФ — в частности, **Р. Рорти** — черпают вдохновение в работах авторов постструктуралистского и особенно постмодернист-

ского направлений, выступая не только против примата теоретического познания, но и вообще против традиционного различения теоретической и других форм мышления. По их мнению, теоретическое мышление не только обладает преимуществами перед другими способами познания истины, но нередко затрудняет поиски последней. Применяемые теоретическим мышлением категории слишком жёсткие, однозначные, биполярные, а страсть этого типа мышления к логической последовательности и системотворчеству отрывают его от реальности, не давая возможности объективно судить об амбивалентности, противоречиях и конфликтах человеческой жизни в целом и политической жизни в частности. С их точки зрения, политической философии следует больше экспериментировать, исследовать — её недостаёт диалогичности, открытости, иронии, осознания неоднозначности жизни, связи с интуитивным, а не теоретическим мышлением, присущим писателям и художникам. (См.: *Политическая наука: новые направления /Пер. с англ. — М.: Вече, 1999. С. 484-485*).

Три основные особенности современной политической философии: **Первая** из них состоит в том, что господствующие позиции в этой области в наше время занимает **либерализм**. Это обстоятельство обусловлено не только тем, что голоса консерваторов, марксистов, представителей религиозных и других течений общественной мысли сегодня звучат относительно тише, и большинство политических философов разделяют либеральные взгляды, но и тем фактом, что в наше время либеральные идеи обрели беспрецедентное влияние в философии. Они стали сегодня практически абсолютным критерием моральных и политических оценок. Все общества подразделяются на либеральные и нелиберальные, причём последние рассматриваются в качестве оппозиционных либерализму. Не удивительно поэтому, что все теоретики стремятся выглядеть либералами и пытаются облечь в либеральные формы даже радикальный отход от либерализма. Так, например, **Ч. Тейлор** не желает признавать, что озабоченность Квебека сохранением присущего этой канадской провинции особого образа жизни, выражающегося в последовательной отмене отдельных прав личности, представляет

собой совершенно законную попытку создать одну из разновидностей достойного общества, которое хотя и не является либеральным, тем не менее, отнюдь не противостоит либерализму и не является деспотическим. Вместо этого он настаивает на том, что квебекское общество воплощает в себе одну из разновидностей либерализма.

Господство либерализма привело и к ряду отрицательных моментов. Оно сузило спектр философских и политических возможностей, ограничило наш философский словарь и «освободило» либерализм как от оригинальных, так и от эпигонских «других» направлений. Более того, оно превратило присущую сторонникам либерализма лексику в некий метаязык, который обрёл привилегированное положение: будучи в употреблении наравне с другими вариантами политико-философской терминологии, он стал критерием оценки правильного употребления понятий; иначе говоря, сегодня он выступает одновременно и как валюта, и как мера стоимости всех остальных валют. Ущерб, нанесённый самооценке нелиберальных идеологических систем, настолько очевиден, что пояснять это представляется излишним. Ещё более печальным представляется то обстоятельство, что господствующий либерализм вобрал в себя моральные, политические и культурные достижения других направлений общественной мысли, и масштабы этих заимствований настолько велики, что возникла вероятность утраты либерализмом своей самобытности и целостности и превращения его в своего рода идеологический эсперанто. Ещё одно следствие гегемонии либерализма заключается в том, что современные политические философы, в отличие от политических философов 50–60-х годов, все в большей степени утрачивают способность к тому, чтобы утверждать приверженность свободе и индивидуализму, сохраняя критическое отношение к господствующей структуре либеральной демократии. Оукшот и Поппер могли выступать за «гражданское» или «открытое» общество, одновременно критикуя либеральное общество. Вряд ли такое возможно сделать сегодня, не встречая непонимания и не навлекая на себя обвинения в отступничестве.

Во-вторых, в 70–80-е годы роль гуру в англосаксонском мире

неуклонно падала, хотя в континентальной Европе положение было иным — там они продолжали процветать, формируя свои соперничающие друг с другом лагеря, которые англосаксонские пилигримы периодически посещали в поисках идейного вдохновения. Ныне политические философы прекрасно осведомлены о работах своих коллег и активно ведут друг с другом критический диалог. Никого не считают настолько «великим», чтобы чувствовать к нему благоговейный трепет или резко критическое отношение по причинам, связанным с неверно истолкованной философской или личной преданностью. Это становится особенно очевидным, если сравнить обсуждение работ Роулза с тем, как в свое время обсуждали идеи Оукшота, Страусса, Вёглина, Поппера и других. Должное уважение к Роулзу как к творческому мыслителю никому не мешало выступить против него с резкой, подчас даже беспощадной критикой; к нему относятся, скорее, как к первому среди равных, чем как к гуру или основоположнику научной школы. Стиль его ответов критикам также существенно отличается от реакции политических философов прошлых времён на выпады оппонентов. Он добросовестно отвечал на каждое критическое замечание, признавал ошибки и корректировал свою позицию. В двух его основных трудах выражена благодарность большему числу людей, чем в работах почти всех послевоенных политических философов вместе взятых; вряд ли в них можно встретить хоть одну важную мысль, которую бы Роулз великодушно не считал уже высказанной у другими авторами.

Благодаря изменению интеллектуального климата ныне **идеи деперсонифицированы**, оторваны от личности своего создателя, их обсуждают как таковые, вне зависимости от того, с чьим именем они связаны, и обращаются с ними как с общественной собственностью. В силу этого среди политических философов сложилась атмосфера подлинного единства, основанная на равном интересе к общему предмету изучения. Как известно, ныне основные противоречия в рамках дисциплины связаны с определением того, какие из проблем наименее хорошо изучены, и развитию каких областей науки следует уделять приоритетное значение. В результате

этих изменений история политической философии в последние два десятилетия не может выглядеть так же, как в 50–60-е годы, когда в ней господствовали отдельные личности, которые практически не вступали в дискуссии друг с другом. Хотя при желании можно проследить ход борьбы между различными точками зрения, однако все научные споры того времени носили по необходимости абстрактный и искусственный характер и грозили подорвать единство подхода к общему предмету исследований. Поэтому история политической философии того периода неизбежно сводилась к *фигуре мыслителя*, и нет ничего удивительного в том, что с этих позиций она и писалась. В отличие от тех лет, история последующих двух десятилетий концентрируется вокруг *самой мысли*, и, как нетрудно предположить, ее изложения, как правило, основываются на описании столкновения противоречащих друг другу положений.

В заключение отметим, что современная политическая философия продолжает оставаться столь же **ограниченной**, как и двадцать лет тому назад. Она не отличается большим интересом к политическому опыту, проблемам и дискуссиям, ведущимся за пределами западного мира. Подход ко всему, находящемуся вне этого мира, по-прежнему определяется убеждением в том, что остальные народы обречены на повторение опыта Запада, поэтому стоящие перед ними проблемы, как и их ожидания, анализируются почти исключительно с точки зрения западных приоритетов. **Игнорирование незападного мира** имеет ряд печальных последствий. В частности, оно привело к тому, что сегодня западная политическая философия лишена как действенных способов защиты от ревизии ее положений с позиций этноцентризма, так и ценного источника критического самосознания. Кроме того, ее представители неспособны принять и оценить широкий спектр самых разных представлений о достойной жизни, а также разработать адекватные с точки зрения культуры категории мышления и моральные принципы, необходимые для развития связей с миром, в котором взаимосвязь и взаимозависимость народов все увеличиваются. Поскольку ныне Запад обладает значительным политическим, экономическим и культурным влиянием в мире, искажённое представление об

остальных странах нередко позволяет проводить в них политику, чреватую осложнениями, и ведёт ко многим моральным и политическим потерям, которых можно было бы избежать. (См.: *Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. – М.: Вече, 1999. С. 487-489*).

Определения политической философии: Т. Алексеевой, К. Гаджиева, Р. Поупкина и А. Стролл, А. Алешина (В. Губина). Политическая философия – отрасль знания, изучающая политику как целое, её природу, значение для человека, взаимоотношение между личностью, обществом и государственной властью и разрабатывающая идеал и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии оценки политики.

Политическая философия (нормативная политическая теория) – это интегральная, но относительно самостоятельная область не только политического, но и социально-философского знания (философия политики). Она изучает наиболее общие основания политической деятельности, власти и политической морали, природу и сущность самой политики, политических ценностей и целей. Иными словами, политическая философия – это система знаний, раскрывающая содержание, характер и формы политической деятельности, сущность власти, политического выбора и ориентации.

И. Панарин: Философия политики – наука об общих основаниях и возможностях политики, о соотношении в ней объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального.

Три группы явлений, составляющие предмет политической философии: политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества; наиболее глубокие основы политики; способы и средства познания политики, смысл политических категорий (власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение).

Так по мнению авторов очень известного западного учебника по философии **Р. Поупкина и А. Стролл**, трудно дать точное определение политической философии, поскольку складывается впечатле-

ние, что у неё нет своего предмета исследований. Её основными задачами являются отчасти описание общественных организаций прошлого и современности, и в этом отношении создаётся впечатление, что она дублирует исследования экономики, политологии, антропологии, биологии и социологии; отчасти — оценка этих структур, в чем она, казалось бы, сходна с этикой.

К примеру, она описывает характерные существенные особенности различных типов правления (демократии, монархии, фашизма и т.д.) и одновременно пытается ответить на вопрос, что в конечном итоге оправдывает существование любой из этих форм. Ответ на такой вопрос, вероятно, естественнее всего было бы получить из этической теории (так, утилитаристы могли бы ответить: обеспечение наибольшего количества счастья для наибольшего числа людей), и поэтому политическая философия иногда просто считается прикладной этикой.

Но, несмотря на то, что политическая философия непосредственно связана с социальными науками и этикой, **было бы ошибочным утверждать, что у неё нет собственных, специфических задач.** Она, например, занимается следующими **проблемами:** какими пределами ограничивается (или должна быть ограничена) власть государства над остальными членами общества; возможен ли жёсткий контроль за экономической деятельностью людей без ограничения их политических свобод; допустимо ли, чтобы выборные представители законодательной власти вносили предложения о том, что представляется целесообразным лично им, или же они должны выражать исключительно мнение большинства своих избирателей; и т.п.

Несомненно, рассмотрение всех этих вопросов включает моральный аспект, но при этом не следует забывать, что при этом возникают и другие, специфические трудности.

Для дальнейшего описания политической философии ее можно подразделить, подобно этике, на две части: теории «классические» и теории «современные». В общих чертах классические политические теории можно определить как такие, которые дают рекомендации, как построить идеальное общество. Современные теории, напро-

тив, сосредоточены прежде всего на том, что мы навали философским анализом, то есть на выяснении точного смыслового значения этих рекомендаций и терминов, которые мы используем при обсуждении политических проблем. Современные теории имеют дело с такими вопросами, как: что подразумевается под словосочетанием «всеобщие права человека», о которых говорится в Хартии Объединённых Наций; каков истинный смысл термина «государство» и ему подобных. Рассмотрение этих вопросов связано с весьма тонкими вещами, но стремление философов все же рассматривать их, не следует оценивать как просто желание заниматься словесной эквилибристикой. Скорее, на эти попытки следует смотреть как на первые шаги к уточнению проблем, стоящих перед политической философией, с тем чтобы можно было чётче определить полезность рекомендаций, даваемых классическими теориями, и внести большую ясность в дискуссии по поводу современных социальных и политических проблем. (См.: *Поупкин Р., Стролл А. Философия. Вводный курс: Учебник. – М.: Серебряные нити. Гл. Политическая философия. С. 104-163*)

Алексеева Т.А. Предмет политической философии: В зарубежных учебниках часто приводят трактовку предмета и основных вопросов политической теории американского мыслителя **Алана Гевирта**. По его мнению, политическая теория, прежде всего, ищет ответы на вопросы, связанные с разработкой правильного политического порядка и оптимального функционирования политической власти, а именно: *что человек должен делать по отношению к обществу и правительству*. Подобные вопросы могут быть поставлены на различных уровнях, начиная с максимально конкретных и вплоть до предельно абстрактных. Алан Гевирт выделяет **три группы коренных вопросов политической философии**:

1. **Общие вопросы об обществе.** Почему люди вообще должны жить в обществе?
2. **Общие вопросы о правлении.** Почему люди вообще должны подчиняться какому-либо правительству? Почему одни люди должны обладать политической властью над другими?
3. **Специфические вопросы о правлении:** а) Источники и место-

расположение политической власти: по каким критериям можно определить, кому именно должна принадлежать политическая власть?; б) Пределы политической власти: по каким критериям определять, какова должна быть величина политической власти и какие права и свободы должны быть выведены из-под политического и правового контроля?; в) Цели политической власти: на какие цели должна быть направлена политическая власть и каковы критерии определения ее целей?

Политическая философия обращается к двум **типам концепций**: к тем, которые выражают политические идеалы, в том числе идеалы свободы, равенства и справедливости и к тем, которые выражают нормативные принципы. Политическая философия — **общая методологическая база** политических исследований, определяет смысл различных концепций, выявляет универсальные принципы и законы во взаимоотношениях человека. Общества и власти, соотношение рационального и иррационального в политике, её нравственные критерии и мотивационную основу. Определяет границы и принципы государственной. Политическая философия была исторически первой формой существования политической науки.

Критика политических представлений, связанных со старой классической картиной политического мира: **редукционизма, детерминизма, прогрессизма, фатализма**. Политическая философия в информационном обществе. Информационная революция и формирование новой постклассической картины мира XXI века. Информация как важнейший структурный компонент современной политической системы.

В первом издании (1996 г., 1997 г.) учебника по философии под редакцией **В.Д. Губина** в главе «*Политическая философия*», написанной **А.И. Алёшиным**, утверждается, что политическая философия — это, **во-первых**, особая поддисциплина, располагающаяся на точке пересечения философии и политической науки. В этом качестве она призвана изучать духовные и мировоззренческие аспекты мира политического. Она включает политическую онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию. **Во-вторых**, эта та сфера духовной деятельности людей, где формируются мировоз-

зренческие, нормативные и ценностные аспекты мира политического, сама идея политического, идеи государства и власти и т.д. Для политической философии мир политического служит в качестве источника философской рефлексии о принципах порядка, свободы, равенства, справедливости и т.д. Она избегает вопросов вроде «где?», «когда?», «как?», «кто?» и т.д., или категории «здесь» и «теперь». Её интересует прежде всего сократический вопрос «Что есть...?». Т.е. вопрос: «Что есть политика?».

По мнению А. Алёшина, философия призвана осветить **скрытый принцип всего мира политического** в его явленности. Она концентрирует внимание на **сущностных аспектах, скрытых принципах, природе политических феноменов**. Внешний аспект составляет конкретные проявления, формы и факты, так сказать, феноменальную сторону политического. Речь идёт, например, о конкретных баталиях между законодательной и исполнительной ветвями властей по тому или иному конкретному вопросу. Когда говорят о внутренней стороне, то имеется в виду сущность феномена разделения властей, которая характеризуется в идеальных, абстрактных категориях.

Мир политического имеет наличное, объективное бытие и бытие абстрактно-идеальное. Последнее существует в форме идеи – понятия-в-себе-и-для-себя. В этом качестве политическое бытие, возможно, составляет в явной или неявной форме интегральную часть любого человеческого общества. Иное дело, что вплоть до Нового времени, когда началось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные сферы человеческого социума, оно было как бы неразрывно слито с другими аспектами человеческого существования. Так или иначе, задача политической философии состоит **в постижении идей и мыслей, лежащих в основе мира политического**. Они, в свою очередь, раскрываются в понятиях. Поэтому важная функция политической философии состоит в разработке понятийно-категориального аппарата и языка политической науки.

При этом следует подчеркнуть, что в ПФ, равно как и в других социальных и гуманитарных науках, существенную роль играет

абстракция. Её задача состоит в том, чтобы упростить реальность, не искажая сути этой реальности. Если в большинстве социальных и гуманитарных науках абстракция возможна a posteriori, то в ПФ она допускается a priori. Политический философ не просто описывает факты, олицетворяемые теми или иными событиями политической жизни, а выявляет сущности, в которых достигается единство внутренней и внешней стороны события.

Иначе говоря, ПФ интересуется не столько эмпирическая, фактографическая сторона мира политического, сколько значимость и смысл последнего в целом. **Она призвана постигать сущность политического, определить, так сказать, в последней инстанции природу политических вещей в самом широком и глубинном понимании этих слов.** В её задачу входят осмысление содержания конкретных политических понятий, поиски ответов на вопросы: в какой мере политическую реальность можно изобразить в соответствующих понятиях и терминах? Насколько содержание этих последних значимо для субъектов политики? И.т.д.

В целом, ПФ занимается проблемами, связанными с соотношением целого и частного; общего и индивидуального; теории и практики; свободы, справедливости и равенства и т. д. в мире политического. Вместе с тем в её задачу входит выяснение сущности власти и властных отношений, государства, их предназначения и целей. Вместе с тем в её задачу входит выяснение сущности власти и властных отношений, государства, их предназначения и целей. Например, власть, взятую саму по себе, невозможно сколько-нибудь чётко фиксировать в понятиях. Чтобы понять её сущность, необходимо определить содержание понятия «государство», а его в свою очередь нельзя понять, не выявив то, какое именно содержание мы вкладываем в понятие «политическое» и т.д. Иначе говоря, власть, взятая в её конкретной явленности, в чисто практическом воплощении или в сциентистском, эмпирически-фактографическом аспекте, лишается многих своих важных сторон, редуцируется и упрощается.

Поэтому для анализа власти применяется множество подходов, каждый из которых имеет свое понимание момента истины, но

при этом оставляя как бы за скобками вопрос о природе власти как человеческого, социального феномена вообще. Используя разные методологические подходы и методы исследования, политология призвана раскрывать место, роль и функции власти и властных отношений в мире политического, их взаимосвязей с другими сферами человеческой деятельности и т.д. Что же касается политической философии, то она, призвана в данном контексте определить природу и предназначение власти. Суть этого тезиса можно разъяснить на следующем примере. В своём ставшем знаменитом Гетисбергском обращении, президент США А. Линкольн во время Гражданской войны говорил «о правлении народа, для народа и осуществляемом народом». Это выражение, как правило, считается определением демократии. Но философ должен вникнуть в сущность этого выражения и дать ответы на следующие вопросы: «Для чего нам нужно правление, осуществляемое народом?» «Чем оно должно править?» «Каким образом люди могут править самими собой?» И т.д.

Можно сказать, полагает А. Алёшин, что ПФ — это дисциплина **о принципах политической организации общества**. Одна из важнейших характеристик принципа в его философском толковании — это способность к универсализации, суть которой состоит в том, что в равных условиях он будет действовать одинаково. Например, для утверждения и эффективного функционирования политической демократии и её институтов необходим определённый минимум условий, без которых они просто невозможны. Так, правовое общество с необходимостью предполагает гражданское общество с развитыми и общепринятыми институтами и ценностями, а последние, в свою очередь, предполагают признание законности частного, приватного начала, противостоящего публичному началу, кристаллизацию групп интересов, признание социальной, культурной, идеологической и др. форм плюрализма и т.д.

При этом необходимо подчеркнуть, что понятия и категории «власть», «государство», «политика» и им подобные всегда выступают в конкретных формах и обликах в зависимости от национально-культурного, общественно-исторического, парадигмаль-

но-мировоззренческого и иных контекстов. Их конкретные типы и содержание зависят от конкретного типа мышления или миропонимания данного народа конкретного исторического периода. Их нельзя представлять как некие неизменные сущности, одинаково верные для всех народов и времён.

Касаясь ложного, метафизического толкования идеи античной свободы европейскими мыслителями своего времени, Т. Гоббс утверждал: *«Ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков».* (Гоббс Т. Сочинения. Т. II. — М.: Мысль, 1988. С. 243). Здесь философ имел в виду попытки некритического перенесения идеалов и ценностей одной исторической эпохи на другие исторические эпохи. Ценности и идеалы, воплощённые в социальных и гуманитарных науках, зависят от общества, которому эти науки принадлежат, поскольку они носят исторический характер.

Например, как отмечал Р. Коллингвуд, *«„Государство“ Платона, — изображение не неизменного идеала политической жизни, а всего лишь греческого идеала политики, воспринятого и переработанного Платоном. Этика Аристотеля описывает не греческую мораль, а мораль грека, принадлежащего к высшим слоям общества. „Левифан“ Гоббса излагает политические идеи абсолютизма XVII в. в их английской форме. Этическая теория Канта выражает моральные убеждения немецкого пиетизма; его „Критика чистого разума“ анализирует теории и принципы ньютоновской науки в их отношении к философским проблемам его времени».* (Коллингвуд Р. **Идея истории.**, 1980. С. 218). (См.: **Философия: Учебник / Под ред. В.Д. Губина и др. — М.: Русское слово, 1997. С. 240-243).**

Позиция Лео Штрауса: Политическая философия — это та ветвь философии, которая наиболее близка политической жизни, жизнь нефилософской, человеческой. **Политическую философию** нужно отличать от **политической мысли**. Политическую мысль саму по себе не заботит различие между мнением и знанием. Политическая философия являет собой сознательное, последовательное и неустанное усилие, направленное на замену мнений о политических принципах знанием о них. Политический философ интересуется

в первую очередь только истиной и привязан в первую очередь только к ней. Политическая мысль, не являющаяся политической философией, находит свое адекватное выражение в законах и кодексах, поэмах и историях, брошюрах и публичных речах *inter alia* (между прочим. – лат.); надлежащей формой представления политической философии выступает трактат.

Следует проводить различие между **политической философией** и **политической теологией**. Под политической теологией Л. Штраус понимает политические учения, основанные на божественном откровении. Политическая же философия ограничивается тем, что доступно человеческому уму, причём без посторонней помощи.

Отношение между **политической философией** и **политической наукой**. «*Политическая наука*» – понятие двусмысленное: оно обозначает такие исследования политических вещей, которые руководствуются моделью естественных наук; кроме того, оно обозначает деятельность, осуществляемую учёными-политологами.

Политическая философия есть попытка понять **природу политических вещей**. Прежде чем кто-нибудь сможет даже подумать о том, чтобы попытаться понять природу политических вещей, нужно знать о них: необходимо обладать политическим знанием. **Современный позитивизм** отказывается от политической философии, поскольку считает ее ненаучной. Позитивистская социальная наука «свободна от ценностей» или «этически нейтральна»: она нейтральна в конфликте добра и зла, как бы их при этом ни понимали.

Соображения **против школы позитивизма** по Л.Штраусу: Невозможно изучать социальные феномены, то есть все важные социальные феномены, не вынося при этом ценностных суждений. (Невозможно определить политическое, то есть то, что является уместным для полиса, «страны» или «государства», не ответив на вопрос о том, что является ценностью данного общества). Отказ от ценностных суждений основан на предположении, что конфликты между различными ценностями или системами ценностей по сути своей неразрешимы для человеческого разума. Убеждение, что научное знание, то есть тот вид знания, которым обладает и к которому стремиться современная наука, представляет собой наивысшую форму

человеческого знания, приводит к недооценке донаучного знания (Озабоченность научным доказательством вещей, и так достаточно хорошо и даже лучше известных каждому и без научного доказательства, ведёт к отрицанию того мышления или той рефлексии, которые должны предшествовать всем научным занятиям, если они хотя бы уместными.) **Позитивизм с неизбежностью превращается в Историцизм.** (Историцизм отбрасывает вопрос о хорошем обществе по причине сущностно исторического характера общества и человеческой мысли: нет никакой сущностной необходимости поднимать этот вопрос; он в принципе несоизмерим с человеком; сама его возможность есть результат таинственной милости судьбы).

Задачи и функции политической философии: постижение идей, лежащих в основе мира политического; раскрытие сущности мира политики; разработка и осмысление понятийно-категориального аппарата и языка политической науки, в частности, сущности ключевых понятий: свобода, справедливости, равенства; исследование проблем соотношения целого и частного, общего и индивидуального, теории и практики в мире политики; выяснение сущности и природы власти и властных отношений, государства, их предназначения и целей.

К основным **функциям** политической философии можно отнести следующие:

Критико-аналитическая функция предполагает осмысление на философском уровне происходящих в обществе политических процессов; Прогностическо-рекомендательная функция – формулирование альтернативных целей политического развития в каждой конкретной исторической ситуации. Теоретико-метрологическая функция – обеспечение формирования новых политических теорий как основы законотворчества, конституционного и демократического процессов. Просветительно-воспитательная функция - содействие подъёму политического сознания и политической культуры общества, а также распространение научных представлений о путях и методах будущих преобразований.

Б. Г. Капустин выделяет три типа политической философии

(Типы политической философии — это нравственно-теоретическое отношение к массовому сознанию): 1) Политическая философия абстрактного «мы»; 2) Политическая философия ситуативного не рефлектирующего «мы» («мы» представлена как особая культура); 3) Политическая философия ситуативного рефлектирующего мы.

Политическая философия абстрактного «мы». Наиболее убеждённый политический философ «абстрактного мы» это Роулс. Политическая философия абстрактного мы выявляет общие концепции и закономерности «мы». «Мы» абстрактного типа политической философии — не знает ни «своего места в обществе, своего класса, положения или социального статуса». Этот тип политической философии не следует максимизации выгод «мы», а ищет общие принципы (справедливости, свободы и т.д.). Роулс выделяет 2 концепции справедливости в своём главном произведении «Теория справедливости»: 1. Моральная концепция; 2. Политическая концепция. Роулс утверждает, что невозможно вывести политическую концепцию из моральной. **Политическая философия ситуативного не рефлектирующего «мы»** Главным представителем политической философии ситуативного не рефлектирующего «мы» является **Р. Рорти**. Этот тип философии является субъективным, всё внимание обращено на «мы» и можно сказать что этот тип в отличии от первого носит анти универсальный характер. То есть успех этого типа политической философии может заключаться только в одном — в «продолжении» существования «наших» Институтов и «наших» Убеждений. «Мы» собирается ассимилировать и подогнать весь мир под себя. **Политическая философия ситуативного рефлектирующего «мы».** По Капустину, политическая философия рефлектирующего мы — это политическая философия, которая признает достоинства и недостатки «наших» и «их». «Мы» не ассимилирует «их» под себя. «Мы» ситуативного рефлектирующего типа развивается с помощью «диалога» и взаимодействия между «мы» и «они». И адекватная оценка обеих сторон оберегает «мы» от деградации к этноцентризму. Политическо-философская истина, по Капустину — это найденный для данной исторической ситуации способ «быть вместе и быть врозь».

Резюме. Впервые на протяжении почти целого столетия политическая философия переживает относительно благоприятный период развития. Она сумела не только уцелеть после ряда серьёзных нападков, но и создать внушительную традицию исследований, облегчающую изучение новых эмпирических данных и развитие внутридисциплинарных связей. Хотя победоносные 70-е и 80-е годы свысока (что было несправедливо!) поглядывали на своих предшественников — 50-е и 60-е, — и несмотря на то, что некоторые представители старшего поколения скептически воспринимали достижения своих сравнительно более молодых коллег, теперь можно составить более полную и адекватную картину преемственности в развитии политической философии начиная с 1945 г. Если и в будущем эта дисциплина намерена успешно развиваться, ей уже сейчас следует готовиться к решению новых проблем и переоценке имеющегося в ее распоряжении теоретического инструментария. Из многих проблем, с которыми ей приходится сталкиваться уже сегодня и значение которых в дальнейшем, скорее всего, возрастет, особого внимания заслуживают две, о которых речь пойдет ниже. Кроме этих двух проблем существует несколько других вопросов, как, например, набирающий силу процесс растворения национального государства в более крупных структурах или распада его на более мелкие объединения; изменение природы политического и его составляющих; потенциальные явления репрессивного и эмансипирующего характера, которые могут возникнуть вследствие растущего стремления государства вмешиваться в решение социальных проблем, которые ранее относились к области частной жизни; структурное изменение гражданского общества. Все они в той или иной мере окажут влияние на то определение предмета политической философии, которое было сформулировано четыре столетия назад, однако на этих и сопряженных с ними проблемах мы останавливаться не будем.

Первый из вопросов, которому нам хотелось бы уделить более пристальное внимание, связан с тем, что, как показано выше, политическая философия насчитывает по меньшей мере четыре различных подхода к определению ее природы и спектра рассматриваемых

мых вопросов. Некоторые из них глубоко ошибочны и нуждаются в переосмыслении. Политическая философия не может ограничиться исключительно локальными проблемами и свести теоретическую деятельность к интерпретации. Первое невозможно, поскольку нельзя вести философские рассуждения о политической жизни, не имея представления о человеческой природе и, следовательно, не прибегая к универсализации; второе — поскольку общественная мораль и политическая структура никогда не бывают гомогенными, а потому любая их интерпретация неизбежно подразумевает критическое отношение и необходимость выбора, которые, — если только они не основаны на личных пристрастиях политического философа со всеми вытекающими отсюда трудностями, — требуют наличия чётко выраженных и ясно определённых моральных и политических принципов. Самосознание человеческой общности не существует само по себе таким образом, что остаётся только ждать, чтобы кто-нибудь его открыл и разъяснил миру; оно всегда формируется на основе некой позиции. Просто поразительно, что мысль М. Уолзера — самого блистательного сторонника локальной и объяснительной концепции политической философии — опирается на многочисленные универсалистские и предписывающие принципы. Что касается постмодернистского подхода к пониманию политической философии, особенно его версии в популярном изложении Рорти, то он основывается на локальной и объяснительной концепции политической философии и поэтому против него могут быть выдвинуты те же самые возражения. Поскольку он не в состоянии возвыситься над господствующей формой коммунального самопонимания, подобный подход к политической философии лишён способности осознать двойственность такого понимания, присущие ему тенденциозность и противоречивость, а потому сильно склоняется в сторону позитивизма.

Остаются ещё **две версии** понимания сущности политической философии: первая трактует политическую философию как **умозрительную и рефлексивную дисциплину**, вторая полагает, что этот тип исследований носит **моральный и рекомендательный характер**. Каждая из этих версий обладает своими достоинствами, но ни

одна не лишена определённых недостатков. Поскольку для политики важны проблемы жизни людей в обществе, постольку политическая философия не может обойтись без рекомендаций. Тем не менее, то, как мы будем жить, зависит от того, кем мы являемся, какие перед нами открыты возможности, с какими трудностями нам приходится сталкиваться и т.п., поэтому здесь трудно принимать какие бы то ни было решения без предварительного терпеливого и скрупулёзного теоретического осмысления наших традиций, характера, истории и социальной структуры. Поэтому тщательно сбалансированный подход должен предусматривать и умозрительные, и критические, и рефлексивные, и рекомендательные функции политико-философского исследования.

Вторая проблема, стоящая сегодня перед политической философией, связана с наличием в современном обществе **серьёзных культурных различий**.

Многие политические философы прошлого не без оснований выступали за создание культурно гомогенного общества, в котором разрабатываемые ими объяснительные и нормативные принципы могли бы без всяких колебаний быть приемлемы для всех или, по крайней мере, для основной массы граждан. Так, например, они полагали, что любое основание для исполнения политических обязательств, какое бы они ни выдвигали, — будь то всеобщее согласие, справедливость, благодарность, общее благо или самореализация, — обладает примерно равной моральной силой абсолютно для всех граждан. Сегодня мы уже не можем на это рассчитывать. Определенные группы граждан — в частности, религиозные фундаменталисты, моральные скептики и философские анархисты — ставят под сомнение законность существующих властных структур, а если и выполняют их требования, то лишь из соображений благоразумия. Даже те, кто признает моральное обязательство подчинения закону, делают это из иных соображений, обусловленных основными ценностями их собственных культурных традиций. В моральной традиции, основанной на принципах индивидуализма, основной ценностью является согласие, которое служит достаточно убедительным основанием для выполнения политических обяза-

тельств. В случае с иными культурными традициями дело обстоит иначе — здесь в качестве основной ценности может выступать благодарность, любовь к Богу, общественная солидарность и следование заповедям предков. Любой из этих принципов по-иному трактует исходные основания, требующие выполнения политических обязательств, поэтому возможность выработки единого фундаментального принципа, обосновывающего необходимость выполнения политических обязательств, в таком плюралистическом в культурном плане обществе, как наше, представляется весьма сомнительной. Сбалансированная теория политических обязательств, так же, как и теория легитимности и теория власти, обязательно должна быть простой и носить формальный характер, оставляя достаточно возможностей для наполнения абстрактных моральных требований различным содержанием, обусловленным моральными предписаниями конкретных культурных традиций.

Кроме того, **культурный плюрализм** требует пересмотра традиционного толкования таких основополагающих понятий, как равенство, честность, справедливость, социальная сплочённость, политическое единство и свобода. В отличие от типичных для либерализма представлений, существует ряд других подходов к пониманию равенства людей, принципов организации справедливого общества и разработки единой политической линии. В зависимости от культурных особенностей понятие свободы тоже может трактоваться по-разному, и представление об отрицательной свободе, опирающееся на идею классовых различий, является лишь одним из них, причём далеко не самым последовательным. В связи с перечисленными проблемами возникает вопрос о том, какие принципы должны быть положены в основу при выборе той или иной интерпретации этих основополагающих понятий. Рассмотрим, в частности, концепцию равенства. Характерный для либерального направления подход к проблеме, игнорирующий существующие различия между гражданами, со всей очевидностью имеет определенные сильные стороны. Тем не менее, поскольку люди воспитаны в духе различных культурных традиций, сквозь призму которых они воспринимают наше к ним отношение, такой подход может

легко привести к серьёзному нарушению принципов равенства и справедливости. По сути дела, равенство означает беспристрастное применение определённых правил, а справедливость характеризует их содержание. Поскольку правила в культурном отношении всегда нейтральны, — хотя одни могут быть более нейтральны, чем другие, — их применение всегда направлено на пользу тем людям, чей образ жизни и мыслей они отражают.

Однако, если принять в расчёт существующие разногласия, сразу же возникнут многочисленные проблемы. Каким образом можно обеспечить равное отношение к тем, к кому мы относимся по-разному? Какого рода различия следует при этом учитывать? Что следует делать, чтобы существующие различия не стали чересчур резкими и жёсткими, если они обретут силу закона и юридических положений? И как можно добиться социальной сплочённости и чувства коллективной идентичности у граждан, отношение к которым столь различно? Какую бы позицию по этим вопросам мы ни заняли, мы в любом случае столкнёмся со сложными моральными и философскими проблемами. Они отнюдь не новы, равным образом нам приходится считаться с различиями потребностей мужчин и женщин, молодёжи и пожилых людей, здоровых и больных. В обществе, отличающемся культурным плюрализмом, таким проблемам уделяется особое внимание, и это чрезвычайно затрудняет принятие решения относительно того, как следует относиться к мужчинам и женщинам, принадлежащим к разным культурам; как определить, каким различиям следует уделять внимание, а каким нет; как оценивать эти различия и как на них реагировать; и, наконец, как убедиться в том, что два относящихся к разным культурным традициям человека в определённом отношении равны между собой.

Поскольку западная традиция политической философии в основном исходит из предположения о культурной гомогенности общества, она испытывает серьёзные затруднения, сталкиваясь с необходимостью учитывать культурные различия и решать связанные с ними проблемы. Плюралистическое в культурном отношении общество нуждается в политической философии, основанной на

принципе множественности культур, который помогал бы устанавливать связи между отдельными культурами, переводить категории одних культур на язык других, умело и терпеливо выявлять болезненные для определённых культур и внутренне противоречивые интерпретации универсальных категорий и принципов. Мы только-только начали уделять соответствующее внимание трудностям такого рода. Значение этих проблем становится особенно очевидным, если учесть то обстоятельство, что Роулзу потребовалось пересматривать идеи «Теории справедливости» уже через несколько лет после ее выхода в свет, а затем даже написать «Политический либерализм» – работу, в основу которой положены философские принципы, существенно отличающиеся от прежних установок. Сложности, связанные с разработкой политической философии, основанной на принципе множественности культур, становятся ещё более явными, если учесть то обстоятельство, что, вопреки чётко выраженному стремлению следовать этому принципу, Роулз в «Политическом либерализме» по-прежнему строго придерживается монокультурной ориентации, и его политическая концепция справедливости, трактовка общественного разума, определение индивидуума, как и его этические и философские рассуждения, весьма малоубедительны для тех учёных, кто не разделяет его взглядов на либерализм. (См.: *Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. – М.: Вече, 1999. С. 489-492*).

3. Соотношение понятий: политическая философия, политическая теория, политическая идеология.

Зачастую политическая философия смешивается с политическими теориями. Поэтому весьма актуален вопрос об их соотношении друг с другом. Два смысла термина «теория»: широкий и узкий. **Широкий смысл** – комплекс идей, имеющий своей целью истолкование и объяснение тех или иных явления и процессов. **Узкий смысл**: наиболее развитая форма организации научного знания. Теория представляет собой целостную систему знания, различные компоненты которого расположены в логической зависимости друг от друга и выводятся из определённой совокупности понятий,

утверждений и т.д. Теория как особая форма освоения мира всегда связана с определёнными философско-мировоззренческими установками. Это нередко служит фактором, затрудняющим проведение сколько-нибудь **чёткой линии разграничения между политической философией и политической теорией.**

Простое описание или систематизацию эмпирических фактов нельзя считать теорией. Последнее обязательно предполагает не только описание, но и объяснение. Объяснение, в свою очередь включает раскрытие закономерностей и причинно-следственных связей в тех процессах и феноменах, которые данной теорией покрываются. **Политическая теория** объясняет конкретные проявления мира политического: структуру и функции, институты и субъекты, их поведение, роли и взаимоотношения, формы и типы политических систем и т.д. Отсюда теории структурно-функционального анализа, типологизации политических и партийных систем, теории демократии, авторитаризма, тоталитаризма и т.д. В отличие от этого **политическая философия** исследует политические явления в их целостности, стремится постичь сущность явлений, лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политики, политического вообще, идею государства и власти вообще, то есть, отвлекаясь от их конкретных воплощений.

Вопрос о соотношении идеологии и политики — сложный и многоаспектный, требующий самостоятельного рассмотрения. Здесь затронем лишь его аспект, касающийся мировоззрения и, соответственно, политической философии. **Политическая идеология** — многоаспектный феномен: связь с общей мировоззренческой системой эпохи; программные установки; стратегия реализации программных установок; пропаганда; конкретные шаги по реализации программы. Идеологии неразрывно связаны с проблемами, касающимися **авторитета, власти, властных отношений** и т.д. Политические идеологии, независимо от направленности, основываются на признании определённой концепции общества и политической системы, путей и средств, практической реализации этой концепции. Идеология выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции, первую для сплачивания членов той

или иной партии, или сторонников вокруг того или иного лидера, а вторую – для разграничения этой партии и других партий, сторонников одного лидера от других. В отличие от политической философии, идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на реальный политический процесс и руководствуется соображениями привлечения наивозможно большей поддержки.

Идеология призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснять, обосновывать, оправдывать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях. С этой точки зрения политики представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идейно-политических течений и направлений. Знаменитая формула «политика есть искусство возможного» сохраняет правомерность и в современных условиях. С одной стороны, искусство возможного ставит определённые пределы идеологизации политики. С другой стороны, идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса могут выйти без ущерба основополагающим принципам своей политической программы.

С этой точки зрения важно отметить то, что политическая наука, изучающая мир политического, также имеет идеологическое или идейно-политическое измерение. Поэтому, естественно, что одним из важных объектов политологического анализа является соотношение политики и идеологии. Но это лишь одна сторона вопроса. Немаловажное значение имеет и то, что любой исследователь в той или иной форме и степени подвержен влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий и, соответственно, не может быть полностью свободным от определённой тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий. Не секрет, что подход исследователя при анализе любого сколько-нибудь значимого феномена в значительной мере определяется его идейно-политическими и социально-философскими установками и ориентациями. Эти последние не могут

отражаться на характере и структуре понимания им исследуемого предмета. Здесь весь вопрос состоит в степени и масштабах такой ангажированности и тенденциозности.

Конечно, идеален тот случай, когда политология как наука беспристрастна и преследует цель найти истину независимо от того, **кому** результаты её изысканий выгодны. Идеология же пристрастна и предвзята, поскольку она выражает интересы какого-либо класса или социальной группы. Подстраивание любой науки, особенно политологии, к чьим бы то ни было вкусам и интересам неизбежно чревато её выхолащиванием и вырождением. Но опыт почти всех развитых стран Запада, особенно стран с либерально-демократическими политическими системами, убедительно показывает, что научный анализ политических феноменов нередко вполне уживается с теми или иными идейными или идеологическими позициями исследователя. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что большинство западных политологов при всех возможных в таком вопросе оговорках так или иначе по своим подходам, установкам, симпатиям, антипатиям и т.д. характеризуются как либералы, консерваторы, социал-демократы, марксисты и т.д. В основе такой классификации, несомненно, лежит и момент идеологической оценки. Поэтому речь должна идти, как представляется, не о новой деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-политических течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости друг к другу и открытости в отношении друг друга. А это, в свою очередь, предполагает, что, хотя научный подход и отвергает идеологию в качестве инструмента или исходной посылки исследования, необходимость изучения идеологии, как неотъемлемого элемента мира политического, не отпадает. (См.: *Философия: Учебник / Под ред. В.Д.Губина и др. – М.: Русское слово, 1997. С. 244-246*).

Классические и постнеклассические концепции идеологии. Политико-идеологическая индоктринация. Политическая идеология и политическая наука. Политическая идеология и повседневность. Идеология как комплекс символических практик. Политическая психология и мифология. Деидеологизация и идеологический плюрализм. **Идеологическая ситуация в современной Р. Молдова.**

ТЕМА 2. Основные этапы возникновения и развития политической философии

Вопросы:

1. *Истоки политической философии.*
2. *Формирование предпосылок политической философии в Новое время.*
3. *Институционализация политической философии.*

1. Истоки политической философии. Вопросы, возникающие при изучении истории политической философии: что конкретно понимается под политической философией? Правомерно ли говорить о политической философии применительно к античному миру? Или о единой непрерывной традиции политической философии от античности до наших дней?

Для утверждения политической философии в собственном смысле слова было необходимо формирование и утверждение: самого мира политического; понятия политического в самом широком и глубоком его значении; понятий второго порядка, как государства, власть, право, свобода и т.д. Всего этого в Античности не было. Не надо путать историю политических учений и идей, накопление политического знания с политической наукой, политической философией, политической социологией в собственном смысле слова (хотя между ними и существовала преемственная, генетическая связь). Период от Античности вплоть до XVIII в. включительно составляет, вопреки мнению западных учёных **Дж. Кэтлина, Н. Бэрри, Л. Страуса, предысторию** политической науки и политической философии, в течение которой происходило накопление политического и политико-философского знания и трансмиссия его от поколения к поколению.

Древневосточные политико-философские прозрения: идеи **Будды, Каутилья, Лао-Цзы и Конфуция.**

Античные корни: политико-философские воззрения **Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Полибия.** Космоцентрическая парадигма греческой политической философии. Античная полити-

ческая философия о природе и сущности политической власти, роли и значении государства в жизни общества, справедливом государственном устройстве и высшей цели государственного управления. **Платон** о власти как определяющем регулятивном начале в обществе. Критерии справедливости власти, роль разделения труда в реализации данного принципа. Основные добродетели государства. Политическое воспитание. Проект идеального государства. Платон первым указал на взаимосвязь политики, государства с социальными изменениями (разделением труда, появлением классов, неравенства). Иерархия сословий основана на их соответствии трём началам человеческой души — разумному, яростному и деловому. Каждое сословие занято своим делом: философы-мудрецы осуществляют справедливое правление, поскольку только им доступно истинное знание; стражи защищают общество; ремесленники и земледельцы создают материальные средства жизни. Учение **Аристотеля** было более реалистичным, чем у Платона, поскольку он обобщил опыт существования 158 греческих полисов. Свои выводы философ изложил в работе *«Политика»*: Отрицал возможность существования идеального государства, утверждая, что государство является результатом естественного развития, а не божественного промысла. В его представлении город-государство — это высшая форма общения людей, отражение сущности человека как «политического животного». Главная цель государства — достижение «лучшей жизни». **Лучшей формой государства Аристотель считал политию** — правление большинства, обладающего имущественным и образовательным цензом. Политая объединяет в себе все лучшие черты аристократии (добродетель правителей), олигархии (богатство), демократии (свобода). Переводя эту мысль Аристотеля на современный язык, можно сказать, что это — правление в интересах среднего класса.

Особенности политико-философской мысли Рима. Политические ценности, философские представления **Цицерона** о природе государства, его сущности, формах правления. Роль разума в политическом устройстве общества. Проблема равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий. Понимание политической

мудрости. Закон, право как регуляторы политической жизни граждан. Стоики. Понимание назначения человека Сенекой. Естественное право, этическая максима. **Марк Аврелий** о равенстве, равноправии, свободе.

Политическая философия в Средние века: разрыв с античной традицией. Социокультурные доминанты развития политико-философской мысли Средневековья. Теоцентрическая парадигма Средневековой политической философии – господство религиозного мировоззрения, носителем которого была христианская церковь. Она исходило из того, что все сущее возникло по воле Бога; изменения же в обществе вызываются Богом для того, чтобы покарать или вознаградить людей. В условиях такого жестокого религиозного диктата, поддерживаемого государственной властью, философия была объявлена «служанкой религии», в рамках которой все философские вопросы решались с позиции теоцентризма (источник всего сущего – Бог), креационизма (Бог из ничего сотворил живую и неживую природу), провиденциализма (Бог – управленец всех мировых событий). В средневековой философии можно выделить, как минимум, два этапа её становления – патристику и схоластику, чёткую границу между которыми провести довольно трудно. Условно, можно пояснить, что Патристика – обоснование христианства, опираясь на античную философию и прежде всего на идеи Платона. Схоластика – обоснование принятых Богом идей и формул посредством человеческого разума. Средневековая политическая философия о политической власти и человеке политическом в религиозной картине мира.

Политико-философские идеи поздней античности и раннего средневековья – Тертуллиан, Августин. Религиозно-политическая философия Аврелия Августина. Методологические основания его концепции. В работе *«О граде Божьем»* Августин изложил основы христианской политической доктрины. Работа была написана в целях объяснения с позиций христианства исторического события – взятия Рима готами в 410 году: священный город пал потому, что Рим был градом дьявола. Вся история человечества представлялась Августину борьбой между «градом Божьим» и «градом зем-

ным». «Град Божий», высшим выражение которого является Церковь, составляют, по мысли Августина, праведники и ангелы, «град земной» — грешники и дьяволы. Единственное спасение человека — в приобщении к Богу, христианской добродетели.

Политико-философские системы схоластики — Фома Аквинский, Уильям Оккам, Марсилий Падуанский. Учение о двойственности истины. Фома Аквинский. Причины возникновения государств. Цель и назначение государства. Аргументы в пользу превосходства духовной власти над светской. Фома Аквинский (1225 — 1274) полагал, что государственная власть происходит от Бога и потому должна быть подчинена духовной. Это положение было связано со стремлением средневековых теологов обосновать верховенство духовной (церковной) власти над светской. Возмущение народа против власти монарха признавалось смертным грехом, поскольку было равносильно выступлению против Бога. Однако сама светская власть должна следовать христианским заповедям и не угнетать свой народ. Марсилий Падуанский о народе как источнике власти.

2. Формирование предпосылок политической философии в Новое время. Общая характеристика и черты эпох Возрождения, Реформации, Просвещения. Социокультурные факторы политической философии Ренессанса. Грандиозные социальные, национально-государственные, политические, мировоззренческие и иные сдвиги и изменения в эпоху **Возрождения**, зарождение капитализма. Возникновение и утверждение новой системы миропонимания (Weltanschauung), перевернувшей все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Основой нового миропонимания — западное христианство, ренессансная и реформационная культурные и интеллектуальные традиции, Просвещение и связанные с ними социально — философские и общественно-политические учения. **Антропоцентрическая парадигма в политической философии. Революционный переворот, совершенный Н. Макиавелли** в воззрениях на политику, как особой сферы жизнедеятельности людей, на государство — разрыв с теоцентрической парадигмой. Технологический подход в поли-

тической философии Н. Макиавелли. Религиозный и моральный индифферентизм. Эгоистическая природа человека как основание для конструирования соответствующих политических отношений. Абсолютизация роли правителя. Важнейшие работы по политическим воззрениям: «Государь» (1513) и «Размышления о первой декаде Тита Ливия» (1520). В них он обосновал самостоятельность политической сферы, её относительную автономность от других областей жизни общества (экономики, культуры и т. д.), поскольку политика имеет собственную логику, содержание которой определяет политическая власть. Политическая наука, по Макиавелли, должна постигать истинное положение вещей, непосредственно наблюдая за фактами: поведением политических лидеров, масс, их взаимодействием. Метод политического реализма, который ввёл в политическую науку Н. Макиавелли, окончательно освободил её от религии. Макиавелли различал понятия «общество» и «государство». Государство он рассматривал как политическую форму организации общества. Формы государства имеют тенденцию сменять друг друга, отражая тем самым состояние общества. Макиавелли отделил политику от морали. Макиавелли большое внимание уделяет личности самого государя, анализирует его черты и качества. **Политическая философия периода Реформация (Лютер, Кальвин, Мюнцер, Боден).** Секуляризация политической сферы (М. Лютер).

Политические теории Нового времени (XVII – XIX вв.), главным образом в эпоху Просвещения, были направлены на обоснование возможности устройства общества на принципах рационализма, свободы и гражданского равенства. Исходя из принципов естественного права, согласно которым каждый человек рождается с неотъемлемыми правами (право на жизнь, свободное развитие, труд, участие в делах общества и государства), мыслители Нового времени стремились доказать противоестественность и неразумность существовавших феодальных политических порядков и учреждений. В тот период выводы политических мыслителей все больше приобретали практический характер, ориентируясь на решение назревших социальных проблем. Одной из фундаментальных политических идей Нового времени была версия о дого-

ворном характере государства, пришедшем на смену средневековой теории его божественного происхождения. Экономически господствовавший класс буржуазии стремился отобрать у феодалов и политическую власть. Идеологическим обоснованием правомерности такого шага стала теория «общественного договора». Теорию «общественного договора» развивали в первую очередь английские и французские мыслители: **Томас Гоббс** (1588-1679), **Дж. Локк** (1632-1704), **Ш. Монтескье** (1689-1755).

Эпоха Просвещения (в западно-европейских странах в основном – XVIII в.) – **ключевой период** в истории европейской культуры и человечества в целом, естественное продолжение гуманизма Возрождения, развитие научной, философской и общественно-политической мысли, победа рационализма и свободомыслия над мифически-религиозными воззрениями о мире, обществе, человеке, идеологическая подготовка буржуазных революций, Великой французской революции, эпоха перехода от феодализма к капитализму, борьба нарождавшейся буржуазии и народных масс против феодализма. Формулировка революционных идей о человеке и гражданине, гражданском обществе и правовом государстве, составивших стержень современного европейского миропонимания, легитимация качественно нового отношения между человеком, обществом и государством. Новая идея личности с особыми неотъемлемыми правами и свободами, а также интересами, которые могут не совпадать с интересами общества; осознание факта существования противоречий и конфликтов между обществом и государством; постепенное вызревание институтов, ценностей и идей гражданского общества. Непреложный факт вечной антинормии между личностью и обществом. Отвергается античная и средневековая идея тождества частного и общественного, утверждается идея первичности общества в его отношении к государству, формирование идеи гражданского общества и мира политического как самостоятельных подсистем человеческого общества.

Политическая философия идеологов Просвещения: классический рационализм Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.-Л. де Монтескье, энциклопедистов, вольфианской школы. Большой вклад в

освобождение политики и политической мысли от католического универсализма, средневековой схоластики, теологии и церковной морали вслед за Н. Макиавелли внесла целая плеяда мыслителей Нового времени. Этапные работы Нового времени – «О свободе слова» **Дж. Мильтона**, «Левиафан» **Т. Гоббса**, «Два трактата о государственном правлении» **Дж Локка**, «О духе законов» **Ш.Л. Монтескье**, «Об общественном договоре» **Ж.Ж. Руссо**, «Богословско-политический трактат» **Б. Спинозы**, «Гражданское общество» **А. Фергюсона**, работы французских энциклопедистов и т.д. Ш. Монтескье (1689 – 1755), кроме прочего, активно развивал идею о разделении властей. Она в его интерпретации стала очередным шагом в поисках конкретных форм баланса власти. Потребность в разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную вытекает, по Ш. Монтескье, из природы человека, его склонности к злоупотреблению властью. Т. Гоббс о философских основаниях организации общественной жизни: Его труд «О гражданине», вторая часть «Левиафана» «О государстве», – первые подлинно политико-философские произведения в собственном смысле слова (хотя сам Т. Гоббс не использовал ещё термин «политическая философия»). По его мнению, появлению государства предшествовало так называемое естественное состояние, состояние «войны всех против всех», т.е. абсолютной, ничем неограниченной свободы людей, равных в своих правах и способностях. Для того чтобы обуздать природные страсти человека, гарантировать общественный порядок и права граждан, люди и заключили общественный договор между собой, взаимно ограничив свою свободу чтобы существовать в состоянии общественного мира.

Либерально-республиканские воззрения Дж. Локка: Родоначальник либеральной идеологии трактовал идею общественного договора иначе: поскольку главной ценностью либерализм признает свободную личность, постольку он считал, что реализация идеала свободной личности требует ограничения власти государства. С этой целью свободные индивиды заключают общественный договор, основным принципом которого является положение о народном суверенитете: народ – источник власти, и он заключает

договор с правящей властью. Ж.-Ж. Руссо о философских основания политического существования людей.

Труд **Г. Гроция** «*De jure belli ac pacis*» («Закон войны и мира», 1625) – первое фундаментальное сочинение, где политическое анализировалось с юридически-правовой точки зрения в противовес философскому и теологическому подходам. Работы испанца **Ф. Суареса** «*О законах и боге как законодателях*» (1612), немецкого юриста **С. Пуфендорфа** «*О законах природы и народов*» (1672), швейцарского дипломата **Э. де Ваттеля** «*Закон народов*» (1757) и др. – продолжатели традиции Г. Гроция. Вклад в разработку политической философии и философии права представителями естественно-правовой школы.

3. Институционализация политической философии. Теория цивилизаций в политической философии XX в. Основные идеи политической философии структурализма. Переход от экономикоцентричной «объясняющей» к культуроцентричной «понимающей» политической философии в XX в. Эволюция теории модернизации в современной политической философии. Институционализм и неинституционализм. Постмодернистская парадигма и ее критика в современной политической философии. Формулирование во второй половине XVIII – начале XIX в. ключевых подходов, которые послужили в качестве основоположений для разработки важнейших политических теорий и концепций современности. Формирование основных политико-философских идей и теорий. **Политические идеи немецкой классической философии.** Концепция прогресса и её роль в политической философии XIX в. Вклад **И. Канта** и **Г. Гегеля**: работы И. Канта «*Учения о праве*» и Г. Гегеля «*Философия права*». И. Кант, его философско-этическое обоснование свободы и роли разумного начала в решении данной проблемы. Понятия «максима», «индивид», «право», «благо государства». Происхождение государства, отношение к теории общественного договора. Необходимость создания правового государства, классификация права. Народ и публичное право. Стремление к вечному миру как развития межгосударственных отношений. Кант наиболее полно обосновал политическую доктрину либерализма. По его мнению, человеку

в своём поведении следует руководствоваться волеизъявлением нравственного закона. Обязательное соблюдение права должно достигаться, по мнению Канта, с помощью принудительной силы государства, назначение которой – максимально соответствовать в своём построении и деятельности принципам права (концепция правового государства). Политическим идеалом Канта является верховенство народа, свобода, равенство и независимость всех граждан в государстве, хотя он и был сторонником ограничения избирательных прав трудящихся.

Субъективный идеализм **И.Г. Фихте**. **Ф.В. Шеллинг** о назначении практической философии. Г. Гегель о причинах, лежащих в основе нормирования гражданского общества и государства. Принципы, составляющие основу их бытия. Свобода воли и необходимость, народ и власть. Собственность. Противоречивая природа гражданского общества и государства. Особенности гегелевского метода исследования социально-политической жизни.

Фундаментальный труд Г. Гегеля посвящён не только проблемам собственно философии права, но и философии политики. Политико-философский характер книги особенно отчётливо выражен в её третьей части – «Нравственность». В ней автор рассматривает ключевые вопросы, связанные с сущностью семьи, гражданского общества, и особенно государства. Гегель подробно останавливается на идее государства, проблемах соотношения государства и религии, общественного мнения и государственных институтах, сущности власти и разделения властей, исторических формах государства и государственного правления. Заслуга Гегеля состоит, прежде всего, в том, что он разработал и применил для анализа общественных, в том числе и политических, явлений диалектический метод. Очень большое значение имеет разработка Гегелем проблем гражданского общества и государства. Немецкий мыслитель был одним из первых, кто не только чётко разграничил эти понятия, но и глубоко проанализировал их с точки зрения содержания и диалектической взаимосвязи. Государство, по мнению Гегеля, соответствует более высокому уровню развития общества, чем гражданское общество. Государство как институт является проявлением всеобщих интеле-

ресов. Пытаясь объединить интересы как отдельных людей, так и общественных слоёв, государство в этих условиях возвышается над обществом, внося примирения во все сферы жизни. Идеальное государство, по Гегелю, — это конституционная монархия с разделением властей. Причём разделение законодательной, представительной власти и власти монарха он понимает как органическое единство, отстаивая суверенитет наследственного конституционного монарха.

Соотношение идеологии и философии в политической мысли XIX века. Позитивистская корректировка классического рационализма: **О. Конт, Г. Спенсер. Сциентистская парадигма** в политической философии Нового времени. Политическая философия и политическая практика в понимании **марксизма**: парадигма исторического и диалектического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса в политической философии Нового времени.

Дальнейшая разработка и развитие в сочинениях **А. де Токвиля, В. Парето, Г. Моски, М. Вебера, А. Мишеля, Л. Дюги, Б. Кроче, К. Шмитта** и др. важнейших проблем, выдвинутых в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и других мыслителей Нового времени.

В результате мир политического окончательно определился как самостоятельная реальность, имеющая собственное бытие, структуру, составные элементы, логику развития. Политическая наука и политическая философия стали дисциплинами, призванными изучать этот мир во всех его аспектах и проявлениях. В их рамках были сформулированы важнейшие политологические и политико-философские концепции, теории политики и мира политического, подняты фундаментальные проблемы эпистемологии и методологии, соотношения этики и морали, реального и идеального, свободы, равенства и справедливости, профессионального и морального в сфере политического, политической онтологии и т.д. Соответственно были разработаны основополагающие концепции и теории политики и мира политического. Формирование целого ряда политико-философских школ и направлений — либерализма, консерватизма, марксизма, социал- демократизма, различных вари-

антов радикализма. Развернулись споры и дискуссии о преимуществах и недостатках различных форм правления. В центре споров и дискуссий находились основополагающие проблемы: право, закон, свобода, демократия, справедливость и др. Утилитаризм.

Воззрения Б. Констана, — духовного отца континентально-европейского либерализма («Курс конституционной политики»). Политико-философские воззрения **В. фон Гумбольдта** и **Дж.С. Милля**. Консервативные течения политико-философской мысли: идеи **Э. Берка**, **Ж. де Местра**, **Л. де Бональда**. Позитивизм **О. Конта** и социализм **А.К. Сен-Симона** — реакция против идей социального атомизма, возрожденческо-просветительского индивидуализма и результатов Великой французской революции, стремлением к их духовному преодолению. Вклад в постановку и разрешение важнейших проблем политической философии и политической социологии **М. Вебера**, который стал рассматривать политические явления как особые реальности, имеющие собственную логику развития и соответственно собственную историю. Вслед за К. Марксом и М. Вебером целая плеяда учёных — **В. Вильсон**, **Дж. Брайс**, **В. Парето**, **Р. Михельс**, **Г. Моска** и другие выдвинули собственные теории политического развития.

Качественно новые черты в социально-политическом развитии капитализма в конце XIX — начале XX в., сыгравшие важную роль в эволюции политико-философских и идейно — политических систем. **Существенная корректировка важнейших политико-философских, идейно-политических и идеологических систем эпохи на рубеже XIX — XX вв.**: многие идеи, ранее служившие освобождению людей от средневекового схоластицизма, внеэкономического принуждения, католического универсализма и произвола властителей, претерпели инверсию функций и оказались поставленными на службу сохранения и обоснования господствующих позиций сильных мира сего. В результате основополагающие принципы, установки и ценности либерализма, консерватизма и социал-демократизма подверглись существенному пересмотру, появление совершенно новых политико-философских и идеологических конструкций, выдвинутых в качестве ответа на новые вызовы капитализма. **Два**

пути переустройства общества: революционный и реформистский. Все выдвинутые в тот период проекты и программы можно свести к двум основополагающим альтернативным путям разрешения вставших перед капитализмом проблем: либерально-демократический реформистский и тоталитарно-авторитарный революционный. Причём пересмотренные варианты либерализма, консерватизма и социал-демократизма в целом стали на службу обоснования реформистского пути. Революционный путь воплотился в новом феномене тоталитаризма, выступившего в качестве альтернативы центристскому реформаторскому пути развития капитализма в социально-экономической сфере и либеральной демократии в политической сфере.

Политическая философия XX века. Политическая философия американского прагматизма. К. Поппер: позитивистское обоснование либерализма. Социально-политическая философия Франкфуртской школы. Кризис культурно-политической парадигмы модерна и постмодернизм.

Две тенденции в развитии политической философии. В странах континентальной Европы утвердилась **тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал.** В Германии эти дисциплины развивались в русле немецкой классической философской традиции.

В противовес этому в конце XIX в. в ещё формировавшейся американской политической науке сложилась вторая тенденция, началась **настоящая атака на политическую теорию и политическую философию.** Такой подход не мог не сказаться и в сфере изучения мира политического, где постепенно стали преобладать принципы дробления предмета исследования, фактографии и эмпиризма. Были предприняты попытки применить в политологических исследованиях методы, заимствованные из экспериментальной психологии и психоанализа, а также эмпирической социологии. Стали широко использовать математические, статистические и количественные методы. **30-50-е годы XX в.** оказались наименее плодотворными в плане разработки политической философии. Этому способствовали факторы как политического (утверждение в ряде стран тоталитарных систем), так и мировоззренческого и методо-

логического характера (экспансия позитивизма и бихевиоризма в социальных и гуманитарных науках.

В итоге позитивизм, особенно в англо-саксонских странах, прежде всего в США, стал оттеснять политико-философское, теоретическое начало на второй план. Апогея позитивизация политических исследований достигла в послевоенный период. В 50-е годы в США развернулась так называемая бихевиористская революция в социальных науках. Американским учёным принадлежит заслуга разработки системного и структурно-функционального анализа политических феноменов, политико-культурного подхода, сравнительной политологии и т.д. Политическая наука почти полностью оттеснила на второй план политическую философию. Позитивизм и бихевиоризм, по сути дела, отказались от изучения политической философии и теории на том основании, что она является преградой на пути научного анализа. Постпозитивистская (**К. Поппер, Ф. Хайек**) и постмодернистская (**М. Фуко**) парадигмы в политической философии Новейшего времени: критика нововременного сциентизма. Особое место занимает бихевиоризм как специфический метод исследования политической жизни. Как принцип бихевиористской политологии выступают научная нейтральность, опора на результаты выборочных эмпирических исследований, выполненных на базе систематических и математических обработок, точное формулирование и эмпирическая проверка гипотез.

Классиком политического бихевиоризма считают **Гарольда Лассуэлла** (1902-1979), наиболее известного специалиста в американской политической науке. Значение трудов Лассуэлла заключается в том, что он в своих исследованиях широко использовал фрейдистский подход и сформулировал на его основе теорию «политического психоанализа». Согласно этой теории одним из главных факторов, из-за действия которого проявляется отношение индивида к политике, является психологический механизм его личности.

Выдающимися представителями современной политической мысли есть французские теоретики **Р. Арон** и **М. Дюверже**. Одной из центральных проблем научного творчества Р. Арона (1905-1983) был вопрос о разделении власти в обществе. Разделение властей,

или, по определению французского политолога, дисперсия — распыление власти среди многих субъектов оказывает неоднозначное влияние на политическую жизнь общества. Так, с одной стороны, разделение властей усиливает демократические тенденции в обществе, предотвращая созданию условий для концентрации власти в руках небольшой группы лиц или правящей элиты, с другой — распыление власти ведёт к усилению влияния и авторитета высших ее представителей, прежде тех, кто берет на себя ответственность за окончательное принятие политических решений. Наиболее влиятельным французским политологом есть сейчас М. Дюверже (род. 1917). Одна из центральных проблем его творчества — проблема демократии. Изучая ее, Дюверже пытается серьёзно осмыслить и проанализировать соответствующий политический опыт демократического развития западных стран. Исследование этого вопроса привело французского политолога к выводу, что западные страны живут в условиях плутодемократии, т.е. в условиях такого политического правления, когда властью обладают одновременно и народ (*demos*) и богатство (*plumos*).

Концепция кризиса и смерти политической философии. Вопреки этой концепции политическая теория и политическая философия продолжали развиваться и в 50 — 60-х годах, т.е. в период так называемого триумфа позитивизма. Об этом свидетельствует работа известного американского философа К. Скиннера *«Возвращение большой теории в гуманитарные науки»*. Новый импульс политической философии получила в 60-70-х годах, и связан с именами **Л. Страуса, Э. Вогелин, Х. Арендт, Дж. Роулса, Р. Нозика, Г. Рормозера, И. Кальтенбрунера** и др., внёсших существенный вклад, как в разработку важнейших положений политической философии, так и в возрождение интереса к классической политической науке. Если в конце 50 — 60-х годов тон задавали те представители социально — философской и идейно-политической мысли, которые отстаивали получившую широкую популярность концепцию о «конце идеологии», то в 70-80-х годах появилось много работ, авторы которых ставят своей целью показать неустрашимость из сферы политики мировоззренческого, теоретического, ценност-

ного начал. Популярность тезиса о взаимосвязи ценностно – нормативного и эмпирического аспектов политического исследования. Проанализировав положение вещей в данной области в середине 60-х годов, **Г. Ласлет**, который ранее констатировал смерть политической философии, вынужден был признать в 1967 г., что «*политическая философия в англоязычных странах снова жива*». Крупный вклад в политическую философию **Дж. Роулса** (его фундаментальный труд «*Теория справедливости*», 1971 г.)

Отсутствие единой и неразрывной философской и тем более политико-философской традиции, идущей от античности через Средневековье к нашему времени. История политико-философской мысли – не история различных ответов на один и тот же для всех времён и народов вопрос, а история различных ответов на различные вопросы, которые каждая конкретная историческая эпоха ставила по-своему, поскольку менялись, порой радикально, характер и сущность проблем, выдвигаемых каждой эпохой.

Вывод. Политико-философские системы являются одновременно и детищем и причиной конкретных исторических и социально-политических реальностей. Эта закономерность проявляется в том, что каждая эпоха, как указывалось выше, вырабатывает собственную, характерную только ей парадигму

Великая трансформация, приведшая к формированию капитализма, имела своим следствием возникновение и утверждение новой системы миропонимания и мировидения, которая буквально перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Весь комплекс принципов, ценностей, установок, в более или менее законченном виде оформившихся в конце XVIII – первые десятилетия XIX в. и составивших основу этого миропонимания, прошёл длительный путь эволюции и претерпел определенные изменения

В целом Новое и Новейшее время характеризуется прогрессирующей диверсификацией и плюрализацией общества, усложнением его социального состава и иерархий власти, авторитета и влияния. Формирование гражданского общества и правового государства, идей личности и гражданина, представительства и интересов,

социального, культурного, конфессионального и иных форм плюрализма, размежевание основных социальных и политических сил по целому ряду признаков и другие феномены и процессы выдвинули на повестку дня вопрос о формах и механизмах представительства разных социальных классов, групп, слоёв населения в системе политической власти, что, в свою очередь, порождало потребность в разнообразии оценок, критериев оценки, интерпретаций и т.д. Все это в условиях расщепления средневекового целостного религиозного мировоззрения неизбежно вело не только к диверсификации научных дисциплин, но и к появлению разнообразных, зачастую конфликтующих трактовок различных сфер общественной жизни, в том числе и политических реальностей

А последнее обстоятельство стало той основой, на которой произошло формирование и постепенное размежевание различных политико-философских и идейных течений и направлений, призванных обосновать те или иные альтернативные пути общественно-исторического развития. Эти течения и направления, получившие названия либерализма, консерватизма, марксизма, социал-демократизма и т.д., отличаются друг от друга по трактовке ими места и роли отдельного человека, групп, партий, социальных сил, классов и других в мире политического; по их подходу к решению важнейших экономических и социальных проблем; по тому, какое место и роль отводятся ими основным социально-экономическим и общественно – политическим институтам (частной собственности, свободному рынку, государству, партиям и т.д.); по предлагаемым ими программам и средствам решения стоящих перед обществом проблем и т.д. Но следует особо подчеркнуть тот факт, что все эти течения базировались на инфраструктуре основополагающей парадигмы, которая, в свою очередь, на каждом из этапов развития современного индустриального общества подвергалась существенным трансформациям.

Тема 3. Политическая онтология

Вопросы:

1. *Политическая онтология: учение о политическом бытии. Четыре этапа в эволюции и четыре парадигмы представлений о политике*
2. *Понятие политического бытия. Три сферы политического бытия. Формы, уровни, способы существования политического бытия.*
3. *Онтология политической власти.*
4. *Роль и значение современной политической власти в условиях информационной революции.*

1. Политическая онтология: учение о политическом бытии. Четыре этапа в эволюции и четыре парадигмы представлений о политике.

Онтология в системе философского знания. Онтология как учение о бытии. Основные проблемы и категории онтологии. Политическая онтология – *«раздел политической философии, который изучает политическое бытие во времени и пространстве»*. (И. Панарин). Цель политической онтологии – реабилитировать мир политики, восстановить его бытийственный статус. В политической онтологии анализируются проблемы объективных оснований политики, специфика политического детерминизма, политического пространства и времени, общие преобразовательные возможности политики, касающиеся самого общественного бытия. Политическое бытие как основная категория политической онтологии.

Редукционизм в политической онтологии: философские и методологические предпосылки географического детерминизма (**Ш.-Л. Монтескье, Р. Челлен, К. Хаусхофер**); космологический вариант детерминизма (**К.Э. Циолковский, Л.Н. Гумилёв**); экономический детерминизм: детерминистские элементы марксизма; экономический детерминизм в политической философии классического либерализма (**Т. Мальтус, А. Смит, А. Барнав**) и неолиберализма (**Ф. Хайек, М. Фридман**). Политика как сфера идеального (**Платон, Августин, традиционализм XX в., постмодернизм**). Диалектико-ма-

териалистическая трактовка социальной действительности. Позитивизм и постпозитивизм как попытка снять проблему онтологического статуса политики.

Четыре этапа в эволюции и четыре парадигмы представлений о политике: 1) Политическая онтология Античности. **Государственно-центристская парадигма** в Античности (слитное понимание политики, совмещённой с этикой в сложном комплексе мифологических, религиозных, и антропоморфных идей): политика – сфера государственных отношений по поводу ведения общих дел и управления, жизнь посредством государственного общения между людьми, становящимися в результате такого общения «животными политическими» (Аристотель), область государственного управления людьми; Политическая теология. Креационизм и эсхатология средневековой политической философии.

2) Обособление мира политического и изменение парадигмы политической онтологии. Н. Макиавелли. Политика как сфера деятельности была окончательно отделена от этических оснований, но одновременно стала определяться как поле поддержания согласия между государством и гражданским обществом в рамках парадигмы *«общественного договора»*. С XVII по XX вв., от трудов **Б. Спинозы** (1632-1677гг.) и **Дж. Локка** (1632-1704гг.) до сочинений **Г.В.Ф. Гегеля** (1770-1831) и **К. Маркса** (1818-1883 гг.) вопрос о взаимодействии государства и гражданского общества в различных вариантах находился в центре проблемного поля политики. Конфликтность как сущностная конструкция политического бытия в классических политических теориях.

3) К концу XIX – началу XX веков складывается **социально-антропоцентрический взгляд** на политику и начинается третий этап эволюции представлений о ней, который охватывает практически весь XX век. В современных моделях объяснения политика понимается как особо сложное социальное явление. Поскольку непосредственными субъектами общественных отношений выступает человек и/или тем или иным образом организованные им группы людей, то политика выступает как искусство посредничества между ними с целью уменьшения издержек противоречий в межличност-

ных отношениях, упорядочения и согласования действий людей ради своего спокойствия и социальной мобильности. Среди объяснительных моделей современного понимания политики наибольшее значение имеют концепции **Карла Маркса** (1818-1883) и **Макса Вебера** (1864-1920 гг.). Дальнейшим развитием марксистских представлений о политике как проявлении классовой борьбы стали труды **В.И. Ленина** и других марксистов, идеи представителей советской школы политической науки, некоторых неомарксистов и современных социал-демократов. Сюда следует отнести также концепции **Р. Дарендорфа** (род. в 1929 г.) и **Л. Козера** (1913-2005 гг.), которые представляют собой конфликтологическое понимание политики. Однако главным признаком класса они считали не отношение к собственности на средства производства, как марксисты, а отношение к власти, т.е. господству и подчинению, своеобразным проявлением тех же представлений является «теория политического» **Карла Шмита** (1888-1985 гг.), в которой политика представлена как особый тип социальных отношений в системе «враг-друг» (или в другой версии: «свой-чужой»).

Веберовская парадигма политики как общественного предприятия нашла свое продолжение в концепции **Т. Парсонса** (1902-1979 гг.), который стал рассматривать общество как универсальную систему социальных действий, причём каждая совокупность этих действий обладает своими функциями (политическая, например, наделена функциями целедостижения). Развитием идей Т. Парсонса о политике как самостоятельной подсистеме общества стала идея системного анализа политики, предложенная **Д. Истоном** (род. в 1917 г.), которая анализировала политику через призму так называемых прямых и обратных связей политической системы с внешней средой.

В это же время ряд американских учёных – **Чарльз Мерриам** (1874-1953 гг.), **Гарольд Лассуэл** (1902-1978 гг.) и **Джордж Э. Кэтлин** (1896-1979 гг.) применили методiku бихевиоризма в политической теории, что позволило им объяснять политику, исходя из ее микроуровня. Бытие политики рассматривалось как общий результат сложения всех микрополитических жизней отдельных индивидов, их

поведения. На основе бихевиористской концепции были созданы: концепция «обмена ресурсами на политическом рынке» (**Питер Блау** (1918-2002 гг.)); игровая модель политики, опирающаяся на теорию игр (**Стивен Бранс** (род. в 1940 г.)); политическая теория рационального выбора (**Морис Фиорино** (род. в 1946 г.)).

Большим влиянием в современной политической теории пользуются коммуникативные концепции политики. Среди авторов, разработавших ещё в 50-60е гг. подход к политике как системе коммуникаций и информационных потоков — **Ханна Арендт** (1906-1975 гг.), **Карл Дойч** (1912-1922 гг.), а в последнее время **Николас Луман** (1927-1998 гг.), **Юрген Хабермас** (род. в 1929 г.), **Режи Дебре** (род. в 1928 г.)

Таким образом, на третьем социо-антропоцентристском этапе в воззрениях на политику произошёл переход от признания монополии единой верховной и суверенной государственной власти к идее плюрализма, т.е. согласования интересов различных социальных групп и политических лидеров, делящих между собой влияние на общество и государство.

Со становлением в большинстве развитых стран демократического режима изменилась и сама парадигма видения мира политического: от государственного моноцентризма, через дихотомию государства и гражданского общества к социальному полицентризму, т.е. от единого и неделимого суверенитета господствующих «верхов», к участию во власти всех основных групп граждан. Консенсус как метод моделирования политического бытия в современных политических концепциях. Постмодернистские трактовки политического бытия. Интегративная роль политического.

4) В конце XX — начале XXI вв. начался переход к четвёртому по счёту этапу в эволюции понимания политики, сопровождающийся реальными изменениями в политической жизни и преобразованием научных парадигм. Господствующая ныне модель нации-государства все больше подвергается деформациям со стороны глобальных проблем и тенденций развития глобализирующегося мира.

2. Понятие политического бытия. 3 сферы политического бытия. Природа политической реальности. Понятия «бытие», «политиче-

ское», «политика», «политическое бытие», «политическая реальность», «политическое существование». Многозначность понятие «политика», «политическое». Место политической сферы в структуре общества. Реальное бытие политики, основные переменные, предопределяющие устойчивость и изменчивость политики. Возможные противоречия и несоответствия в восприятии политических факторов. Гносеологическое понимание политики. Соотношение онтологических и гносеологических подходов в понимании политики.

Рассмотрение развития концептуальных подходов к определению политики позволяет сделать вывод о многообразии в проявлениях и многомерном характере этой важнейшей категории человеческого бытия. *«Бытие политики – это её социальность во всех её проявлениях, политическая жизнь общества и жизнь политики в обществе»* (И.Г. Кравченко). К этому можно добавить, что политика – первая из основных категорий бытия, придающих ему качественную определённую, в результате чего из социального бытия выделяется политическое бытие. А политическое бытие, как установлено нами, – это реальный процесс жизнедеятельности людей, в рамках которого люди осуществляют власть, «создают, сохраняют и обогащают нормы собственного общежития». Обособление сферы политики и её интегративно-регулирующая роль в обществе. Поскольку политика – первая категория бытия, придающая ему качественную определённую, бытие политики раскрывается в трёх главных взаимосвязанных сферах: 1) как одна из сфер общественной жизни; 2) как один из многих видов активности социальных субъектов, их коллективного и индивидуального поведения; 3) как определённый тип социальных отношений – между индивидами, малыми группами и большими общностями.

В первом случае бытие политики рассматривается в виде одной из систем, составляющих общество. С точки зрения классического гегельянства оно представляет собой одну из ступеней развития «абсолютной» идеи в духе как «объективное бытие», т.е. целостные и сущностные свойства политического бытия в их «внешней» позиции к общественной жизни вообще. В марксистской теории

оно выступает в качестве регулирующей надстройки, состоящей, в первую очередь, из государственной организации, которая обеспечивает сложившийся властный статус-кво для системы отношений производства, распределения, обмена и потребления. Причём марксизм всегда подчёркивал активную роль надстройки. Конечно, политика — «концентрированное выражение экономики» (Ленин), но экономическая система любого общества существует только потому, что ее охраняет вся мощь государства, а так же потому, что ее существование поддерживается господствующими в обществе юридическими законами, философскими, политическими и другими взглядами.

В концепции Т. Парсонса политическая подсистема выполняет функции целеполагания и целедостижения. В концепциях бихевиористов — контроля и распределения ресурсов. В целом, начиная с Аристотеля, за политикой в этом аспекте ее бытия закреплялись такие функции как согласование общих и частных интересов, осуществление и поддержание порядка, реализация общезначимых целей, регулирование ресурсов и управление общественными делами.

Вторая сфера бытия политики представляет собой в наиболее «чистом» виде — «тотальность» политики. Отмечая это обстоятельство, М. Вебер писал, что понятие политики «имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству» Для Лассуэла и других бихевиористов политика представлялась как вид социального поведения индивидов (и их групп), характеризующийся установками и мотивациями, связанными с участием в любом властвовании. Выражая эту особенность политического бытия, И.И. Кравченко писал: *«политика, если дать ей самое полное, универсальное и простое определение, представляет собой замысел решения какой-либо задачи, связанный с определением целей, выбором времени и места деятельности, рассчитанной на получение желаемого результата, обеспеченной необходимыми ресурсами, подбором времени и места деятельности, рассчитанной на получение желаемого результата, обеспеченной необходимыми ресурсами, подбором сторонников и участников*

процесса и нейтрализацией вероятных противников». Такое обобщенное понимание политики, добавляет И.И. Кравченко, как видно, отвечает ее классическому, исходному толкованию в античной традиции как «общего, общественного дела» («политейа») полисного государства, позволившего Аристотелю (добавим от себя) назвать человека существом (животным) «политическим». У Гегеля это — ступень превращения абстрактного бытия — в наличное бытие.

Что касается третьей сферы бытия политики, то уже Аристотель определил политику как высший вид человеческого общения. Макиавелли видел в ней многостороннее противоборство за государственную власть различных социальных субъектов: государя и народа, партий и сословий. Французские историки эпохи Просвещения и марксисты определяли политику как борьбу между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. Уже в XX веке, вслед за концепцией борьбы классов, разрабатываются модели конфликта-консенсуса, классифицирующие политику по типам конфликтных отношений и социальных взаимодействий, а так же схемы институционально-властных отношений, где она понимается как некая всеобщая структура для соединения (консолидации) разных проявлений социальной и политической жизни. Общий вывод понимания такой сферы политического бытия выразил **Эндрю Хейвуд** — автор одного из последних зарубежных учебников по политологии: *«В наиболее общем смысле политика, — пишет он, — есть процесс, в рамках которого люди создают, сохраняют и обогащают нормы собственного общежития».* Таковы основные сферы бытия политики, если синтезировать взгляды на эволюцию представлений о политике.

Формы, уровни, способы существования политического бытия. Диалектика социального и природного как проблема политической философии. Соотношение социального и природного в жизни человека: общая характеристика проблемы. «Дуализм» социальных и природных аспектов человеческих общностей: семья, этнос, раса. Проблема антропосоциогенеза. Культура как аспект политической действительности. Естественная среда обитания человека:

социальные и политические аспекты демографических проблем, проблемы исчерпаемости ресурсов, проблем экологии. **Социальные структуры и их онтологический статус.** Онтологический статус биологических аспектов социальной действительности: этносы и расы как «воображаемые сообщества». Онтологический статус гендера в политических процессах. Проблема реальности класса в политической и социально-экономической жизни; класс как субъект политических отношений; индивид как субъект политических отношений; дилемма редукционизма. **Цивилизация и формация: фундаментальные онтологические структуры политики.** Цивилизационная парадигма в политической философии (**Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, Л.Н. Гумилев**) Жизненный цикл цивилизации, природная среда и исторический контекст цивилизационного организма. Проблема взаимоотношений и взаимопонимания цивилизаций: альтернативные подходы (**О. Шпенглер, Л.Н. Гумилёв, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон**). Формационный подход в политической философии: учение **К. Маркса** об общественно-экономических формациях. Проблема универсальности марксистской схемы. Дискуссии об «азиатском способе производства». Логика развития общественно-экономических формаций и логика политической борьбы: альтернативные подходы (**Г.В. Плеханов, В.И. Ленин**) Формационные идеи в современной либеральной мысли: концепция постиндустриального общества.

3. Онтология политической власти. Парадигма власти в классической картине мира (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк). Власть в политико-философских концепциях К. Маркса, Ф. Ницше, М. Вебера, Б. Рассела. Проблема власти в философии постмодернизма (М. Фуко).

«Целерациональный субъект» как основополагающий концептуально-методологический принцип осмысления феномена власти в новоевропейском классическом социо-гуманитарном мировоззрении. Власть как достижение рационально сформулированных целей, как способ удовлетворения «разумного эгоизма», материального интереса. Власть и сила. Асимметрия властных отношений. Многообразие видов власти. Многообразие современных концепций вла-

сти. Политическая власть. Проблема культурной гегемонии. Баланс и формы политического насилия и контроля в системе властных отношений. Дисперсность и микрофизика власти (М.Фуко). Эзотеричность и иррациональные проявления власти. Власть в пространстве рациональности. Проблема монополии на право определения порядка видения и деления социокультурного мира. Концепция «власти-знания» (М.Фуко).

Философские аспекты вопроса о соотношении власти и общества. Власть как неотъемлемый атрибут, системообразующий принцип организации политических отношений. Социология и «космология» власти. Власть и религия. Самовоспроизводство власти. Проблема взаимодействия верхов-низов властных структур и народа. Участие власти в политической социализации. Воспроизводство власти в эпоху постмодернизма. Традиции и власть. Задачи гуманитарной элиты на пути установления нормальной власти, искусство политического диалога при осуществлении властных отношений. Онтологические основания политического партнёрства.

А.С. Панарин: Проблема власти занимает центральное место в политике. Говоря о власти, не следует преувеличивать значение исторических детерминант в её происхождении. В марксизме принято считать, что власть появилась вместе с классовым неравенством, эксплуатацией и государством. Однако неравенство – категория не только и не столько экономическая и социологическая, сколько онтологическая и антропологическая. Люди индивидуальны и потому изначально не равны друг другу. Неравенство нельзя понимать как историческое грехопадение человека, преодолимое в перспективе того или иного «земного рая». Там, где поборники полного равенства видят отклонения, философия плюрализма видит шанс личности, истории и культуры. Люди интересны друг другу своей неодинаковостью, их неравенство является источником социальной и исторической динамики. Продуктивность взаимного обмена людей базируется на их различии. В экономической сфере неравенство проявляется в имущественной сфере, в неодинаковости усилий и отдачи.

Но человек в большей степени политическое животное, то есть

относящееся к полису, к гражданскому состоянию, чем экономическое. В этом смысле аристотелевское понимание человека, по мнению А.С.Панарина, кажется более адекватным, чем марксистский экономический редукционизм. И неравенство людей в этой «полисной» сфере проявляется как неравенство влияния и власти. Неравенство статусов известно и в животном мире — у этологов, изучающих поведение животных, есть убедительные свидетельства этого. Вероятно, такое неравенство есть средство борьбы с энтропией в животном мире, с хаосом, который, как известно из теории Винера, — наиболее вероятное, то есть постоянно нас подстерегающее состояние. Что означает выражение «А имеет власть над Б»? Это значит, во-первых, что влияние А на Б выше, чем влияние Б на А, во-вторых, что поведение Б для А более предсказуемо, чем поведение А для Б. Как мы увидим ниже, властные отношения между А и Б при этом увеличивают взаимную предсказуемость и упорядоченность их поведения. **Таким образом, власть есть средство борьбы с неопределённостью и хаосом, есть один из ответов человека на «космический вызов» хаоса.**

Асимметрия влияний всюду сопутствует нам: в семье, в отношениях между друзьями и возлюбленными, не говоря уже о служебных и собственно политических отношениях. Более того, человеку необходима и власть над самим собой. Благодаря достижениям психоанализа, структурной антропологии, философии постструктурализма давно уже развенчан миф эпохи Просвещения, раннего романтизма и сентиментализма о благодной природе человека, которую портит несправедливо устроенное общество. В современных изысканиях человек выступает как существо амбивалентное, носящее в себе разнородные начала, способное устремляться как к Добру, так и к Злу.

В частности, социологи, занимающиеся проблемой суицида, установили, что наиболее высок процент самоубийств в высоко-развитых странах, отличающихся высоким уровнем жизни. И часто причиной оказывается «скука бытия», дефицит смысла, сниженный уровень мотивации. Человек несёт в своей душе иррациональные импульсы, для обуздания которых нужна соответствующая культура, мобилизация ценностей (в частности религиозных).

Великие мировые религии стали для человечества незаменимым средством перехода от человека, ориентированного извне, к человеку, ориентированному изнутри, со стороны ценностей и убеждений. Как замечал А.Н. Уайтхед, *«божественный элемент в мире должен быть понят как убеждающая, а не как принуждающая деятельность»*. (Уайтхед А. Н. **Избранные работы по философии. М., 1990. С. 568**).

Одним из основополагающих принципов великих мировых религий, и сегодня для нас значимых, является принцип отделения духовной власти от политической. Независимость духовных авторитетов открывает возможность критической способности суждений в отношении земной власти и одновременного обуздания ее претензий контролировать сокровенные проявления человеческого духа. Не случайно тоталитарный режим в СССР в определённые периоды своей истории так ожесточённо преследовал религию: «смерть Бога» ему была необходима для приобретения ничем не ограниченного монопольного влияния не только на тело, но и на дух человека. В этом смысле тоталитаризм выступает как решение, альтернативное философии мировых религий. Там, где не действует принцип совести – самообуздания внешних и внутренних стихий, – там появляется его замещение в виде тотального внешнего контроля.

Дихотомия властных и властвующих представляет величайшую драму человека с тех пор как он существует на земле, И если мы признали, что власть часто выступает не только как средство, но и как самоцель, что она одно из величайших вожделений духа, то станет понятно, что существует процесс самовоспроизводства власти, имеющий свою логику, свои замыслы.

Самовоспроизводство власти и идеология миллениаризма. (Миллениаризм – то же, что хилиазм – религ.- мист. учение о тысячелетнем земном царствовании Христа). Марксизм сделал открытие, что для оправдания классового имущественного неравенства нужна особая идеология; **идеологическое обоснование** принадлежит, таким образом, к механизмам воспроизводства такого неравенства.

Исторический опыт и современные антропологические изыскания показывают, что жажда власти — отнюдь не меньшая страсть человека, чем жажда богатства. Причём, в отличие от многих других страстей, она никогда не покидает человека. И если эта страсть столь неизбывна в человеке, то невозможно себе представить, чтобы не существовало механизмов самовоспроизводства власти и властного неравенства. Существует, следовательно, и идеология власти, ее самооправдания и оправдания перед теми, кто от неё страдает. И одна из них — миф о земном рае, который будет построен бесконтрольной, тоталитарно-авторитарной власти. И большевизм, и фашизм обещали своим сторонникам земной рай. И тот, и другой восстановили архаичный принцип единства царства, священства и пророчества, когда вождь одновременно выступает и как носитель политической власти, и как жрец — носитель культовых начал, и как «первый теоретик» — носитель пророческой идеи.

Абсолютная власть воспроизводится через абсолютную мироспасательную утопию. Отправной точкой ее служит подозрение относительно всеобщей греховности, несправедности старого порядка в целом. Здесь совершенно неуместны презумпции классического демократизма, даже революционного. Последний сводит всю проблему к злонамеренности и коррумпированности верхов, тогда как большинство считается заранее уготовленным для спасения. Презумпция абсолютной мироспасательной утопии иная. Здесь мы имеем дело с сознанием повального грехопадения, всеобщего преступления перед каким-то таинственным высшим законом. Знание этого закона эзотерично (охраняется «великим учением»), но интуиция несомненной вины перед ним становится общим достоянием. Это есть та особая мистическая интуиция, которая в истории неизменно сопутствует появлению новых мироспасательных мифов. Возникает острейшее, мучительно переживаемое противоречие между всеобщностью греха и узостью пути спасения, его дефицитностью, доступной лишь избранным. Дело отнюдь не сводится к той, описываемой философией Просвещения, ситуации, когда предстоит просто устранить искажающую искусственность неправедных общественных структур и обнажить за ними естественный

предуготовленный порядок. Напротив, возникает представление о горниле, через которое предстоит пройти, чтобы приобщиться к спасению, о предельно мучительном подвижничестве, на которое способны немногие. *«Это манихейское деление истории на целиком неправедную, греховную и ту, которая последует вслед за эсхатологическим событием (мировой революцией), неминуемо ведёт к сектантской нетерпимости».* (См.: **Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. С. 22–30).**

По свидетельству Бердяева, марксистский историзм — *«это стремление сочетать притязания просветительского разума с мессианскими притязаниями древнего Израиля, потому что это — притязание на единственное несущее свет сознание — свет, претендующий быть не одной из идеологий, но единственной и окончательной».* (**Бердяев Н. Смысл истории. Paris, 1964. С. 19.**)

Ревизионисты марксизма (Бернштейн, легальные марксисты в России) пытались осуществить его христианизацию, близкую переходу от ветхозаветной версии спасения избранного народа (в XX веке его роль отводилась пролетариату — избранному народу индустриальной эры) к новозаветной версии спасения всех («нет ни эллина, ни иудея»). Но такой универсализм исключал драматургию гражданских войн и мировых революций — драматургию, обещающую рождение абсолютной власти. По-видимому, без большевистской контрреформации, вернувшей марксизм к ветхозаветной версии избранничества (и беспощадной войне с «неизбранными» заложниками истории — большинством «старого мира» планеты), механизм порождения абсолютной власти не смог бы сработать.

Самовоспроизводство власти через идеологию модернизации. Милленаристские упования на царство божье на земле сегодня можно считать в определённой мере дискредитированными обескураживающим опытом «реального социализма». Следовательно, сегодня те, кто хотел бы заполучить абсолютную власть над народами, вынуждены обращаться к другим формам веры, по-новому реконструировать массовый миф. Среди его вариантов заслуживает особого внимания миф модернизации. И в нем воспроизводятся многие из предпосылок тоталитарной власти. Следовательно,

сегодня те, кто хотел бы заполучить абсолютную власть над народами, вынуждены обращаться к другим формам веры, по-новому реконструировать массовый миф. Среди его вариантов заслуживает особого внимания миф модернизации. И в нем воспроизводятся многие из предпосылок тоталитарной власти.

Во-первых, это деление населения на просвещённый авангард (только это уже не пролетарский авангард) и консервативную массу, цепляющуюся за отжившие порядки и институты.

Во-вторых, это эзотерика «великого учения», недоступная массовому общественному сознанию, выходящая за пределы обычного здравого смысла. Опять-таки, сегодня в роли великого учения не может выступать марксизм. Это должно быть другое учение, наследующее, однако, два признака предыдущего; экспортированный характер и противоположность местной народной традиции. Сегодня на такую роль в России претендует «чикагская школа». Заимствованные у нее рецепты переделки российского бытия и сознания, безусловно, требуют высокой властности и авторитарности. В этом смысле пора уже обобщать характеристики российского западника как авторитарного типа. Его постоянный, периодически воспроизводящийся на различных этапах российской истории парадокс состоит в непримиримом противоречии между демократической благонамеренностью целей и неизбежно авторитарными и даже тоталитарными средствами их осуществления.

Раскроем это противоречие в некоторых сущностных чертах. **Первое**, демократическая система ценностей (как она сформировалась на Западе) основана на презумпции доверия к гражданскому обществу, к возможностям самодеятельного, неподопечного существования, которое в самом себе несёт правду, справедливость и порядок. Российский же западник постоянно убеждён, что российское общество изначально греховно, обременено чудовищным грузом азиатских пережитков, словом, «лежит во зле». Следовательно, всякое попустительство импульсами снизу, всякая автономия и самодеятельность ему противопоказаны — оно их использует «во вред прогрессу». Вот почему российский западник, в отличие от своего классического прототипа, последовательно антилибера-

лен. Он — убеждённый этатист, сторонник завоевания российского общества новым «прогрессивным режимом», новым государством во имя прогресса. Он формирует принципы жёсткой государственной педагогики: решительного перевоспитания граждан с использованием всех средств принуждения.

Второе, демократия, как дочь религиозной Реформации, питает отвращение ко всякой эзотерике «великих учений», с помощью которых неугодные избирателям меньшинство может оправдывать свои притязания на власть во имя насильственного осчастливливания масс, не ведающих толком своих собственных интересов. Вслед за Лютером, отвергшим претензии папства на интерпретацию скрытой от мирян божественной воли, демократия отвергает претензии какого бы то ни было «авангарда» на знание конечных целей и путей истории. Её кредо: избиратель, как и потребитель, всегда прав. Поэтому вердикт избирателя не может быть поставлен под сомнение посредством ссылок на его темноту и незнание магистральных путей истории. В противном случае демократические выборы становятся не только бессмысленными, но и опасными. Авангард не может полагаться на обыденное сознание избирателя, его дело — вести общество к заветной цели и перевоспитывать несознательные массы. Но именно такова ментальность российского западника: он и сегодня убеждён, что «этот народ» не ведает путей достижения собственного блага и потому надо, не доверяясь его выбору, решительно навязать ему новый и на этот раз безошибочный прожект очередного светлого будущего. Представляют особый интерес те моменты, когда русский западник решительно включается в борьбу с национальной традицией, и те мотивы, которые им движут. (См.: **Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. С. 30-35**).

По мере того как происходил процесс деидеологизации бюрократического сознания на постсоветском пространстве — утраты харизматического принципа покровительства «слабым», нарастали тенденции социологически обоснованного технократического авангардизма» в отношении «архаически мыслящей», «обременённой пережитками» народной массы. Альтернатива: идеологизиро-

ванный или деидеологизированный «авангард», партократия или технократия, принимаемая у нас всерьёз ещё совсем недавно, оказалась ложной.

Истинная альтернатива касается противостояния принципа самоопределения в широком смысле (самодеятельность, суверенность решений, отказ от доктринального недоверия к социальному опыту различных групп общества) и принципа «нормирования» жизни сверху.

Первый принцип ведёт к расширению социального и культурного многообразия, второй — к униформизации и унификации. **В рамках технократической картины мира унификация выступает как универсальное требование современного прогресса.** Эта картина основана на вере в формализуемость любых систем и процессов. Хотя **К.Гедель** ещё в 1931 г. доказал **теорему о принципиальной неполноте формализованных систем.** Но технократическая картина мира, вопреки этому, исходит из другого — целиком предусмотренной, предсказуемой Вселенной.

Как показал М. Крозье, бюрократическая утопия абсолютной власти стремится к такой асимметрии в отношениях между «ведущими» и «ведомыми», при которой поведение первых оказывается абсолютно не предсказуемым для вторых, тогда как поведение вторых, напротив, должно быть абсолютно предсказуемым. Бюрократический универсум, таким образом, строится на причудливом сочетании рационального и иррационального: иррациональная «свобода» — то есть произвол бесконтрольной власти наверху, тотальная механическая «рациональность» (в духе жёсткого лапласовского детерминизма) внизу. Но в этом случае главным, подлежащим устранению препятствием считаются демократическая суверенность (автономия) и культурная самобытность. Обе они делают общество «непрозрачным» для бюрократического разума. Этим и объясняются принципиальные антирыночные и «культурофобные» установки технобюрократии. Все ее усилия направлены на то, чтобы снизить сложность и многообразие общественной среды методами систематических конструктивистских упрощений. Мышление технобюрократии в общественной сфере осталось на

уровне, характерном для времён господства классической механики в естествознании. Она базируется на принципах одномерных пространств, чисто количественных (свободных от качественной прерывности) градаций, абсолютной предсказуемости и регуляции сверху.

После Второй Мировой войны во Франции получает распространение концепция «полюсов роста», авторами которой были **Ф. Перру, М. Козье** и **А. Сови**. В частности, Ф. Перру писал: *«Развитие не осуществляется равномерно в пространстве и времени: его импульсы возникают в определённых «полюсах роста» и затем распространяются по различным каналам от центра к периферии.»*

Этими «полюсами роста» — центрами экономических, научно-технических и социокультурных новаций и выступают крупные города. Данная концепция основана на двух допущениях: а) однородности современного социального пространства, что обеспечивает повсеместную приложимость и равноценность (территориальную инвариантность) идущих из центра новаций; б) абсолютной «пластичности» (аморфности) провинциальной среды, социальными и культурными особенностями которой можно пренебречь. В этой «вселенной прогресса» масса звезды — крупного городского центра — должна иметь настолько большее превосходство, чтобы воздействие масс спутников — малых городов — считалось исчезающе малой величиной.

Концепция «полюсов роста» (в обоих ее вариантах, советском и западном) означает целый переворот в «картине мира», в системе мотиваций и ценностей, а также и в социальной и культурной политике. В самом деле, в рамках традиционной (классической) «картины мира», утвердившейся в политике, экономике и культуре XIX века, наличие полюсов, или асимметрий между центром и периферией, считалось чем-то негативным, препятствующим развитию общества. Напротив, теория «ускоренного роста» (индустриализации, модернизации) делит общество на две неравноправные культурные системы: ведущую (авангардную), от которой исходят новые социальные технологии и нормы, и ведомую, уделом которой является пассивное усвоение идущих извне норм. Полярно-

сти: город — деревня, центр — провинция, интеллектуалы — менее образованное население выступают в свете главного водораздела, отделяющего тех, кто создаёт и распространяет «новые рецепты жизни», от тех, кто обречён им следовать.[...].

В рамках классической «картины мира» положительно оценивались и региональный плюрализм, связанный с принципом адаптации к местной среде, и прочность местных социокультурных связей, образующих активные региональные сообщества, богатую и разнообразную провинциальную жизнь. Напротив, в рамках концепции «полюсов роста» эти качества являются скорее противопоставленными; чем плотнее и целостнее местная социальная ткань, тем труднее внедриться новым, идущим извне нормам. Поэтому система провоцируемого и направляемого из центра роста заинтересована в разрежённости окружающего социокультурного пространства, в ослабленных социальных связях. Новые социальные технологии беспрепятственно внедряются там, где огромный город окружён мелкими рабочими посёлками, где активному и организованному меньшинству «носителей норм» противостоит аморфная и разрозненная масса, утратившая традиционные нормы и ценности и готовая перенимать любые модные учения и эталоны поведения.

Новая система социализации насаждает одностороннюю ориентацию людей на центр, вынуждает личность к выпадению из сложившейся системы ценностей и ролей. Считалось, что особая приверженность «своей» среде и повседневному окружению делала бы человека менее восприимчивым к импульсам, идущим извне, со стороны системы централизованного материального и духовного производства. Поэтому такая система практикует волюнтаристское административное движение и районирование провинций, рассекающее социальное пространство малых городов. Внутри них она насаждает определённый тип социальной поляризации: между молодёжью, ориентирующейся на центры, и старшими возрастными группами; между более образованными (характеризующимися этой же центристской ориентацией) и менее образованными. Она не довольствуется только отстранённым — скептическим или ироническим отношением «образованного» индивида к привыч-

кам и нормам местной среды, В ее рамках продуктивным считается агрессивное, нетерпимое отношение активных потребителей новых норм к традиционным ценностям, она поощряет дух нетерпеливого авангардизма.

Бросается в глаза поразительное сходство концепций «полюсов роста» в СССР и на Западе, при том, что концепция в СССР формировалась поначалу как «политикоцентричная», а западная — как «техноцентричная», или технократическая. Вероятно, это совпадение не случайно: в нем обнаруживается действие каких-то общецивилизационных или интерсоциальных закономерностей, характерных для **индустриального общества** в целом. Индустриальная стадия развития, связанная с массовым, крупномасштабным производством, диктовала необходимость концентрации населения в крупных городах. Она же породила повсеместно появляющиеся эффекты «массового общества»: массовое потребление, массовую ориентацию на одни и те же эталоны и нормы, массовое образование, дающее «универсальные» знания, часто не применимые на местах.

Система «полюсов роста», успешно поработавшая несколько десятилетий, в условиях постиндустриального общества забуксовала.

Эффективность крупных городов и престижность их образа жизни падает по мере устранения монополии массового крупносерийного производства. Новое, наукоёмкое производство обесценивает политику концентрации — в том числе и концентрации рабочей силы; вместе с этим исчезают и бывшие преимущества крупногородского образа жизни. Наукоёмкая экономика и экономика услуг требуют уже не однородного, а мозаичного социального пространства, ведут от моноцентризма к полицентризму, а тем самым — к «реабилитации» малых городов и поселений как социального ареала. Сам процесс производства новаций утрачивает былой линейно-динамический характер и приближается к модели статистического процесса. Вероятность перспективных новаций тем выше, чем больше число независимых участников поиска, не связанных отношениями жёсткой субординации.

В наукоёмкой экономике выше всего ценится не социальная однородность, а разнообразие. Законом жизни становится социокультурный плюрализм, утверждающийся вместе с возрастанием автономии гражданского общества по отношению к государству, провинции — по отношению к центру. Сама демократия утрачивает прежний облик, связанный с требованиями «массового общества». «Демократия равенства», ассоциируемая с «равной доступностью» благ и услуг, с насаждением стандартных эталонов и норм, уступает место новому образу демократии — «демократии свободы». Она предполагает синхронность двух процессов: **все более свободное осознание специфики различных групповых интересов (вместо былого «монолитного единства»)** и **все более интенсивную культурную стратификацию населения (вместо былого тяготения к «единым образцам поведения»)**. Все более дефицитными, престижными и социально значимыми выступают такие ценности, как автономия, самобытность, самоопределение, самодеятельность. И здесь-то и обнаруживается, что малые города имеют то преимущество перед крупными, что дают большую самобытность человеческих характеров. Связи крупных и малых городов выступают уже не в свете отношений ведущих и ведомых, не в однородном социальном пространстве, содержащем лишь количественные различия типа «больше — меньше», а в свете различий между культурой и цивилизацией.

Крупные города играют роль «силовых полей», концентрирующих цивилизационные факторы, — науку, технику и технологию, современные средства общения, словом, все то, что выражает момент «всеобщности» в социальном бытии людей. Малые города все больше выступают как центры культуры, оберегающие свою самобытность, исторические традиции, неповторимый природный и культурный ландшафт. Малый город становится носителем новейшей тенденции, связанной с поворотом от техноцентризма к антропо- и эксцентризму.

Система «полюсов роста» десятилетиями насаждала единообразие в экономической, социальной и культурной областях и тем самым резко сузила разнообразие жизни, а вместе с этим —

и потенциал адаптации человека к условиям меняющейся среды. Утверждение ценностей «нового регионализма», связанных с развитием местной автономии и расцветом малых форм, обещает новый расцвет многоукладности во всех сферах жизни. Многообразии форм собственности, развитие кооперации, арендных отношений, индивидуального и семейного хозяйства получит расцвет лишь в той мере, в какой это многообразие утвердится географически, и в частности, посредством растущей региональной автономии, доведённой до логического конца — до автономий малых городов и поселений.

Сопоставление «японского чуда», а также рывка новых индустриальных государств тихоокеанского бассейна с темпами развития старых индустриальных государств, в значительной мере утративших свою культурную специфику, свидетельствует: сохранение самобытной национальной культуры регионального многообразия играет роль мощного мотивационного и жизнеориентирующего фактора — противоядия от социальной анемии. Длительное воздействие тенденций индустриального общества создало для большинства людей ситуацию экономического и политического отчуждения; ощущение маленького человека бессильного перед лицом Большой экономики, где действуют гигантские государственные и партийные аппараты власти,

Долгие годы советская обществоведческая теория и массовая пропаганда убеждали людей в безусловном преимуществе крупномасштабных форм экономико-производственной деятельности над «малыми» формами, связанными с индивидуальной и групповой инициативой. Применительно к Западу это предполагало неумолимую тенденцию к углубляющейся социальной поляризации, в пределе дающей дихотомическую структуру (буржуа и пролетарии). Применительно к социализму это означало доминирование государственной собственности и ее монопольное утверждение в недалёком будущем. Однако реальный исторический опыт свидетельствует об обратном: об экономической эффективности разнообразия форм собственности, сочетания крупной, средней и мелкой, государственной, кооперативной и семейной. (См.: **Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. С.35-42).**

Воспроизводство власти в эпоху постмодернизма. Мы видели, как эмансипаторские обещания эпохи «модерн» завершились притязаниями абсолютной власти. Оказалось, что для того, чтобы освободить человека, нужно тотально переделать мир, но сама переделка потребовала такого уровня принудительной социальной мобилизации, подчинения всех и каждого «великому проекту» революционного государства, каких до сих пор человечество не знало. Правда, модернизм на Западе выступил в другом обличье: здесь роль великого модернизатора отводилась научно-технической революции. Она должна была создать «прекрасный новый мир», где все стихии природы и культуры были бы окончательно обузданными и над всем восторжествовал все упорядочивающий научный разум.

Постмодернизм в европейской культуре начался с разочарования в обеих революциях: политической и научно-технической. Оказалось, что жёсткие промышленные технологии способны разрушить природу и тем самым подорвать долговременные условия существования человека на Земле. Кроме того, они способны поработить и самого человека, навязывая ему свой механический образ и подобие, свою принудительную ритмику, стандарты поведения. Индустриальная мегамашина стремится включить человека в себя, превратить его в функциональный элемент. Что касается социалистического «Востока», то здесь модернизм олицетворялся жёсткими политическими технологиями, назначение которых – переделка и обработка самого человека.

На Западе постмодернизм выступил в разных формах. В культуре – как стиль «ретро», в рамках которого утвердились тенденции «неоархаизма», реабилитирована национальная, историческая и религиозная традиция, провозглашен «возврат к истокам». В науке он заявил о себе как реакция на гегемонистические притязания технического и естественного знания, как возврат к антропоцентризму, связанному с бумом гуманитарных наук и императивами «человеческого измерения», приложимыми ко всем технико-производственным, урбанистическим, организационно-управленческим и политическим новациям. Технократическому монизму,

намеревавшемуся все объекты и явления мира описать как «техничоподобные», был противопоставлен принцип дополнительности, согласно которому научно-техническая рациональность и человеческая (культурная) аутентичность не совпадают.

Наконец, постмодернизм утвердил себя в такой новой натурфилософии, какой является глобалистика. Она поместила общество и человека в единый контекст, единую систему геобио-социогенеза. Субъект-объектному принципу, — когда субъект, — «прометеев человек» Нового времени возвышал себя над природой и культурой в качестве объектов, которые он намерен по своему усмотрению «переделывать», — здесь противостоит принцип со-ответствия, со-причастности, со-размерности. Знаменитый **Римский клуб** выдвинул концепцию «пределов роста», в частности границ распространения промышленных технологий, при нарушении которых может наступить необратимый процесс разрушения природы Земли как системы. Наряду с этим ряд направлений «постклассической» науки — в частности структурная антропология, доказали, что существуют границы применения политических технологий, связанные с природой самого человека. Современные изыскания в области человекознания показали оправданность некоторых запретов, в свое время наложенных великими мировыми религиями на попытки устройства земного рая. Оказалось, что эти попытки сопровождаются таким давлением на человеческую личность, ее духовную организацию и психику, которые приводят в конечном счёте к их разрушению (так этологи доказали наличие «инстинкта собственности», связанного у всех высших животных с ритуалами закрепления личной территории).

Постмодернизм развенчал прометеев миф Запада — миф о человеке, возвышающемся над миром и относящемся к нему как к средству. На этой основе возникли многочисленные попытки ревизии западных принципов жизнестроения и западного менталитета, в частности с позиций восточной мудрости.

Дж. Нидам приводит различие двух принципов — «вей» и «ву-вей» в даосизме. «Вей» — принцип активистский, субъект-объектный, он означает приложение силы или воли к естественному

порядку вещей. В философии даосизма он осуждается. Последний идентифицирует себя с принципом «ву-вей» — отсутствие вмешательства, нарушающего «покой мира», уважение к внутренней гармонии мироздания! Это своего рода *laissez faire* применительно к природе, к окружающему миру.

Нам предстоит теперь прямо сопоставить два великих европейских мифа — миф модернизма, восходящий к «героическому энтузиазму» Дж. Бруно, и современный постмодернистский миф, применительно к проблемам воспроизводства «тотальной власти».

Современная политологическая мысль ещё находится в плену у прежних традиций и оказалась не в состоянии оценить новую роль гуманитарной культуры в качестве ниши и языка власти. Хотя ничего таинственного в этой смене нет. Власть потому и власть, что затрагивает доминанты людей, их наиболее сильные устремления, приоритеты. Там, где прежние парадигмы власти перестали совпадать с доминантами массовой психологии и новыми мифами культуры, там власть неизбежно хиреет: исчезают яркие характеры, утрачиваются воля и убедительность политической элиты.

Собственно вся нынешняя реформа в России, по мнению **А.С. Панарина**, оказалась столь обескураживающей, а проводящая ее элита «демократов» столь беспомощной потому, в первую очередь, что экономикоцентризм основного курса оказался в подозрительной близости к техноцентризму прежней власти и столь же далёким от действительных силовых полей современной политики. Силовое поле политики определяется не насущностью и неотложностью тех или иных массовых потребностей. Такой тип детерминации вернул бы политике ту самую рационалистическую прозрачность, какую пытался ей приписывать базисно-надстроечный детерминизм и другие «научные» теории общества. Однако политика была и остаётся непрозрачной для сугубо рационалистического дискурса. Самые насущные из повседневных нужд должны рассматриваться в контексте той или иной культурно доминанты, и только в ее контексте решаться. А в современную постмодернистскую эпоху доминанты не могут быть экономическими — они являются в той или иной форме «постэкономическими». Разумеется,

если речь идёт о стране, пребывающей в стабильном состоянии, и об элите, решающей «ритуальные» задачи, там политика может какое-то время пребывать вне общей культурной доминанты. Но если страна переживает переломный момент своей истории, а элите предстоят творческие задачи и нетривиальные решения, требующие несравненно более высокого уровня мотивации и социальной мобилизации, то политика вне культурной доминанты никогда не обретёт нужного в этих условиях энергетического потенциала. С другой стороны, следует предостеречь и от тех прекраснотных ожиданий, которые основаны на ассоциативной связи гуманизма с гуманизмом. Новая элита гуманитариев, овладевающая импульсами постмодернистской эпохи, может добиться невозможного для прежних элит уровня социальной мобилизации массового сознания. Но эту элиту, как и весь период ее политического творчества, куда мы вступаем, не следует романтизировать. Преобразование организационно-управленческих моделей из техноцентричных в социо (культурно)центричные и сопутствующая этому передача экспертных и системообразующих функций специалистам-гуманитариям ещё не обеспечивает гуманистической альтернативы. Авторитарность гуманитарного знания, если оно выступает в монолической форме предписываемой сверху, единственно правильной системы «оптимальных норм», ничуть не уступает авторитарности прежних технократических структур. Мало того: гуманитарный разум способен к более искусному и педантичному надзору над человеком, чем дилетантствующая в этих вопросах технократия.

Задачи гуманитарной элиты на пути к нормальной власти. Внутренние доминанты (мотивации) и внешние приоритеты постмодернистской эпохи таковы, что эффективной политической элитой сегодня может быть только **гуманитарная элита**. [...].

Современные антропологические исследования подтвердили старую истину: **человек – существо метафизическое и религиозное, взыскующее смысла**. Потеря «смысла жизни» для человека – несравненно большая катастрофа, чем любые материальные лишения. Законом человеческого жизнестроения и на личном, и на государственном, и на общецивилизационном уровне является

сопричастность смыслу, то есть высшим ценностям, отличным от повседневных материальных интересов.

Можно выделить две главные задачи новой гуманитарной, политической элиты в России. Как и в РМ. Первая – укрепление нравственного, нормативного начала, опасно ослабленного сегодня (впрочем, это роднит нынешнюю эпоху со всеми другими переходными эпохами в России). Мы уже упоминали о внутренней «диалектике власти», состоящей в своего рода обратной пропорциональности между силами внешнего принуждения и внутреннего нравственного самообладания народа. Новая гуманитарная элита России тогда выполнит свое предназначение, тогда выйдет на уровень задач посттоталитарного периода, когда сумеет восстановить в общественном сознании высокий статус нравственной нормы. Как писал С.Л. Франк, *«вопреки, распространённым тенденциям всяческого политического фанатизма и вообще одностороннего политцизма. путь, приводящий к максимально эффективным и прочным результатам, есть путь изнутри наружу, от личной жизни к жизни общественной, иначе говоря, путь совершенствования общих отношений через нравственное воспитание личности».* (Франк С.Л. **Духовные основы общества. М., 1992. С. 459.**)

Одним из тяжчайших преступлений левого радикализма в России является занижение статуса нравственных норм посредством их прямой релятивизации и утилизации (нравственно все то, что служит «передовому строю»), с одной стороны, и абсолютизации влияния внешних социальных условий (социологический детерминизм) – с другой. Но гуманитарная элита, достойная этого названия, не может не знать, что в основе всех решений человека лежит то или иное духовное решение, которое и определяет его судьбу, Вера в основополагающую роль духовных факторов есть профессиональное кредо всякой гуманитарной элиты.

И только сложивший с себя свои высокие полномочия, отказавшийся от своей миссии гуманитарный разум может «знать доминанту внешних факторов в судьбе человека о форме экономического, технологического и т.п. детерминизма.

Когда мы говорим о роли духовного просветления и воспитания

полуодичавшей, выбитой из колеи, доведённой до отчаяния массы, необходимо сразу же устранить возможные недоразумения. Речь вовсе не идёт о восстановлении прежней системы «коммунистического воспитания» в той или иной форме не о вездесущей назидательности власти, в угоду себе «перевоспитывающей» народ. Как уже говорилось выше, главным из всех видов разделения властей является разделение духовной и политической власти. Со времён появления великих мировых религий независимость от властей предержавших стала главным условием высокого духовного авторитета церкви. Независимость литературы и искусства, свобода слова и печати ведут свое происхождение от этого исторического решения. Поэтому одной из самых важных проблем новой гуманитарной элиты станет обеспечение такого институционально-нормативного размежевания внутри себя, которое бы гарантировало независимость духовных авторитетов от любой политической конъюнктуры. Статус людей ранга **А. Сахарова** и **А. Солженицына**, по мнению А. Панарина, является прообразом такого типа решения. И напротив, всякого рода «междусобойчики» духовной и политической элиты за спиной народа и общественного мнения, всякая эзотерика, напоминающая «закрытые партийные собрания» старого режима, способны подорвать процесс возрождения великих духовных авторитетов на Руси.

Вторая задача гуманитарной элиты связана с обеспечением перехода от монологического, моносубъектного типа власти — каким и был тоталитаризм, к полисубъектной системе, построенной на основе диалога.

Искусство политического диалога как политическое искусство. Гуманизация общественного видения и практики начинается с признания суверенности воли другого, воспринимаемого как равноправный субъект. Именно в этом пункте гуманитарное мышление в качестве гуманистического противостоит социальной механике тоталитаризма. Основой гуманитарного мышления является диалоговый принцип, реализующийся через преодоление эгоцентризма. С этого и начинается сознание цивилизованного человека, который есть по сути своей рефлектирующий, самоотстраняющийся чело-

век (это прекрасно сказала философия экзистенциализма, выросшая из противостояния тоталитарной монологичности фашизма). Как пишет **В.С. Библер**, *«иметь сознание — означает осознавать необходимость отстранять и остранить (сделать странным, сомнительным, поставить под вопрос) свое собственное бытие как целостное, завершённое, закруглённое...»* (**Библер В.С. Идея культуры в работах Бахтина // Одиссей. 1989. С. 39**).

Трагедия нашего общественно-политического сознания, по мнению А.С.Панарина, не столько в том, что оно утверждало какую-то изначально тупиковую модель общественного устройства, сколько в абсолютизации единой модели, в принципе одновариантности бытия, и отказе от диалога с носителями других типов видения. Философия политики должна уйти от генерализирующего принципа, который сродни натурализму. (См.: **Риккерт Т. Философия истории. СПб., 1908**). Там, где редуцируются различия субъектов вместе с особенностями их интересов и воли, история выступает в качестве одновариантной, подчинённый непреложным «естественноисторическим» закономерностям. Гуманизировать историю — значит реабилитировать принцип множественности субъектов истории в противовес монологу авангарда (гегемона), воплощающему своей волей единственно верный вариант ее развития.

Гуманитарное мышление реабилитирует опыт другого не только в качестве оправданного, равноправного, но и в качестве такого, которое жизненно необходимо мне самому, расширяет диапазон моего собственного бытия. Словом, оно видит в другом исторического героя. В чистом монологе, вне горизонта равноправного Ты, мое бытие натурализуется, выпадает в объективность, вещьность, лишается перспектив «иначе возможного». Речь здесь идёт о чем-то гораздо большем, чем психология повседневного общения. Здесь антропологические принципы открывают философию политики — ту самую, которую мы ищем в качестве альтернативы монологической философии эпохи тоталитарных движений. Методологическое сомнение — перед лицом другого опыта, других субъектов, другой культуры — в оправданности и завершённости собственного способа существования — и есть, по мнению А. Панарина, философ-

ско-методологическое основание современного реформаторского мышления. Такой тип видения обретается как отдельным индивидом, так и обществом в целом, в момент кризиса. Нынешний наш кризис – это способ перехода от тоталитарного статического монологизма к перерешению собственной судьбы на основе осмысления и переживания опыта других народов в качестве собственной возможности.

Механическому детерминизму и сциентизму, свившему гнездо в недрах нашего привычного «формационного» видения, противостоит гуманитарная идея развеществления мира через диалог как средство человеческой свободы или самодетерминации.

Потребность в свободе творить историю – индивидуальную или коллективную – не является перманентным свойством человеческого духа. Только в периоды острейших кризисов и вызванной ими предельной неудовлетворённости собой и своей судьбой актуализируется потребность выйти за границы своего «Я» или своей (нынешней) культуры. Эта ситуация «предельной черты» выносит наше сознание «на грань различных культур, в точку встречи двух (и более) исторических форм сознания, способных отстранять друг друга. На грани культур, решая «последние вопросы бытия», человек включает в свое самосознание... сознание человека другой культуры, абсолютно вне находимого, иного, с иными смыслами бытия и мышления. И только в таком запредельно ином для этой культуры взгляде на мое собственное бытие и на мое сознание возможно действительно коренное перерешение моей судьбы»...» (Библер В.С. **Идея культуры в работах Бахтина // Одиссей. 1989. С. 54**).

В связи с этим открывается истинное призвание новой гуманитарной элиты, приходящей на смену сторонникам монологического сциентизма, будь то сциентизм «научного коммунизма» или сциентизм современных адептов «чикагской школы». Роль гуманизма не в том, чтобы подменить специалистов в области экономики, техники и т.п. Это означало бы возвращение к статусу носителей «передовой идеологии», всюду преследующей и вытесняющей специалистов по подозрению в идеологической греховности или профанности.

Его роль в том, чтобы наладить диалог различных социально-групповых, территориальных и профессиональных культур и субкультур, раскрыть значение социокультурной детерминации различных типов экономического поведения. Монологический, моносубъектный принцип, положенный в свое время в основу «социалистического строительства», дал нам, наряду с унитарным государством, «унитарную» одноукладную экономику, лишённую каких бы то ни было самодвижущих импульсов, не способную откликаться на разнообразные и изменчивые нужды населения.

Сегодня политическому знанию предстоит отвергнуть рационалистическую гордыню и признать принцип неопределённости: нет и не может быть учения, которое заранее знает, какой или чей именно социальный опыт будет затребован в ближайшем или отдалённом будущем, станет источником назревших перестроек и новаций. С этим и связан **консенсусный принцип** в философии политики, запрещающий сводить опыт истории к опыту основных классов, передового класса гегемона и т.п. Консенсусный принцип связан с презумпцией доверия к историческому опыту вообще, с признанием неиерархичности типов социального опыта. Не в том релятивистском смысле, что все типы опыта равноценны, а в том, что нет инстанции, которая могла бы заранее пометить и предопределить их будущую ценность и приоритетность.

Это предполагает отказ от гегемонистской позиции знания-власти.

Понимание предполагает не закабаление понимаемого, не перевод его из автономного статуса бытия-в-себе в гетерономный статус бытия-для-нас, а, напротив, открытие и признание его самоценности и свободы. Здесь, как и в познании природы, дифференцируются два подхода: целиком прагматическое знание, связанное с выпытыванием конъюнктурно нужного нам сегодня, с технологическим «потрошением» объекта, и знание-понимание, отражённое в таких понятиях, как целостность, биоценоз, системность и т.п.

В политической модернизации сегодня также обособились две стратегии: «полюсов роста» — развития, организуемого извне, на основе навязанного проекта, и развития снизу, основанного на

партиципативном принципе, когда заинтересованные слои населения активно участвуют в формировании стратегии развития своего региона, города, поселения и т.п.

Политическая гуманитаристика (герменевтика) по-своему трактует гносеологическое требование объективности познания. Герменевтический парадокс можно выразить так: я становлюсь объективным в своём понимании другого в той мере, в какой признаю его свободную субъективность, его право быть иным, не совпадающим как с моими предожиданиями, так и с его собственным прошлым.

И, соответственно, я нарушаю принцип объективности, как только полагаю себя свободным субъектом, а другого – подчинённым жёстким «объективным закономерностям», якобы предопределяющим его поведение и его судьбу. Как пишет **Х.Г. Гадамер**, *«тот, кто хочет понять, не должен отдаваться на волю своих собственных предмнений. Герменевтически воспитанное сознание должно быть с самого начала восприимчиво к инаковости текста»*. (**Гадамер Х.Г. Истина и метод. М 1988. С. 321**).

Но для того чтобы вновь обрести восприимчивость к «текстам» других культур – а это жизненно необходимо нам, обанкротившимся из-за упрямой доктринальной приверженности текстам «великого учения», необходимо демонтировать орудие «тотального» предвидения – формационный дедуктивизм. Политическая герменевтика решительно восстаёт против гомогенного пространства-времени, соответствующего метафизике Просвещения, а затем и марксизма. Принципиальная, нередуцируемая гетерогенность, связанная с плюрализмом культур, с многообразием социально-исторического опыта, – вот что создает проблему для понимания и одновременно полагает самое понимание – в противовес нигилизму знания-власти.

Здесь уместно остановиться на **втором герменевтическом парадоксе**: понимающая общественная теория связывает коммуникативность культур, самую необходимость их общения не с их сходством, а, напротив, с их несходством; в опыте понимания именно несходство становится ценностью, своим несходством другой обращён к нам и говорит для нас. Ищущее гегемонию знание-власть

обречено пребывать в тавтологическом кругу: оно приемлет в других лишь элемент сходства и уподобления, все остальное игнорируется или искореняется. Отсюда герменевтическая максима, сформулированная Гадамером: *«Если мы хотим понять (другого. – Авт.), мы пытаемся даже усилить его аргументы»*. (См.: **Гадамер Х.Г. Истина и метод. М 1988.С. 346**).

Герменевтические парадоксы при ближайшем рассмотрении выступают как парадоксы нашей отечественной истории. Сегодня наиболее дефицитным и ценным опытом является опыт как раз тех социальных слоёв, которые недавно мы методически искореняли как «классово чуждый», реакционный и т.п. Нам сегодня позарез нужен опыт единоличного крестьянского хозяйства, опыт кооперации, опыт российского земства.

В межкультурной коммуникации с Западом наиболее коммуницирующими выступают сегодня не элементы сходства (в духе, например, леворадикальной и социал-демократической традиции), а контрастные элементы. Самой популярной из социально-экономических доктрин Запада у нас сейчас является неоконсервативная, воюющая с социально-экономическим патернализмом, с государственно-монополистической централизацией и т.п. В коммуницирующих культурах действует принцип зеркального отображения: сегодня наши «левые» больше совпадают с «их» правыми, а наши правые – с леворадикальным спектром Запада. Политическая гуманитаристика исходит из абсолютного (не оговорённого какими бы то ни было условиями, принципами) бытия другого. На основании такой презумпции мы сегодня преодолеваем свой социокультурный эгоцентризм, обрекающий нас на унылую тавтологичность: во всей человеческой истории и культуре искать и находить лишь собственные предтечи. Сегодня, как никогда, нам жизненно необходима способность вырваться из круга нашего собственного опыта, ибо в этом кругу с каждым днём, часом возрастает энтропия...Поиски другого стали поисками спасательной альтернативы. Этим другим является и наша собственная культура до 1917 года. Формационная догматика одновариантной истории исключала ценность прошлого: все, что является в нем действительно ценным,

якобы автоматически удерживается в снятом виде новой формацией, остальное выбрасывается в «мусорный ящик» истории.

Диалог различных типов социально-исторического опыта формационному сознанию представляется изначально сомнительным, так как в опыте авангарда оно находит «все действительно необходимое». Это исчезновение «другого» в культуре, в мировосприятии опасным образом сказалось на нашей политической ментальности. И сегодня вступившие в дискуссию политические оппоненты видят цель не в том, чтобы постичь опыт другого и ввести в свой горизонт некое инобытие, а в том, чтобы убедить другого, то есть уподобить его себе. Каждый стремится, в пределе, к тому, чтобы монополизировать сферу общественного сознания, монолоогизировать его. Это искушение авангардности свидетельствует о непреодоленности гегельяно-марксистской парадигмы, которая оправдана *«лишь если исходить из предпосылок Гегеля, согласно которым философия истории посвящена в планы мирового духа и благодаря этой посвященности способна выделить некоторые частные индивидуальности в качестве всемирно-исторических, у которых наблюдается якобы действительное совпадение их партикулярных помыслов и всемирно-исторического смысла событий»*. (См.: **Гадамер Х.Г. Истина и метод. М 1988. С. 437**).

Это понимание истории в духе гегельянского логизма до сих пор способствует фетишизации октябрьского переворота и осуществлённого в его ходе «социалистического выбора». Так, исторические детерминисты объявляют большевистский переворот предопределённым какой-то «изначальной логикой» РОССИЙСКОЙ истории, а все импровизации большевизма, вынужденные чрезвычайными обстоятельствами, освещают в форме «исторических закономерностей», Толкованию истории «постоянно угрожает опасность гипостазирования исторического события или комплекса событий, — гипостазирования, при котором это событие оказывается чем-то таким, что якобы имели в виду уже сами реально действующие и планировавшие люди».(См.: **Гадамер Х.Г. Истина и метод. М 1988. С. 434-437**).

Как здесь не вспомнить Монтеня: *«И я склонен думать, воздавая*

честь добрым намерениям наших властителей, что, не достигнув желаемого, они сделали вид, будто желали достигнутого». (Монтень М. **Опыты**. Кн. II. М., 1960. С. 496).

Нам предстоит реставрировать живую, многовариантную – диалогическую историю, совершив своего рода попятное движение: от одновариантной формационной логики к исторической феноменологии. Вопреки недавно возникшему афоризму, историческое сознание оперирует сослагательными наклонениями. И мы сегодня не можем освободиться от стереотипов, ведущих нас к пропасти, если не преодолеем формационный фатализм «единственно возможной истории» и не заставим себя услышать другие голоса, несущиеся к нам из прошлого и представляющие иные варианты истории.

Онтологические основания политического партнёрства. Из двух вышеописанных картин мира – признающей постоянное бытие другого как другого и «снимающей» его в эгоцентричном «синтезе», вытекают и две концепции власти: **монологическая и диалогическая.**

Первая коренится в многовековых традициях авторитарно-патриархальной и этатистской политической культуры, вторая ещё только формируется. Но за нею, формирующейся, стоят извечные гуманистические устремления, относящиеся к «нормальной» логике человеческих отношений, к «архетипам» человеческого опыта как такового. Сегодня, когда мы как никогда остро ощущаем свое одиночество, свое изгойство в мире и переживаем свое состояние как отклоняющееся от нормальной цивилизованности, перед нами снова и снова встают вопросы о парадоксах нашего общественного бытия. Парадокс абсолютной (тоталитарной) власти, может быть, главный среди них. Мы то и дело наблюдаем его в повседневности, изумляясь, как быстро совершается переход от всемогущества власти параличу власти, не способной управлять событиями и предвидеть их. Является ли это только результатом нынешнего переходного периода, не наблюдали ли мы и прежде этого соседства власти и хаоса, «абсолютного порядка» с неслыханным беспорядком? Парадокс этот можно конкретизировать так; власть управляла подданными,

не управляя собой («без царя в голове»), она управляла людьми, не управляя обстоятельствами. Дело в том, что обстоятельствами управляет человек, а если человек абсолютно бесправен, то и обстоятельства вырываются из-под контроля. Принижая роль и достоинство человека, абсолютная власть всюду развязывает силы беспорядочности — хаоса. Закономерность эта уже описана строгим языком науки — в теории организаций, в теории управления, теории партнёрства. Одним из первых описал её французский основатель теории организаций **М. Крозье** — на примере собственной страны, Вышедшая из революции 1789 г. французская политическая система является этатистской: её внутренняя интенция состоит в последовательной замене самостоятельности государственно-бюрократическим управлением сверху. То, что эта интенция наталкивается на сопротивление и знает попятные движения, больше объясняется живучестью гражданского общества во Франции, чем эволюцией власти, сохраняющей философию гегемонизма. Эта философия рассматривает власть как игру с нулевой суммой: чем выше автономия и самостоятельность различных групп гражданского общества, тем ниже возможности центральной власти, и наоборот. С этим Крозье связывает известный феномен «блокированного общества» — то есть, по-нашему, застойного, не умеющего реагировать на новые вызовы и учитывать новые реальности.

Гегемонизм, претендующий на монопольное влияние, ни в ком не признающий автономного и суверенного «Ты», «другого», обречён вращаться в тавтологическом кругу.(...).

Задача политиков, вступивших в переговорный процесс, — оставаться на позициях светского мышления, умеющего расшифровать символику «великих идей» на языке повседневных интересов и действительных, а не мнимых приоритетов. И здесь главное — легитимировать присутствие другого в мире, то есть признать его законные интересы. Будущее оппонентов — составная часть проблемы, которую решает занятый преобразованиями политический субъект. Необходимо в этой связи еще раз прояснить философию стохастического мира, характеризующегося неустранимым многообразием и многовариантностью.

Доктринально оформленные позиции сторон отличаются моновариантностью, тогда как реальные интересы многовариантны; их можно удовлетворить альтернативными способами. Переговорный процесс, связанный с открытием каждой стороной «бытия другого в мире», означает увеличение числа взаимоприемлемых вариантов. Вместо жёстких дилемм и «единственно правильных» решений открывается стохастическая картина гибких, многовариантных систем.

Признание «другого», актуализация «Ты» в общественном сознании неминуемо ведёт от одновариантного к многовариантному миру, В таком мире нет места «единственно правильным», «всепобеждающим» учениям. (См.: **Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. С. 55-73).**

Традиции и специфика властных отношений в Р. Молдова. Политические, философские проблемные моменты властных преобразований в современной Р. Молдова.

4. Роль и значение современной политической власти в условиях информационной революции. Управление информационными потоками как главный рычаг политической власти, которая все больше приобретает виртуальные формы. Стремительное развитие информационных технологий и разрушение старых институтов политической власти.

Конфликт экономического и политического человека в информационном обществе. Развитие внутреннего противоречия современного общества между политической властью, которая только начинает перестраиваться под воздействием информационных технологий, и крупными экономическими корпорациями, использующими сегодня все преимущества гибких сетевых структур. Перспективы преодоления структурного конфликта двух ветвей власти в современном обществе. Философия информационного государства. Новая роль информации в стратегии политического управления, специфика сетевого принципа управления. Проблемы и противоречия информационного государства. Постнеклассическая (синергетическая) картина мира и мир политики. Проблема движущих сил политических процессов. Политический субъект и поли-

тический актор. Стохастическая природа политических закономерностей, особенности их проявления на различных структурных уровнях политической реальности. Политическая необходимость и случайность. Вариативность политических событий. Политический выбор и политическая телеология. Необходимость нового «общественного договора» для развития информационного государства.

Тема 4. Философия политического времени и пространства

Вопросы:

- 1. Ведение: Общая характеристика проблемы пространства-времени в социогуманитарных науках.*
- 2. Философия политического пространства: сущность, структура, основные подходы. Философские проблемы геополитики.*
- 3. Философия политического времени: хронополитика.*

1. Ведение: Общая характеристика проблемы пространства-времени в социогуманитарных науках. Проблема пространства-времени в общественных науках сегодня выступает в том же ракурсе, в каком она выступала в естествознании при переходе от классической механики к квантовой, Общественные науки своими средствами подходят к выводу о том, что в современном обществе, в отличие от традиционного, нет единого для всех социальных групп пространства-времени. Типология социальных форм пространства-времени становится важной задачей политологии, ибо без осознания специфики пространства-времени различных обществ и групп в рамках одного и того же общества невозможны современная политическая аналитика и прогностика, теория принятия решений. В неравномерно развивающихся обществах – а всякое общество, вырвавшееся из традиционного застоя, развивается неравномерно, – каждый сектор экономики и каждая социальная группа обладают неодинаковой ритмикой. Авангардные отрасли экономики, как и авангардные группы, вырабатывают два типа информации: необходимую – предназначенную для обеспечения процессов воспроизводства, и «прибавочную», активно заимствуемую дру-

гими социальными группами. Однако это вовсе не означает, что историческое развитие представляет монолог авангардных групп и классов — моносубъектную парадигму прогресса можно отнести к пережиткам авторитарного мышления, не знающего диалогов и взаимодействий. Как уже отмечалось в первой главе, история не знает монологов, как и последовательно осуществляемых проектов «лучшего будущего». Социально-политическая практика представляет собой опыт группового взаимодействия, результирующая которого всегда отличается от монологических ожиданий. Поэтому реальное пространство-время всегда отличается от суммарного: сказывается косвенный эффект незапланированных взаимовлияний и коррекций.

Это касается как временных ритмов, так и пространственных локализаций. Реальное пространственное присутствие некоторых групп общества заведомо превышает их долю в населении; их влияние может затрагивать более широкие слои, в том числе и такие, которые находятся вне физических контактов с ними; сказывается эффект дальних взаимодействий и тонких социокультурных влияний.

В целом можно сказать, что историческая судьба различных социальных групп определяется особенностями их пространственно-временного континуума; чем более медленную временную ритмику избрала та или иная группа, тем выше вероятность того, что ее традиционное пространство будет сужаться в результате вторжения более динамичных групп. В этой закономерности проявляется одна из самых драматических сторон современного социального бытия,

В Р. Молдова (как впрочем, и в России) проблема хроно- и геополитики всегда выступала крайне остро по причине промежуточного в цивилизационном отношении (между Востоком и Западом) положения страны. Во временном отношении это — драматизм чередования застойного и катастрофичного (прерывного времени); в пространственном — угроза незапланированных геополитических сдвигов. Всякая крупная общественная реформа как бы ослабляет скрепы, фиксирующие положение стран на осях Восток-Запад, Север-Юг; отсюда — неожиданные возмущения и сжатия геополитики.

тического пространства – вплоть до угрозы распада страны – в качестве косвенного последствия самых благонамеренных реформационных начинаний. Проблема пространственно-временной стабилизации страны, перехода от циклично-прерывного времени к линейному и от неустойчивого геополитического положения к устойчивому выступает как важнейшая из стратегических задач современной реформы.

2. Философия политического пространства: сущность, структура, основные подходы. Философские проблемы геополитики.

Философское понятие пространства и пространственная парадигма в политической философии. Протяжённость и дискретность политического пространства. Геометрия политического пространства. Политико-географическое и структурное (условное) политическое пространство. Механизмы трансляции политических явлений и изменений в пространстве. Проблема детерминации политических процессов и принципы структурирования и воспроизводства политического пространства.

Геополитика как выражение онтологии межнациональных интересов. Концепции и модели политического пространства. Становление геополитики. «Политическая география» **Ф. Ратцеля**. **Х. Дж. Макиндер** и геополитический дуализм. Философия пространства **К. Шмидта**. Геополитические школы. Иконография политического пространства: Суша и Море как соперничающие мироустроительные модели политического пространства. Парадигмы политического пространства и социокультурная идентичность: Дом и Корабль. Тупики морской цивилизации и поиски «Иначе возможного». Угроза цивилизации на Континенте. Восстановление прерогатив Континента как программа будущего. Континентальная альтернатива виртуальному миру. Формационный проект Континента и соблазны глобализации.

Глобализация политических процессов и сжатие современного политического пространства. Проблема многополюсного мира. Универсалистский (евроцентристско-стадиальный) и цивилизационный подходы к пониманию природы политического пространства

Цивилизационный подход к политическому пространству (теории **Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби**). Концепция конфликта цивилизаций С. Хантингтона. Проблема «Восток – Запад». Проблема политико-пространственной самоидентификации и идентификации России и **Р. Молдова**. Идеи универсализма и самобытности в развитии России в творчестве западников и славянофилов как политико-философский источник современных дискуссий. Евразийская идея.

Информационная революция и освоение виртуального пространства. Информационная парадигма и ее значение в формировании современной геополитики. Символический капитал культуры в информационной борьбе за пространство. Новые информационные параметры международной безопасности и их оценка в современной геополитике.

А.С.Панарин: Геополитика – это разновидность внешней политики, определяемая территориальной близостью партнёров (соперников) и создающая поле сопряжения между интересами сопредельных стран. Наука геополитики (геополитическая теория) исследует связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками тех или иных регионов мира. *«Для определения понятия региона в его обобщающем, родовом значении вполне достаточно двух признаков – наличие обособленной общности международных отношений («проблемного узла») и ограниченности этой общности рамками определённого географического региона».* (**Высоцкий А.Ф. Регионализм в международно-правовом регулировании. Автореф. докт. дис. Киев, 1986. С. 18**).

Роль геополитики в современном мире резко возросла по ряду причин. Вероятно, стратегическое определение международной политической ситуации даёт нам образ мира, развивающегося от принудительного униформизма старой биополярной модели (униформизма, навязываемого двумя сверхдержавами) к будущей качественно новой интеграции, путь к которой лежит *через промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление.*

Поэтому вместо управляемого из двух центров мира мы видим

усиливающееся и слабо управляемое региональное многообразие. Политическая наука, длительное время сосредоточенная на проблемах универсальной безопасности, определяемой отношениями между двумя мировыми блоками, сегодня ещё не готова ответить на вопрос, как сочетаются универсальная и региональная безопасность. Именно это является одной из важнейших проблем геополитики. Философию политики в этой связи занимает вопрос о природе суперэтнических единств в том или ином регионе земного шара. Что скрепляет вместе различные этносы, каково соотношение сильных (экономических, военно-политических) и тонких социокультурных взаимодействий, вместе образующих единство геополитического поля? Дело в том, что геополитические сдвиги, чреватые серьёзной дестабилизацией, могут происходить значительно раньше военно-политических, определяемых сильными взаимодействиями. Разительный пример – распад СССР. Вероятно, задолго до того, как он стал оформляться юридически, происходили скрытые социокультурные сдвиги, нарушающие единство геополитического поля, каким был СССР.

Часть его регионов обнаружила стремление двинуться навстречу Западу, другая испытывает мощное притяжение мусульманской цивилизации, третья – Тихоокеанского региона.

В этой связи напрашивается вопрос о цивилизационном статусе России. Является ли она периферией западного цивилизационного центра, самостоятельным цивилизационным центром (не вполне оформившимся, «молодым» в долгосрочном историческом масштабе) или временным (в данном масштабе) равновесием западно-восточных мировых цивилизационных центров, которое как раз сегодня кончается?

При попытках ответа желательно воздержаться от модернистского искушения, связанного с ожиданием скорого наступления «нового мира», в корне отличающегося от всех предыдущих. Надо сказать, что геополитика объективно является, пожалуй, одной из наиболее консервативных отраслей политического знания. Она исходит из того, что геополитические структуры и интересы представляют собой своего рода инварианты, которые во многом сохра-

няют свою природу даже при радикальной смене политического режима на данной территории.

Советский Союз разительно отличался от императорской России и менее всего заботился об исторической и социокультурной преемственности. Тем не менее анализ его неконъюнктурных геополитических устремлений на Западе и Востоке, Севере и Юге свидетельствует о поразительной устойчивости «инвариантов» евразийской геополитики. Сегодня в различных регионах СНГ наблюдается стремление прорваться в постиндустриальное общество в обход России, путём форсирования прямых контактов со странами Запада, с Японией, с Ближним Востоком и Турцией. Однако опыт показывает, что в геополитических полях отсутствуют объёмные вакуумы, предназначенные для размещения пришельцев извне. Геополитическое поле защищено системой явного или неявного протекционизма – иначе оно не было бы особым «полем», а мир представлял бы собой аморфную сумму государств, мозаика которых не образует устойчивых конфигураций. Наряду с регионами, единство которых носит институтированный характер (ЕС, АСЕАН и т.п.), существуют регионы, скреплённые более тонкими социокультурными связями, в том числе конфессиональными. Единство исторических, религиозных, лексических систем и традиций порою оказывается более трудным барьером для стран – «прозелитов», чем стандарты, устанавливаемые организационным уставом или различного рода квотами. Современная теория геополитики пытается преодолеть редукционизм в понимании природы тех или иных «единств пространств». Единство может носить явно выраженный и долгосрочный характер, даже не будучи закреплённым на межгосударственном или региональном уровне теми или иными официальными соглашениями. Примером в этом контексте могут послужить отношения России и Сербии – устойчивого в историческом плане тяготения, которое нельзя свести ни к экономическому, ни к идеологическому, ни к политико-правовому (договорному). В геополитике, как и в политической антропологии и культурологии, большое значение имеют неформальные структуры. Между ними и формальными могут устанавливаться отношения соответствия,

дополнительности или альтернативности. Необходимо упомянуть о законах неэквивалентного межкультурного обмена, предопределяющих противостояние культур-доноров, поставляющих информацию, а вместе с нею – определенные ценности и нормы, и культур-реципиентов, больше впитывающих чужую информацию, чем предъявляющих свою.

Государства, представляющие первую разновидность, как правило, ратуют за фритридерскую политику «открытых пространств», тогда как представители второй разновидности нередко вынуждены компенсировать свою слабость на рынке культурного обмена протекционистскими мерами, идеологическим контролем, более закрытым типом общественной организации. Это ведёт к целому ряду последствий, часто наблюдаемых в геополитике. Именно: более слабые ведут себя порою и более агрессивно; для них геополитика – средство компенсировать свою социокультурную слабость мерами изоляционизма, блоковой региональной политики (которая объединяет слабых против сильного) и т.п.

Таким образом, для одних стран геополитика является средством реализации и закрепления их социокультурных преимуществ в качестве центров притяжения для своих менее развитых и благополучных соседей; для других она – средство компенсации своих слабостей перед лицом культуры гегемона, что нередко влечёт за собой политику «жёсткого стиля», изоляционистски-оборонительного или даже агрессивно наступательного характера (что, например, продемонстрировал бедный Ирак по отношению к процветающему Кувейту).

Агрессивность слабых – один из парадоксов геополитики, который еще недостаточно осмыслен в современной политической литературе. Между тем, в связи с переходом от прежнего биполярного и в целом более жёстко управляемого мира к современному полицентричному, действие этого парадокса, в том числе и в границах СНГ, будет возрастать. Так, «чеченский феномен» включает, наряду с перипетиями конкретного политического процесса, не свободного от необдуманных политических решений с обеих сторон (России и Чечни), проявление общей закономерности указанного типа.

По мнению А.С.Панарина, важнейшими проблемами российской геополитики являются две, касающиеся: отношения российского федерализма с регионализмом в масштабах СНГ и отношения этих двух уровней с глобальным цивилизационным уровнем.

3. Философия политического времени: хронополитика

Развитие представлений о времени в истории философии. Философское понятие времени. Физическое и политическое время. Движение политического времени. Особенности политической памяти, её пределы. Время, события и история. Модели понимания истории и интерпретации Политического. Определение политического времени: хронос и кайрос. В поисках шкалы политического времени: линейность и цикличность. Плюрализм типов линейного времени. Черты, признаки, характерные для линейного времени. Циклическое время.

Эсхатологизм и финализм в политической философии. Проблема «конца истории». Прерывность и непрерывность политического времени. Неравномерность временных параметров политических изменений. Временная последовательность и детерминация. Революционный и реформистский подходы к политическому времени (К. Маркс, В. Ленин, Э. Бернштейн, К. Поппер). Структурирование времени (стадиальный подход, идея «осевого времени» К. Ясперса).

Универсалистский (евроцентристско-стадиальный) и цивилизационный подходы к пониманию природы политического времени. Глобализация и сжатие современного политического времени. Миф ускоренного политического времени: иллюзии и катастрофы. Время политики и время культуры: совпадения и различия в ориентации и перспективе. Политическое время Востока и политическое время Запада. Проблема современности и ускоренного политического времени. Информационная революция и изменения структуры и качества политического времени. Предельное ускорение политического времени в сетевых структурах и феномен «исчезновения» политического времени. Стирание исторических; социокультурных и сакральных координат виртуального времени. Виртуальное время как фактор человеческой деструктивности. Нравственный импера-

тив в виртуальном политическом измерении. Хронополитические процессы в современной **Р. Молдова**.

А.С. Панарин: 1. Плюрализм типов социального времени. Пожалуй, центральной временной дихотомией современного мира является различие линейного и циклического типов социального времени.

Уникальность западного типа цивилизации проявилась в том, что ей впервые удалось вырваться за рамки циклического, вращающегося по кругу времени и освоить линейно-кумулятивный тип времени. Парадокс состоит в том, что драматическая насыщенность «восточного времени» разного рода событиями: войнами и завоеваниями, захватом и разрушением одних государств и возвышением других, возникновением новых религий и массовых движений, геополитическими сдвигами на Востоке не ниже, а значительно выше, чем на Западе. Дело, однако, в том, что вся эта драматургия развёртывается в рамках господствующего перераспределительного принципа. Этот принцип означает, что историческое время здесь представляет собой перетасовку карт из одной и той же колоды. Общественный процесс выступает как игра с нулевой суммой: изъятие у одних для возвышения других. И поскольку совокупный общественный потенциал в этой системе «стабильного способа производства» практически не растёт или растёт крайне медленно, то энергия социального возвышения (одних) примерно равна энергии социального падения (опустошения) в отношении других. Достигнув точки абсолютного упора, маятник истории поворачивается в противоположном направлении. И не случайно восточные государства нередко так велики – на Западе только США составляют единственное исключение «сверхдержавы». В условиях господства перераспределительного принципа государство может расширить время своей жизни только расширив пространство экстенсивно используемых и без конца перераспределяемых ресурсов.

Запад представляет уникальный тип земной цивилизации, которой в каких-то существенных аспектах жизни удалось вырваться из плена циклического времени и войти в линейное, кумулятивное. Институты западной цивилизации являются своего рода линзой,

фокусирующей добываемую в обществе информацию таким образом, что она становится источником преобразующих технологий, промышленных и социальных. Современной общественной науке ещё не до конца известна природа этой линзы. Но, во всяком случае, ряд базовых моментов не вызывает сомнения. **Первым надо назвать логический дискурс** — рациональное логическое мышление, законы которого были открыты греками. Логический дискурс в каких-то существенных моментах альтернативен слепым коллективным верованиям. С помощью логики личность может отстоять и доказать свою индивидуальную правоту вопреки мнению большинства. Логика позволяет индивиду как бы «вынести за скобки» коллективные верования и мифы, и остаться «один на один» с реальностью. Это вовсе не ставит под сомнение общественную природу человеческого мышления и познания; но логика есть такой способ мышления, когда между общающимися индивидами помещается некоторое посредническое звено — объект, свойства которого не зависят от обоюдных симпатий или антипатий, а существуют сами по себе. Законы тождества ($A = A$), достаточного основания (если A , то B), исключённого третьего (A или не $-A$) бросили вызов мифологическому произволу первобытного мышления.

Второй из кристаллов, образующих фокусирующую линзу Запада, связан с иудео-христианским монотеизмом. Вместо природы, полной богов, появляется один Бог, командующий порядком вещей извне — из горних далей — и отдавший природу в услужение человеку. Природа, выкупленная у старых богов и отданная человеку, стала быстро превращаться в средство, в кладёзь богатств и орудий труда. Так создавались глубокие социокультурные предпосылки инструментального отношения к миру. Информация, относящаяся к области средств, стала отделяться от информации, относящейся к сфере ценностей; появился особый, орудийный мир. Собственно, специфика Запада состоит в этом скрупулёзном отделении инструментальных средств от ценностей и опережающем приращении инструментальной информации по сравнению с информацией ценностной. Прежние культуры умели создавать непревзойдённые шедевры, относящиеся к ценностному миру, но

они не владели тайной отделения мира ценностей от мира ценностно-нейтральных средств, от орудийной сферы. **Следующее завоевание Запада касается формирования автономной личности**, душа которой не принадлежит целиком коллективу, не растворяется в нем, а способна через его голову адресоваться к горним сферам. Именно здесь было заложено начало отделения интенсивного от экстенсивного, сотворённого нового от воспроизведения известного, традиционного. Стал обособливаться труд творческий, создающий нечто небывалое, от труда коллективного, «тиражирующего». Тиражирующий коллективный труд репродуктивен – он перераспределяет ресурсы и даёт комбинации уже наличного, известного. Творческий труд продуктивен, он создаёт то, чего не было. (Вероятно, с их различием связано введенное Кантом различие между гением, творящим в искусстве, и талантом, работающим в науке. Талант действует в сфере трансцендентального – априорных коллективных норм, гений черпает вдохновение из сферы трансцендентного.) С позиций тиражирующего труда любые ресурсы являются исчерпаемыми и потому любому обществу грозит перенаселение, если не будут освоены новые пространства. С позиций творческого труда проблема состоит не в том, чтобы добыть уже известные ресурсы из нового пространства, а в том, чтобы извлечь качественно новые ресурсы, пребывая в том же пространстве, С позиций мотыжного земледелия Земля уже была перенаселена к началу неолитической эпохи. С позиций современных аграрных технологий для того, чтобы прокормить все человечество, достаточно 5-7% обрабатываемых нами земель земного шара.

Говоря о линейном времени, мы имеем в виду долговременные кумулятивные процессы, фиксируемые статистикой, относящейся, в частности, к росту средней продолжительности жизни, производительности труда, национального дохода на душу населения. На Западе вспыхивали войны и революции, рушились режимы, менялись нравы, но вот уже в течение двухсот пятидесяти лет медленно, но неуклонно, из поколения в поколение растут соответствующие показатели. Следовательно, экономические и демографические процессы в значительной мере вырвались за рамки циклического

времени, все — возвращающего на круги своя, и вошли в новое, линейное время. Это не **перераспределительное, а продуктивное время**. Значительная часть общественных процессов и на Западе по-прежнему пребывает в циклическом времени; внутри самого линейного времени хранятся следы циклического, например, в виде экономических или поколенческих циклов, либо непредвиденных «откатов назад» в отдельных сферах жизни. Но остаётся фактом, что непрерывные кумулятивные процессы в ряде сфер жизнедеятельности в целом придают им линейный характер. Многие политические институты Запада и механизмы его общественной жизни можно рассматривать как антиэнтропийные, препятствующие возвращению общества из линейного времени в циклическое. Так, например, существует относящееся к этому правило: чем полнее система партийно-политического представительства, охватывающая все группы интересов, чем шире круг участников процесса принятия решений, тем выше вероятность того, что решения окажутся необратимыми: не найдётся группы, требующей в будущем их пересмотра на противоположных началах. Напротив, авторитарные режимы, ригидные общественные структуры, защищающие монополию одних групп в ущерб другим, то и дело оказываются отброшенными в циклическое время: через определенные промежутки кажущегося вечным застоя наступает внезапный взрыв, и победа, которая казалась «полной и окончательной», вдруг сменяется поражением, новым переворотом, новой монополией — и так до нового взрыва.

Гибкость общественных структур и открытость системы, допускающей непрерывные мелкие изменения, являются гарантией от взрывов циклического времени, сменяющего застои неожиданными катастрофами.

В целом следует отметить растущую ценность линейного времени: эволюции, связанные с непрерывными кумулятивными эффектами, предпочтительнее революций, часто являющихся, как показывает опыт, фазами циклического времени, потрясающего общество и делающего жизнь непредсказуемой,

В этом смысле линейное время является «образцовым» и эволю-

цию многих общественных институтов современности можно оценить как движение в сторону линейного времени.

Но высшим гарантом линейного времени является творчество: там, где общественная жизнь лишена творчества, там ресурсный потенциал скоро оказывается исчерпанным, что означает приближение «попятной фазы» цикла: возврат старых запретов или реванш старых групп, новый виток перераспределительства.

Второй проблемой политической жизни и теории является сбалансированность времени различных общественных процессов, особенно в эпохи модернизаций, когда общество «снимается с якорей» и устремляется навстречу желанному, но остающемуся малопредсказуемому будущему.

В частности, опыт модернизаций в разных странах мира показывает, что наиболее динамичным оказывается время политических преобразований, которые грозят намного опередить экономические преобразования и формирование новой институционно-управленческой системы и инфраструктуры. Поэтому правящие элиты, если им удаётся контролировать процесс, стараются искусственно притормозить политические перемены с тем, чтобы дать обществу и экономике как-то адаптироваться к ним. Медленнее всего течёт время глубинных социокультурных процессов, связанных с изменениями архетипов национального сознания. Поэтому так часто оказывается, что, заимствуя новейшие общественно-политические формы, общество вкладывает в них старое социокультурное содержание,

Традиционного бая заменяет, скажем, секретарь райкома, но черты старой психологии и этики за ним просматриваются.

Если время быстрых процессов оказывается отпущенным на свободу или, тем более, форсируется, тогда как другие процессы, обладающие иной ритмикой, заметно отстают, это грозит, **с одной стороны, полной разбалансированностью потоков времени и дестабилизацией общества, а с другой стороны – начинкой новых форм старым содержанием, относящимся к сферам замедленной временной динамики.**

То и другое мы сегодня имеем на постсоветском пространстве,

где преобразования в идеологической сфере заметно опередили собственно политические, а последние намного превысили своим динамизмом темпы экономических преобразований и перемен, относящихся к долговременным установкам и архетипам национальной политической культуры.

Одной из важнейших **временных дисгармоний**, непосредственно влияющих на политический процесс, является разрыв между темпами роста притязаний различных групп населения и приращением их реальных социально-экономических возможностей, а также общими перспективами «вертикальной» социальной мобильности, имеющейся в обществе. В силу неравномерности развития современного мира и каждого общества в отдельности выделяются группы, вырвавшиеся вперёд и задающие общие стандарты жизни. Поскольку в современном массовом обществе традиционные сословные перегородки отсутствуют, а групповые – ослаблены, то действует закон социальной имитации: стандарты жизни наиболее продвинутых групп активно перенимаются остальными. Социальное самочувствие каждой группы определяется уже сравнением не ее настоящего положения с прошлым, а с «впереди идущими группами». В результате время притязаний оказывается неоправданно динамичным. При этом наиболее престижные группы, задающие общий социокультурный «тон» и стандарты потребления, оказываются наиболее поглощёнными настоящим временем. Они – носители особого, «срединного» времени, далёкого как от варварских стихий начала истории, так и от революционных стихий ее ожидаемого конца, знаменующего восхождение в земной рай утопии.

«Срединное» время по некоторым показателям наиболее сродни линейному времени. Опыт революционных эпох, наэлектризованных экзальтированными ожиданиями светлого будущего, призванного положить конец всем социальным несправедливостям и все поменять местами, показывает, как легко в эти времена соскользнуть в нигилизм отложенных на завтра обязательств, как часто люди пренебрегают нормами общежития в надежде, что «светлое будущее» все равно вскоре их отменит или что ими сле-

дует «временно пожертвовать» для его приближения. Чудовищное разрушение и опустошение повседневности, третируемой «революционным авангардом» вместе с «презренной» теорией малых дел, отвлекающей от «эпохальных свершений», привели к тому, что разрыв между «аванпостами прогресса» (космической эпопеей, прорывами в отдельных сферах производства и социальной жизни) и повседневной жизнью «маленького человека» достиг нетерпимой величины. Возник феномен «отчуждённого прогресса», пренебрегающего повседневными запросами рядовых людей, требованиями личного благополучия. Этот прогресс, достигнутый за счёт предельной деградации повседневности, разрушения природы и человека, оказывается тем самым отступлением из линейного в цикличное время, чреватое бумерангом возвратных эффектов. И только в тех обществах, где созидательная работа не отрывалась от «срединного времени», не откладывалась на потом до прихода «светлого будущего», общественная эволюция оказалась ближе к линейному времени. Такова, в частности, линия развития протестантских стран Северной Европы, Скандинавии. Северной Америки.

В какое же время помещают себя группы, не принадлежащие к ведущим? Здесь наблюдается многозначительная дифференциация.

Группы, не чувствующие непреодолимой ту дистанцию, которая отделяет их от ведущих групп, помещают себя в мобилизующее ускоренное время. Так, например, женщины в настоящее время успешнее мужчин овладевают высшим образованием — сказывается мобилизующий эффект ускоренного времени, призванного устранить или сократить социальную дистанцию с мужчинами. Так, некоторые этнические группы быстрее овладевают «модными профессиями», ибо чувствуют себя способными наверстать упущенное, сократить унаследованное от прошлого отставание.

Подобного рода эффекты ускоренного времени мы наблюдаем в деятельности молодёжи, которая стремится поскорее овладеть вершинами, сократить время заниженного статуса. Вероятно, такие же процессы ускоренного (мобилизационного) времени мы видим в обществах, отстающих в прошлом и стремящихся побыстрее

взять реванш. Ускоренное время связано с азартом творческого соперничества, нередко контрастирующего с известным социальным флегматизмом групп, уже добившихся своего.

Вероятно, эти различия временной ритмики различных обществ или социальных групп порождают долговременную историческую тенденцию к выравниванию уровней социального развития. Однако порою наблюдаются и иные тенденции. Бывают случаи, когда те или иные группы, длительно пребывающие в роли общественных изгоев, пасынков истории, не чувствуют в себе сил настигнуть далеко вырвавшихся вперёд. В этих условиях нередко формируется психология изгойской зависти; этому сопутствует становление так называемого эсхатологического времени. Угрюмые пасынки прогресса с мрачной иронией наблюдают цветение окружающей социальной жизни — оно не для них. Их упования обретают эсхатологический характер: они рассчитывают на скорую гибель «этого несправедливого мира» (строю, общества, цивилизации). Как видим, конец мира пугает не всех: встречаются такие состояния коллективной психологии, когда действует принцип; «чем хуже, тем лучше», — чем невыносимее общественные условия, тем ближе социальный взрыв и всеобщий обвал. В какой-то мере эта социальная диалектика эсхатологического мира близка христианской морали, обещающей утешение на дне отчаяния.

Эсхатологическое время представляет крайний случай отклонения от благополучного линейного времени и таит в себе неисчислимые опасности для общества, Чем более массовые слои захватывает чувство эсхатологического времени, тем ниже потенциал конструктивных общественных реформ, тем разнузданнее массовый нигилизм людей, которые полагают, что им нечего терять. При этом группы, отдавшиеся эсхатологическим упованиям, теряют больше всего: со временем, когда разрушенный порядок восстанавливается, обнаруживается, что больше всего потеряли экзальтированные революционеры, с презрением относившиеся к повседневным обретениям ввиду будущих «решающих преимуществ». Нередко оказывается, что в то время, когда они «штурмовали небо», другие учились, обретали квалификацию, копили какое-то добро, понемногу инвестировали в свое будущее. Наступление эво-

люционного линейного времени снимает пелену эсхатологических мифов, и люди, отдавшие утопии «разрыва времён», чувствуют себя отброшенными на исходные или даже худшие позиции и явно не приспособленными к новому времени.

Таким во многом, по мнению А.С.Панарина, оказался XX век для России: попытка эсхатологического прорыва в светлое будущее через разрушение старого мира обернулась неслыханной потерей времени, невиданным социальным расточительством. Но это — урок и для правящих элит и привилегированных групп, Отказываясь от своевременных уступок низам социальной лестницы, они рискуют ускорить приход эсхатологического времени, способного похищать линейное время медленного и неуклонного развития. Группы, более срастившиеся с лучшим типом времени — линейным, должны делать все, чтобы его сохранить; а это возможно только посредством перехода ко все более гибким и открытым, мягко эволюционирующим общественным формам, никого не лишаящим своего шанса,

2. Социальные конфликты по перераспределению бюджета времени. То, что социальные группы конфликтуют между собой по поводу распределения и перераспределения национального бюджета времени (времени труда и досуга, времени учёбы и времени выхода на пенсию и т.п.), не вызывает никакого сомнения. Теоретическая трудность состоит в установлении общего исторического смысла этих конфликтов, в частности его связи с законом экономии времени. Можно по-разному интерпретировать этот закон. Марксистская политэкономическая интерпретация связывает его с экономией живого труда — изменением соотношения между живым и накопленным трудом; социологическая интерпретация сводится, в основном, к изменению соотношения между рабочим и свободным временем (в пользу последнего); культурологическая интерпретация — к изменению между творческим трудом и «тиражирующим»; цивилизационная — понимает его как заимствование отстающими обществами готовых достижений более развитых обществ, за счёт чего экономится общее историческое время для прогрессивных сдвигов и перемен. (См.: **Панарин А.С. Философия политики. — М.: Новая школа, 1996. С.73-82).**

Тема 5. Политическая эпистемология: специфика познания мира политики

Вопросы:

- 1. Политическая эпистемология: понятие, общий обзор проблемы и подходы.*
- 2. Рационализм и иррационализм в политической эпистемологии.*
- 3. Переход к постклассическим методам исследования в философии политики под воздействием современной информационной революции.*

1. Политическая эпистемология: понятие, общий обзор проблемы и подходы. Политическая эпистемология анализирует особенности познания политической реальности, (исследует классические и постклассические модели политического знания, возможности различных политических парадигм (патриархальная парадигма, модернистская парадигма и т.д.) (И. Панарин). Природа и пределы политического знания. Мир политического в контексте проблемы познаваемости. Специфический характер политического познания. Онтологическая специфика мира политического и ее воздействие на характер политического познания. Субъект политического познания. Включенность субъекта политического познания в его объект. Воздействие субъекта политического познания на объект и невозможность «независимого наблюдателя». Универсализм и номинализм в познании политических процессов и явлений. Политическая эпистемология объективного и субъективного в познании. Понимание политического интереса в свете философского анализа соотносимости субъективного и объективного начала». Мотивы, предопределяющие участие человека в политической жизни. Сводимость интересов как условие консолидации общества. Факторы, определяющие наличие возможности сводимости интересов. Реформы и сводимость интересов. Внутренняя политика государственной власти в спектре ее взаимоотношений с обществом. Противоречия объективного и субъективного восприятия политики. Наличие зависимости или относительной независи-

мости политического сознания от объективных условий. Проблема превалирования в субъективном качества научности. Научность как снятие противоречия между объективностью и субъективностью. Субъективизм и волюнтаризм как абсолютизация субъективно мыслимого понимания объективного, как игнорирование или искажение реального политического бытия, причины этого.

Ценностные координаты политической эпистемологии. Классовая теория политического познания (марксизм-ленинизм). Соотношение науки и идеологии в теории **Э. Бернштейна**. Проблема «свободы от оценки» в концепции социального познания **М. Вебера**. Критический рационализм **К. Поппера**. Сущностная оспариваемость политических понятий. Политическое познание как отношение к политическим ценностям. Позитивистский подход к политической науке как попытка освободить политическое знание от аксиологического аспекта. Возможности и пределы освобождения политических наук от оценки.

Политическое познание как интерпретация политических явлений в политико-аксиологическом контексте. Понятия истины и политической истины. Соотношение истины и ценностей в политическом познании. Проблема истинности, ложности, ошибочности политических норм, ценностей и суждений. Проблема относительной и абсолютной истины в политике. Относительная истинность политологического знания. Политическое знание и политическая интуиция. Понятие политической картины мира. Принцип историзма в политическом познании и его критика. Ограниченность возможностей политического прогнозирования. Развитие политического знания с точки зрения теорий роста научного знания, метода предположений и опровержений и фальсификационизма **К. Поппера**, исследовательских программ **И. Лакатоса**, концепции научных революций **Т. Куна**. Понятие общественно-политической и политико-научной парадигмы.

Методология как способ организации познавательного процесса. Историческое разнообразие традиций и современных форм методологии политического познания. Рационалистическая и позитивистская традиции в формировании политологической методологии.

Диалектическая методология **Г. Гегеля** и **К. Маркса**. Методология социальных наук **М. Вебера**. Структуралистская и психоаналитическая методологии. Проблема возможности существования универсальной методологии политического познания. Методологический анархизм **П. Фейерабенда**. Эмпирические и теоретические, исторические и логические компоненты политологических исследований. Политологическая теория и политологическая гипотеза. Аргумент и доказательство в политическом знании.

2. Рационализм и иррационализм в политической эпистемологии

Типы рационализма: метафизический и научный рационализм. Философско-методологические аспекты понимания роли рационального в сфере политики. Политическая эпистемология о рациональности, научности, сциентизме. Возможность рационального понимания политики: политика как взаимодействие рационально-ориентированных индивидов; Политическая эпистемология классического рационализма: аксиоматический метод (**Б. Спиноза**), эмпирико-индуктивный метод (**Т. Гоббс**). Особенности рационализма философов Просвещения (**Дж. Локк**, **Ш.Л. Монтескье**) и классиков немецкой философии (**И. Кант**, **И.Г. Фихте**, **Г.В.Ф. Гегель**, **Ф. Фейербах**). Политическая эпистемология классического позитивизма (**О. Конт**, **Г. Спенсер**): понимание законов природы и причинности, учение о структуре научного знания. Политическая эпистемология в школе «субъективной социологии» (**Н.К. Михайловский**). Политическая эпистемология марксизма: диалектический метод, трактовка практики как ориентации политического мышления. Критика сциентизма.

Антинаука и политика. Содержание понятия «иррациональность». Относительный характер познания политического бытия и иррациональность. Причины наличия иррационального в политике. Типология иррациональных подходов к политике: теологическое понимание политики; политика как сфера непознаваемого; политика как осуществление воли — политика как эмоционально-волевое взаимодействие; политическая реальность и сфера подсознательного; политика как сфера сакрального. Соотношение между

рациональным и иррациональным в политике. Определённость, неопределённость и их обусловленность. Стереотипы восприятия политического бытия. Догматизм как игнорирование наличия области иррационального. Иррациональное как резерв, ресурс для развития рационального. Проблема познания иррационального в политике – условия расширения области рационального знания. Реальное бытие современной политики в свете понимания рационального и иррационального.

Иррационалистические элементы в эпистемологии постпозитивизма и постмодернизма. Постпозитивистская политическая эпистемология: размышления **Ф. Хайека** о «самонадеянности разума». Постмодернистская политическая эпистемология: языковая природа политической реальности, понятия дискурса, деконструкции. Классический иррационализм поздней античности и Средневековья и политическая эпистемология. Иррационализм в политической эпистемологии в экзистенциализме, философии жизни и в традиционализме Новейшего времени.

3. Переход к постклассическим методам исследования в философии политики под воздействием современной информационной революции. Появление нетрадиционных субъектов политики и неэффективность классических методов исследования – институционального анализа, системного, структурно-функционального и бихевиористского подходов в новой постклассической картине мира. Стратегическая нестабильность, нелинейность, виртуальность и конфликтность постклассической картины мира и разработка новых методологических концептов исследования этих процессов.

Изучение посттрадиционных политических акторов с нестандартными формами политического поведения и переход к «мягкому» политическому мышлению, гибким политическим технологиям, рассчитанным на многомерность и пластичность объектов. Главная проблема постклассической методологии – поиск новых механизмов исследования процесса самоорганизации сложных, нелинейных, стохастических процессов постклассического мира политики.

Синергетическая парадигма в информационном обществе: новые возможности понимания мира политики. Синергетика – наука о самоорганизации сложных систем. Применение синергетического метода в политологии: преимущественное внимание к исследованию сложных механизмов самоорганизации политической жизни. Эвристическое значение синергетики – объяснение бифуркационного, взрывоопасного, нестабильного характера современного политического развития.

Синергетическая методология и развитие принципиально нового типа рациональности – нелинейного мышления или синергетической рациональности. Политическое развитие как нелинейный процесс, в котором периоды стабильного развития – аттракторы – сменяются зонами бифуркации или кризисов. Точка бифуркации как момент истины в политике. Фундаментальная роль случайностей в режиме бифуркации – важная отличительная особенность синергетической парадигмы политического развития. Регулируемые параметры развития как ключевой фактор синергетики. Высокий эвристический потенциал синергетической методологии в процессе разработки стратегии политических реформ.

Герменевтика как постклассический метод исследования: проблемы политической интерпретации. Процесс глобализации и проблема интерпретации ценностей и традиций разных политических культур. Герменевтический метод в диалоге цивилизаций. Основные правила и традиции политической герменевтики. Герменевтический круг и проблема понимания.

Искусство политического диалога как искусство интерпретации. Диалог как способ обретения единства в глобальном мире. Понимающее знание как герменевтическое восхождение по ступеням понимания другого. Шесть ступеней понимающего дискурса (В. Розанов). Нерациональная intersubjective логика восточной традиции: эвристические возможности в глобальном диалоге цивилизаций.

Тема 6. Политическая антропология как наука о человеке в политическом

Вопросы:

- 1. Политическая антропология: предмет, история, общий обзор проблемы, принципы и подходы.*
- 2. Человек как субъект и объект политической жизни.*
- 3. Ключевые проблемы политической философии: дилемма свободы и необходимости, отношения личности и коллектива, гуманистическая и антигуманистическая ориентации.*
- 4. Человек политический в информационном обществе: анатомия виртуальной деструктивности.*

1. Политическая антропология: предмет, история, общий обзор проблемы, принципы и подходы. Предмет политической антропологии: *«Политическая антропология – теория человека как политического существа, раскрывающая специфику политического творчества, политических ролей и политической самореализации общественного индивида по сравнению с его деятельностью в других областях социальной жизни».* (И. Панарин). Антропология – универсальная наука о человеке. Политическая антропология – часть антропологической науки, занимающаяся изучением становления и развития механизмов социального контроля и власти. Предмет и объект политической антропологии. Методы политической антропологии. Политическая антропология и другие социальные и гуманитарные науки: взаимосвязь и различия в предмете и методах исследования. Культурная и социальная антропология. Формализм, субстантивизм и марксизм.

Принципиальные отличия политических отношений в индустриальных и неиндустриальных обществах: вещные и личностные отношения, богатство и престиж, товар и дар. Политическая антропология и проблема персонификации политических принципов, их соотнесённости с различными политическими субъектами. Ценностные приоритеты политической антропологии. Эвристические возможности политической антропологии. Теоретические источники

политической антропологии; экзистенциалистско-персоналистская, неотомистская, феноменологическая и структуралистская традиции; теории человеческих отношений и человеческого фактора в управлении. Особенности антропологической парадигмы и её ключевые метафоры: «организм», «целостность», «самоорганизация». Основные принципы политической антропологии: универсализм – общечеловечность; «инвариантность»; субстанциональность как – философско-антропологическое обоснование неотчуждаемых прав человека; принцип личностной автономии и свободы).

История политической антропологии. Истоки политической антропологии. Колониальная экспансия и развитие этнографических исследований. **Г. Спенсер.** «Древнее общество» **Л.-Г. Морган.** «Происхождение семьи...» **Ф. Энгельса.** Становление политантропологической науки. «Африканские политические системы». Основные школы и течения. Функционализм. Структурализм. «*Политическая антропология*» **Ж. Баландье.** Американский неозволюционизм. **Л. Уайт.** **М. Салннз.** Типологии стадий политической интеграции (**Э. Сервис,** **М. Фрид**). «Энергетическая» теория власти **Р. Адамса.** Дискуссия о происхождении государства. Разработка проблем политической антропологии в отечественной науке. Догматический советский марксизм в освещении **Э. Геллнера.** Неомарксистские интерпретации. Три дискуссии об азиатском способе производства в советской историографии. Работы о культуре средних веков **А.Л. Гуревича.** «*Потестарно-политическая этнография*» **Л.Е. Кубея.** Постсоветская антропология.

Политическая антропология и современность. Трансформация политической культуры колониальных обществ. Прямое и косвенное управление. Проблемы модернизации. Ценности западной цивилизации и традиционные общества. Клановые, этнические и конфессиональные основы современной политической системы постколониальных обществ. Значение политической антропологии для понимания культурных и политических процессов в неевропейских цивилизациях. Реформирование постсоциалистических обществ. Демократические процессы и административная власть. Антропологический подход к исследованию политических процес-

сов в странах СНГ. Трайбализм и традиционализм. «Президентская республика». «Восточный» парламентаризм. Конфессиональный фактор.

Развёрнутое раскрытие предмета политической антропологии.

Политическая антропология — одно из ответвлений антропологической науки. В самом широком смысле антропология (от *греч.* антропос — человек) — это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. Первая кафедра социальной антропологии была создана в 1908 г. при Ливерпульском университете **Дж. Фрезером**, хотя реально данная дисциплина сформировалась ещё в XIX в. Интеллектуальным предшественником современной антропологии был философский антропологизм мыслителей XVIII-XIX вв., согласно которому, только исходя из человеческой сущности, можно разработать систему представлений о природе, обществе, познании (**Л. Фейербах, М. Шелер, Ф. Ницше, Н. Чернышевский** и др.). В настоящее время антропологическую науку, как правило, подразделяют на две большие части: *физическую* и *культурную* (или иначе *социальную*) антропологию. Первая изучает физическое строение человеческого тела и антропогенез (т. е. проблему происхождения человека). Вторая представляет собой комплекс самостоятельных дисциплин (археология, лингвистика, фольклористика, этнография и, наконец, собственно культурная или социальная антропология), рассматривающих в целостности культуру того или иного народа.

В самом широком смысле культурная антропология изучает хозяйственный быт, социальные системы, обычаи и идеологические представления архаических народов. Нередко понятия «культурная» и «социальная» антропология рассматривают как синонимы (первый термин используется в основном в США, второй — в странах Западной Европы, особенно в Великобритании). Однако между ними есть некоторая разница. Если британские антропологи рассматривают культуру как составную часть человеческого общества, то их заокеанские коллеги вслед за Л. Уайтом полагают, что социальность присуща не только людям, но и высшим животным. *«Именно культура, а не общество выступает в качестве отличии»*

тельной особенности человека, научное исследование этой особенности должно быть названо скорее культурологией, а не социологией». Поскольку антропологи занимались в основном изучением неевропейских цивилизаций и культур, предметом изучения политической антропологии стали механизмы и институты власти и социального контроля преимущественно в доиндустриальных и посттрадиционных обществах.

С этим согласны большинство специалистов. Так, **Ж. Баландые** полагает, что в задачи политической антропологии входит сравнительное изучение политической организации первобытных и архаических обществ. С ним перекликается **Л.Е. Куббель**, по которому предметом потестарно-политической этнографии являются отношения власти и управления обществом преимущественно в доиндустриальные эпохи.

Схожие определения политической антропологии даются в большинстве западных специальных словарей, энциклопедий и справочников по социокультурной антропологии и политологии. В одном из подобных изданий, воспроизведённых в журнале «*Политические исследования*» (1993, №1), дано следующее определение:

Политическая антропология – изучение институтов управления и соответствующей практики у этнических сообществ, в особенности в примитивных обществах и в обществах с племенным строем. Политическая антропология выясняет связь политического поведения с более широкой групповой культурой и исследует то, какими путями происходит развитие политических институтов и практики.

М. Абеле несколько расширяет предмет политической антропологии. Он считает, что в ее задачи входит «*изучение властных процессов и систем, пронизывающих наши структуры, и способов, в которых проявляются корни и формы политического действия в наших обществах*».

В.В. Бочаров пытается объединить обе точки зрения. По его мнению, первоначально политическая антропология изучала системы властно-управленческих отношений в традиционных обществах. В настоящее же время она должна стать прикладной наукой, направ-

ленной на оптимизацию принимаемых в процессе управленческой деятельности решений в условиях, когда в качестве управляемых выступают полиэтничные субъекты, политическая культура которых густо замешана на традиционном субстрате.

В итоге, можно определить предмет изучения данной дисциплины как *совокупность институтов контроля и власти в доиндустриальных обществах: структура данных институтов и их сравнительная типология, анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблема адаптации, инкорпорации и трансформации традиционных механизмов контроля в современных политических институтах.* Исходя из этого, *политическую антропологию* можно определить как *антропологическую дисциплину, изучающую народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике.* Вместе с тем, между антропологией и историей имеется существенная разница. Политическая антропология не является историей в полном смысле слова. История в «узком смысле» (от английского слова story – рассказ, повесть, новелла) – это наука о событиях, реконструируемых по письменным источникам. Главная цель историка в «узком смысле» – хронологически связать свершившиеся события (факты), воссоздав их общее течение. Задача политантрополога – несколько иная, его интересуют не события сами по себе, а структуры и социально-политические системы. Поэтому если и причислять согласно распространенной в российской науке традиции политическую антропологию к историческим наукам, то это не совсем история, а скорее то, что называют «социальной историей» или «исторической антропологией» (Гуревич 1993). На близость между политической и исторической антропологией указал **Ж. Ле Гофф** в предисловии к современному изданию «Королей-чудотворцев» М. Блока – классической книги по политантропологии западноевропейского средневековья. По мнению Ле Гоффа, это даже единая дисциплина – политическая историческая антропология.

В то же время политическая антропология – это и не совсем этнография. Этнографы имеют дело с живыми информантами, а предметом изучения политической антропологии нередко явля-

ются не только современные архаические и традиционные культуры (тем более что в настоящее время их практически не осталось), но и более древние народы и проблемы их социально-властного устройства, известные по письменным и археологическим данным. С этой точки зрения политантропологом может быть не только этнолог-антрополог, но и в случае необходимости историк и даже археолог.

Вышеизложенное не означает, что политантрополог должен сосредоточить свое внимание на архаическом, традиционном и посттрадиционном господстве и не может заниматься изучением систем власти в современных развитых обществах. Более того, имеется ряд объективных обстоятельств, вследствие которых политантропологи все чаще обращаются к актуальным проблемам наших дней. **Прежде всего** — это исчезновение с этнической карты мира самого объекта традиционных антропологических исследований: к концу XX в. на земном шаре практически не осталось мест, за исключением, быть может, самых глухих уголков Амазонии и Африки, где бы остались существовать культуры, не испытавшие на себе влияния модернизирующейся западной цивилизации.

Во-вторых, проблематика эволюции институтов власти в первобытном строе и изучение процессов возникновения государства все больше и больше становятся чисто академической проблемой. Практически все письменные и этнографические источники уже введены в научный оборот. Нередко основные вопросы кажутся решёнными, что отталкивает от них многих исследователей. Проблема по-прежнему состоит только в создании компаративистских, обобщающих кросскультурных исследований.

В-третьих, большинство научных фондов приоритетно финансируют исследования, посвящённые современности. Однако здесь имеется широкий плацдарм для использования знаний и усилий антропологов. Вопреки опасениям ряда авторитетных антропологов прошлого (**А. Кребер, К. Клакхон, М. Мид**), что их дисциплина обречена стать *«неудобным научным склепом»*, этнические конфликты на Балканах, Кавказе и в ряде иных «горячих» точек мира, развал социалистической системы и реставрация во многих пост-

традиционных странах авторитаристских политических режимов делают эту профессию по-прежнему актуальной и востребованной современным мировым сообществом.

Следовательно, политическая антропология – это дисциплина, которая граничит не только с историей, но и социологией, и политической наукой. Важно выявить соотношение между ними. Социологи и политологи анализируют главным образом сознательные (осознанные) формы поведения людей. Строго говоря, общество является предметом изучения социологии; политические институты и власть – предметом политологии. Исходя из того, что власть является предметом исследования, как политологии, так и политической антропологии, есть соблазн определить политическую антропологию как раздел политологии, специализирующейся на изучении «примитивных» (т. е. первобытных) обществ. В то же время в ряде стран антропологию было принято считать отделом социологии, которая изучает первобытные и традиционные общества (отчасти такое понимание характерно и для современной российской социологии). Даже там, где за антропологией признается самостоятельный статус, подчёркивается ее генетическое родство с социологией. Определяя, в частности, место антропологии в ряду гуманитарных дисциплин, **Толкотт Парсонс** (1902-1979) подчёркивал, что предметом ее изучения являются в основном социальные структуры, символы и процессы «применительно к их культурным условиям», в особенности в отношении к «простейшим» общественным системам.

В такой интерпретации есть определенные основания. Действительно, предметом исследования политологов и социологов являются современные политические системы. Соответствующие структуры и институты прошлого изучаются историками, археологами и антропологами (этнологами). Однако это не единственное отличие антропологии от социологии и политологии. Объектом изучения антропологов становятся не только доиндустриальные и посттрадиционные институты и процессы, но и идеальные символические системы (ритуалы, стереотипы, знаки). Это обусловлено тем, что в обычных объектах антропологического исследования (первобыт-

ных и традиционных структурах) отсутствует (в привычной нам терминологии) деление общества на «базис» и «надстройку», на экономику и культуру, социальную систему и политику. Антрополог пытается обнаружить за осознаваемыми поступками глубинные архетипические пласты коллективной ментальности. Последние, как правило, неосознаваемы и выражены в символической (прежде всего вербальной) форме. Следовательно, *политическая антропология рассматривает структуры и механизмы контроля как некие целостные, нерасчленённые символические системы*. В то же самое время если социолог и политолог рассматривают предмет своего исследования в рамках понятийного аппарата, разработанного на основе изучения западного общества, то антрополог занимается сравнением главным образом незападных обществ и пытается осмыслить и интерпретировать изучаемое явление, в том числе с позиции объекта исследования (**К. Леви-Стросс**).

Важные отличия между антропологией, с одной стороны, и социологией и политологией — с другой, имеются **в методах исследования**. Методы социологии и политологии являются по большей части бихевиористскими, дескриптивными или эмпирическими, количественными (анкетирование, опросы, статистические отчёты и проч.). Они направлены главным образом на анализ обезличенных формальных институтов, процессов поведения индивидов и групп, а также политических отношений (таких как власть, политическая система и др.). Методы политической антропологии (наблюдение, включённое наблюдение, беседа) являются методами этнографии (и схожи с методами этологии). Антрополог больше фиксирует устную и невербальную информацию (речь, жесты, мимика, изображение). В отличие от других социальных наук (экономики, социологии, политологии), работающих преимущественно со статистическим материалом, антрополог большинство информации получает в результате личных контактов с информантами (интервьюирования, неформальных бесед, наблюдения).

Широко распространена точка зрения, что социальная антропология обращает внимание на изучение «малых», «простых» сообществ, тогда как социология ориентирована преимущественно

на исследование больших и сложных общностей. Вот что пишет известный американский социолог Нейл Смелзер: *«В антропологии применяются многие методы, характерные для социологии, но антропологи изучают главным образом небольшие, незападные племенные общества, в то время как социологи исследуют в основном крупные современные общества Европы и Северной Америки».*

(Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. С. 20-21).

Однако это не совсем правильно. Современный политантрополог занимается не только такими традиционными темами, как исследование политических институтов «примитивных» сообществ или проблем происхождения государства, но и может успешно обращаться к изучению механизмов власти и контроля в современных индустриальных обществах. Разница между ним и социологом заключается отчасти в методах исследования (но не только в них, поскольку современные социологи часто используют классические полевые этнографические методы), однако в большей степени в теоретических и в методологических установках. Антрополог всегда нацелен на использование сравнительных данных.

Подведём некоторые итоги. Под давлением современных западных институтов традиционные нормы и ценности, экономические способы производства и формы социальной организации, обычаи и модели семейной жизни, религиозные верования и т. д. если и не исчезают, то сильно трансформируются. По этой причине может показаться, что по мере вытеснения первобытного и традиционного образа жизни исчезает и предмет исследования антропологии. Однако это не так. Во многих постколониальных и развивающихся обществах, а также в обширных пространствах постсоциалистического мира традиционные социальные (например, патрон-клиентные) отношения продолжают играть большую роль; осмысление экономических, социальных и политических процессов в данных обществах обязательно должно учитывать наличие данных отношений. Вместе с тем антропологические подходы имеют большие перспективы и при изучении современности. Их применение по отношению к современным обществам показало свою эффективность. Отсюда появились такие специализированные дисциплины,

как антропология детства, феминистическая антропология, антропология национальных меньшинств и т. д.

С этой точки зрения предмет политической антропологии может быть гораздо шире. Политантрополог, пользуясь антропологическими (этнологическими, этнографическими) методами, может продуктивно изучать механизмы власти и контроля не только в доиндустриальных, но и в современных обществах. Особую ценность его исследованиям придаёт широкое использование сравнительно-исторического метода и возможность понять незападные политические системы изнутри, без навязывания им политологической и социологической терминологии, разработанной на примере цивилизации Запада.

Анализ политической Экзотики примитивных или архаических обществ – для глубокого понимания природы современных политических институтов. Опыт показывает, что вторжение антропологов в сферу интересов политологов и социологов может привести к пересмотру сложившихся стереотипных представлений, выявить новые стороны рассматриваемых явлений. В качестве примера можно привести исследования французского антрополога **Марка Абеле**, посвящённые анализу политических ритуалов и церемониальных символов в современной политической культуре Франции и Европы.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно определить политическую антропологию как дисциплину, которая занимается изучением политического поведения, власти и институтов контроля в их исторической динамике антропологическими (этнографическими) методами. *Политическая антропология – это антропологическая дисциплина, изучающая политическое поведение, политические и властные институты этнографическими методами.*

2. Человек как субъект и объект политической жизни. Человеческое измерение политики. Антропологический аспект политического знания. Аристотель о человеке как политическом животном. Человек как субъект и объект политической жизни. Интересы и потребности человека как факторы политики. Характеристика

человека политического. Наличие несоответствия между экономической самостоятельностью и политической активностью. Мотивации человека политического: политика как призвание и профессия, как цель и средство; самореализующийся человек» как антропологический тип в политике.

Сущность человека политического. Вопрос о природе человека политического в политической антропологии. Спор «максималистов и минималистов» и границы политического. Дискуссия о природе человека политического в Новое время: сенсуалистическая трактовка человека политического в философии Просвещения – права индивида (**Дж. Локк**) и коллективная воля (**Ж.-Ж. Руссо**); вульгарно-материалистические трактовки человека политического (расизм, социал-дарвинизм); диалектико-материалистическое понимание природы человека – марксистский «радикальный» гуманизм; миф о сверхчеловеке **Ф. Ницше**; сциентизм в понимании человека политического: от **О. Конта** до **Ф. Скиннера**; человек политический в философии экзистенциализма. Преодоление отчуждения и овеществления человека, свободное развитие личности через реформы и просвещение как основные политические ценности неомарксизма.

Человек в системе власти. Дифференциация социокультурных типов в системе власти, их проявление в качестве стилей политического руководства и лидерства. Стиль политического руководства, его объективные и субъективные предпосылки. Различные типы классификации стилей политического руководства (англо-американская-поведенческая, континентально-европейско-функционалистская, российская ценностно-морализаторская и др.). Авторитарный и демократический лидеры как антропологические типы, их сравнительная функциональная и социокультурная характеристики. Конформистский тип личности, различные способы его концептуального описания. Нонконформистский тип личности в разных социокультурных измерениях и традициях. Социально-политические методы тестирования перечисленных типов.

Политический человек в неформальных структурах. Формальные и неформальные группы (структуры), их особенности в микро-

и макрополитике. Повышение роли малых неформальных групп в общественно-политической жизни. Личность в политической системе. Противоречия политической социализации. Человек политический во времени: временные стратификации и их отражение в политике. Человек труда (*homo faber*) как социокультурный и политический тип. Человек досуга (*homo ludens*) как социокультурный и политический тип. Человек «третьего времени» в социокультурной, гражданской и политической системах. Человек политический в пространстве: территориальные формы социальной стратификации.

Человек как субъект политического творчества. Харизма как личный дар и ее роль в политике. Основные характеристики харизматической личности. Исследования психологического эффекта символического единения харизматического вождя и толпы. Значение личности и масс в политике: антропологический подход. Феномен социокультурной идентичности. Утверждение идеи уникальности и неповторимости политических форм и традиций разных народов, которые они должны сохранить и сберечь как особую ценность, благодаря исследованиям современных антропологов. Основные уровни и формы социокультурной идентичности. Идентичность как цивилизационный феномен. Идентичность и политическая позиция. Национальный характер как лейтмотив национальной судьбы. Кризис национальной идеи в эпоху прагматизма. Концепции политической культуры в современной политической науке и философии. Позитивистская концепция политической культуры (**О. Конт**). Концепция политической культуры **Г. Алмонда** и **С. Вербы**. Эмпирические исследования политической культуры.

3. Ключевые проблемы политической философии: дилемма свободы и необходимости, отношения личности и коллектива, гуманистическая и антигуманистическая ориентации.

3.1. Дилемма свободы и необходимости в политической философии. Права, интересы и потребности человека как факторы политики. Свобода как политико-гуманитарная ценность. «Древнее» (античное) и «новое» (современное) понимание свободы. Формирование либерального понимания свободы: **Дж. Локк** и **И. Кант**.

Либеральная концепция свободы. Свобода и ответственность. Дискуссия о должном и сущем в понимании свободы: детерминизм **Б. Спинозы**; психологическая трактовка свободы у **Т. Гоббса**; свобода как познанная необходимость (**Г. Гегель**); нормативистские представления о свободе в классическом и современном либерализме (от «Декларации прав человека и гражданина» к неолиберальным концепциям **Ф. Хайека**, **М. Фридмана**). «Свобода через революционное знание и действие» как основополагающий принцип марксистского политико-гуманистического проекта. Ницшеанский, неомарксистский и экзистенциалистский политико-гуманистические проекты. «Бунтующий человек» **А. Камю**. Политическая философия о «парадоксе свободы». Различие новоевропейского понятия *свободы* и понятия *воли* в российской политико-культурной традиции. Проблема институциональных гарантий свободы: проблема соотношения политических и экономических. Свобода и власть. Власть как отчуждённая и превращённая форма свободы. Управление, управленческие технологии, формирование личностной мотивации и потребности во власти.

3.2. Проблема отношений личности и коллектива в политической философии. Мировоззренческие и философские предпосылки систем ценностей в основных идеологиях Нового и Новейшего времени (либерализм, социализм, консерватизм). Аргументы в пользу автономии индивида в анархизме, классическом либерализме и либертарианстве: общее и особенное. Социалистический, либеральный и консервативный варианты коллективизма: мировоззренческие и общефилософские предпосылки.

3.3. Гуманистическая и антигуманистическая ориентации в политической философии. Понятия гуманизма и антигуманизма. Деонтологический гуманизм **И. Канта**: учение о практическом разуме и категорическом императиве; антиномия практического разума. Разумный эгоизм: возможности преодоления антиномии долга и личной заинтересованности. Специфика антигуманизма как этической позиции: тождество антигуманизма и этического нигилизма.

4. Человек политический в информационном обществе: анатомия виртуальной деструктивности. Человек в системе постмодернистской (реляционистской) политической картины мира. Индивид и современные формы социокультурного и политического доминирования. Проблема информационной прозрачности современного общества и государства, скорости и путей преобразования знаково-символического пространства политики, роли индивида в системе современных политических технологий. Мультикультурализм и кризис политической идентичности и самоидентичности индивидов. Влияние виртуальной реальности на формирование менталитета человека политического информационного общества. Разрушительное воздействие информационных технологий: превращение ответственного гражданина в безответственного потребителя. Фланёр, бродяга, турист и игрок как антропологические стратегии информационного общества. Человек потребляющий как «моноцеребральная личность» – человек одного измерения. Культ потребления и разрушение политических качеств современного человека. Индивидуализация как политический феномен. Основная проблема политической антропологии – размывание границ политики. *«Гоббсова проблема»* информационного общества: новый общественный договор в условиях современной «войны всех против всех». Возникает закономерный вопрос: каким образом возможны порядок и стабильность в таком предельно индивидуализированном социуме, где каждый преследует только личную выгоду? Когда-то на заре Нового времени эту проблему в философии политики поставил **Томас Гоббс**. Его концепция «общественного договора» исходит из того, что изолированные индивиды, каждый из которых вёл *«Войну всех против всех»*, вынуждены были под страхом самоуничтожения заключить договор. Основой их солидарности стал страх за свою жизнь: именно страх выступил источником договора об общественном мире. Так родилось политическое решение проблемы – страх был перенесён внутрь государственной конструкции: отныне только государство стало обладать правом на легитимное насилие против тех, кто нарушает общественный порядок.

В современном мире все риски носят транснациональный характер, провоцируя тем самым транснациональный характер политических конфликтов и транснациональное поле политической борьбы, где современный индивидуалист вновь ведёт войну «всех против всех». Терроризм, миграционные потоки, наркотрафик, экологические проблемы — все эти конфликты имеют глобальный характер и не могут быть решены национальными правительствами. Однако международные организации — ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ — оказались не готовыми предложить конструктивные решения глобальных проблем, расписавшись в своей беспомощности остановить новые глобальные конфликты. В этих условиях возник опасный разрыв между неэффективной системой международного права и эффективным лозунгом «Прав человека», который был превращён в новый боевой клич силовой международной политики. Носители прав человека — это изолированные индивиды, независимо от их социальной и национальной принадлежности. Носители международного права — конкретные государства, и почти в каждом из них есть какие-то меньшинства, способные заявить о том, что с ними обращаются не должным образом. Бомбардировки Югославии, Афганистана, Ирака — это защита прав человека и одновременно грубое нарушение международного права. Сегодня вопрос о новом глобальном «общественном договоре» — это вопрос войны и мира. Нормы международного права должны вновь стать эффективным инструментом международной политики. Однако это может произойти только в том случае, если политики услышат, наконец, мнение антропологов по поводу Декларации прав человека и гражданина.

В самом начале образования Организации Объединённых Наций известный антрополог **М. Герскович** и группа учёных Американской антропологической ассоциации выступили с меморандумом. Они заявили, что стандарты и ценности имеют специфический характер в разных культурах и поэтому всякие попытки сформулировать права человека исходя из морального кодекса только одной культуры и распространить их на все человечество недопустимы: *«В основу декларации должны быть положены общемировые стандарты свободы и справедливости, базирующиеся на*

принципе, согласно которому ... человек свободен только в том случае если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе». Известно, что мнение Герсковича и его коллег не было принято во внимания, и вот уже более полувека в основе Декларации прав человека находится универсалистская концепция, декларирующая постулаты морального кодекса только одной западной культуры. Не удивительно, что в незападных странах эта Декларация все чаще характеризуется как «империализм прав человека». Современное международное право должно уйти, наконец, от жёстких технологий навязывания единых универсальных норм и правил политической игры и освоить новые -«мягкие» технологии понимания и интерпретации ценностей разных политических культур.

Тема 7. Политическая прaksiология как теория политического Действия

Вопросы:

- 1. Политическая прaksiология: предмет, история, общий обзор проблемы и подходы.*
- 2. Информационная революция и виртуальное политическое действие*

1. Политическая прaksiология: предмет, история, общий обзор проблемы и подходы. Понятие праксиса. Подходы к анализу практики в политической мысли и философии Нового и Новейшего времени. Специфика понимания практики в религиозных и секулярных концепциях политики. Технократический подход к политической практике. Реализм как ориентация политической прakseологии. **Этицизм как парадигма политической прakseологии.**

Предмет политической прaksiологии: *Политическая прaksiология выявляет внутреннюю структуру и внешние условия и границы политического действия. (И. Панарин).* Определение политического действия. Политическое действие как традиция и новация. Политическое действие как самоорганизующаяся система, особен-

ность которой состоит в символичности, нормативности и волюнтаристичности. Детерминации политического действия со стороны политической культуры, политических ценностей и традиций, духа политического сообщества и этоса культуры.

Политическая традиция и сакральная связь времён. Две модели развития политической традиции: экстраполяция и интерпретация. Механизм экстраполяции как перенесение сложившихся образцов и ценностей на новые политические ситуации, новые отношения и сферы политической жизни. Модель интерпретации как творческое переосмысление традиции в новых политических условиях.

Новая модель модернизации через реинтерпретацию национальной традиции. Позитивный опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона, провозгласивших эпоху культуры как основу модернизации. Эвристическое значение русского традиционализма.

Рациональность по ценности как высший тип рациональности в политике.

Деятельностный подход к пониманию механизмов воспроизводства и изменения политической реальности. Предпосылки, формы и уровни политической деятельности. Реифицированное *политическое* как основание и среда политической деятельности индивидов. Политический габитус индивида. Доктринально-идеологические предпосылки деятельности политического целерационального субъекта. Политические акторы. Стратегии дорефлексивного политического поведения. Политические изменения как цель и результат политической деятельности. Формы политических изменений. Проблема возможности политической инженерии в обществе. Парадоксальные эффекты рациональной конструирующей политической деятельности.

В классической картине политического мира политическое действие субъектов политики разворачивается как традиционный или модернизированный ответ на вызовы политического времени. Классическое политическое действие ещё не опосредовано виртуальным политическим пространством и временем, не искажено политическими технологиями, и поэтому его описание на языке политической философии наиболее полно нашло отражение в тео-

рии систем. Не случайно именно Т. Парсонс — признанный корифей структурно-функциональной методологии, дал одно из лучших определений: политическое действие — это самоорганизующаяся система, особенность которой состоит в **символичности** (символические механизмы регуляции — язык, культура); в **нормативности** (зависимость индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм); в **волюнтаристичности** (способность индивида, независимо от условий среды, самому определять действие, исходя из своей субъективной оценки ситуации) (**Парсонс Т. Социология сегодня. М., 1975. С. 21-22**).

Политические действия классических субъектов политики — политических лидеров и партий, отдельных политических авторов и политических классов — испытывают сильные детерминации со стороны политической культуры. Эти действия зависят от политических ценностей и традиций, духа политического сообщества и этоса культуры. При этом под этосом культуры обычно подразумевают моральные и эстетические аспекты культурного мира — оценочные элементы, моральный, эстетический вкус и стиль народа, скрытое основание установок людей по отношению к самим себе и к миру. В классической картине политического мира происходит субъективное определение политической ситуации, что зависит от опыта и таланта человека, базовой структуры его личности, менталитета.

Важно подчеркнуть, что политические действия в традиционном и модернизированном обществе различаются по мотивациям и направленности, но они оба (пусть в разной степени) сохраняют определённую приверженность традициям и ярко выраженную самодостаточность. До наступления информационной эры политик должен был самостоятельно подниматься вверх по партийной лестнице, участвовать в политических митингах и дискуссиях, доказывать своими политическими действиями право на политическое лидерство. Перефразируя Лессинга, который утверждал нельзя украсть дубинку у Геркулеса и стихи у Шекспира, — можно сказать: нельзя украсть харизму у политика до информационной революции. И только с появлением виртуальной реальности невозможное

стало возможным на голубых экранах мониторов – на смену политической самодостаточности пришёл виртуальный политический имидж.

Ещё одной общей чертой, характеризующей политические действия в традиционном и модернизированном обществах, является единая модель легитимности политической власти. Легитимность здесь обеспечивается с помощью механизмов политической культуры, поскольку насилие не может быть стабильным и долговременным фактором сохранения политического режима. Каждый политический режим, надеющийся на функционирование в течение длительного времени, начинает стремиться к обеспечению своей легитимности, пытается приспособиться к установившимся культурным нормам с помощью демонстрации уважения к традициям, рациональным правилам или опираясь на харизматический авторитет лидера. Когда-то, на заре модернизации, в эпоху индустриального общества казалось, что между традиционным и модернизированным обществом будет лежать непроходимая пропасть: традиционность и современность (модерн) станет разделять отказ от традиционных действий и переход к универсалиям индустриального мира. Но практика модернизации доказала утопичность этих представлений: только там, где политическая модернизация опиралась на новое прочтение политических традиций, она приводила к успешным политическим действиям.

2. Информационная революция и виртуальное политическое действие: возможности и границы информационных технологий Информационная революция и новая сфера политических действий – виртуальное политическое пространство. Кризис самодостаточности политического действия под влиянием информационных технологий. Виртуальные комбинации вокруг политического действия как манипулирование общественным сознанием. Подмена политического действия целиком искусственными виртуальными конструкциями : негативные последствия в сфере политики.

Психологические методы защиты от манипулятивных воздействий – контрсуггестия. Возрастание эффекта контрсуггестии с развитием информационных технологий. «Самобытное сопротив-

ление» современности: движение экологистов, феминисток, религиозных фундаменталистов, националистов, местных общин, антиглобалистов. Новые формы виртуальной политической борьбы: эффективность сетевых структур.

Тема 8. Политическая аксиология и этика

Вопросы:

- 1. Аксиология и политическая аксиология как философские и учебные дисциплины.*
- 2. Политическая аксиология: общая характеристика политических ценностей; политические ценности как цели и средства.*
- 3. Политическая этика: предмет, основные категории и проблемы. Политическая аксиология и политическая этика. Категорический императив политической этики.*

1. Аксиология и политическая аксиология как философские и учебные дисциплины.

Аксиология в системе гуманитарного знания. Аксиология и политическая аксиология. Предмет политической аксиологии.

Аксиология (от др. — греч. ἀξία — axios — «ценность» + λόγος — logos — «слово, учение») — *теория ценностей, философская дисциплина, исследующая категорию ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни.* Аксиология изучает вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности.

Аксиология изучает характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений. Она также включает и изучение ценностных аспектов других философских, а также отдельных научных дисциплин, а в более широком смысле — всего спектра социальной, художественной и религиозной прак-

тики, человеческой цивилизации и культуры в целом. Ценности как цели, смыслы и критерии оценки явлений природы, общества, культуры. **Красота, Добро, Истина** — классическая триада общечеловеческих ценностей; их обсуждение в истории философской мысли.

Аксиология ставит вопрос о соотношении ценности и оценки. (Оценка — многозначное понятие, обозначающее способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта.). Это — центральная проблема теории познания, этики и эстетики. Признание ценности истины, доброй воли и красоты не приводит к отождествлению ценности с благами, а оценки — с ценностями. Между трансцендентной ценностью и оценкой как смыслом деятельности человека нет полного совпадения. Ценности придают смысл человеческим действиям. Коренным противоречием аксиологии является признание в одних концепциях универсализма ценностей, наличия трансцендентных ценностей и отрицание этого в концепциях, придерживающихся эмпирической и плюралистической трактовки ценностей. Термин «аксиология» был введён в **1902 году** французским философом **П. Лапи** и вскоре вытеснил своего «конкурента» — термин «тимология» (образован от греческого τιμή — цена), введённый в том же году **И. Крейбигом**, а в 1904 году был уже представлен **Э. фон Гартманом** в качестве одной из основных составляющих в системе философских дисциплин.

В истории философского освоения ценностной проблематики выделяются несколько периодов. Начиная с Античности можно говорить об обращениях к ней преимущественно «контекстного характера». При этом ни категория ценности, ни ценностный мир, ни ценностные суждения ещё не становятся предметом специализированной философской рефлексии. Лишь со второй половины XIX века эта проблематика становится одним из философских приоритетов европейской культуры. Становление философской теории ценностей на рубеже XIX-XX веков. Современная аксиология как гуманитарное знание; её отношения к философии, антропологии, психологии, эстетике, этике, религиоведению, культурологии, теории образования. Аксиологические аспекты естественно-научного

знания и хозяйственной практики. Знание – самовоспроизводящийся ресурс человечества при условии его ценностного осмысления (с точки зрения собственно-человеческой меры). Основные концепции ценности: онтологический, субъективистский, социально-психологический, прагматистский, релятивистский, холономный (т.е. более широкий, целостный и многогранный взгляд на понимание сущности человеческой природы и всей Вселенной) подходы. И. Кант об априорном статусе ценностей как сферы свободы (нравственности), противостоящей царству необходимости (природе). Аксиология в пределах философии культуры.

Мир ценностей и способы их классификации. Ценности как первичные смыслы человеческого бытия и мировоззренческие константы. Нормативно-ценностная структура общества и общественного сознания. «Трехипостасная» (триединая) природа ценности как субъект-объект-отношения; ценность как понятие и образ. Принципы классификации ценностей: по способу существования – материальные, духовные, духовно-материальные; по сферам бытия – ценности природы, культуры, социума, науки и искусства; по значимости в жизни человека – смысложизненные (бытийные) ценности и ценности потребления; жизнь как ценность. Проблема «общечеловеческих» ценностей, духовных констант культуры, обеспечивающие её устойчивость и воспроизводство. Искусство и философия – как способы «кодирования» ценностных смыслов, самосознание и память культуры. Этно-национальные, социально-политические, индивидуально-личностные ценности в их отношении к общечеловеческим. Понятие о системе (иерархии) ценностей как условия становления личности и целостности человеческого существования.

Политическая аксиология является наукой о политических ценностях, под которыми понимаются наиболее общие ориентиры политической практики. К ним относятся гуманизм, безопасность, благосостояние, свобода, достоинство человека, всестороннее развитие человека, труд, коллективизм, демократия, равенство, справедливость, социальный прогресс, порядок. Политическая аксиология изучает вопросы, связанные с природой политических

ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, то есть о связи различных политических ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности в политике.

2. Политическая аксиология: общая характеристика политических ценностей; политические ценности как цели и средства. Нормативная и научная программа исследования политики. Политическая наука и политическая философия. Политическая аксиология. Понятие политических ценностей, их место в системе социальных ценностей. Иерархия политических ценностей; содержание отдельных политических ценностей; ценностное содержание основных политических идеологий. Номинализм и реализм в трактовке ценностей. Генезис идеи универсальной системы этических норм. Соотношение политических ценностей и политических норм. Политические идеалы. Политическая утопия. Философские основания политического утопизма и тоталитаризма в трудах Платона, социалистов-утопистов, марксистов. Цели и средства в политике. Н. Макиавелли и «макиавеллизм». «Макиавеллизм» как ценностно-практическая установка. Консерватизм, реформизм и радикализм. Проблемы справедливости и равенства в политической философии. Представления о справедливости и равенстве в философских учениях Древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени – **Конфуция, Платона, Аристотеля, Ж.-Ж.Руссо, К. Маркса.** Концепция справедливости **Дж. Роулза**: общественное благо, частный интерес, равные возможности; либертарианская концепция справедливости: **Б. Жувенель, Ф. Хайек, Р. Нозик.** Марксистская концепция справедливости. Индивидуализм и коллективизм, альтруизм и эгоизм с точки зрения политической философии.

Эгалитаристская и антиэгалитаристская ориентации в анализе проблемы социально-политического неравенства. Либерализм и неолиберализм. Основные принципы, ценности и идеалы «открытого» и «закрытого» обществ: политическая аксиология **К. Поппера.** Ценности либерально-демократической политической философии. Парадоксы политической идеологии и практики современных рос-

сийских и молдавских либералов. Философская значимость политических ценностей для формирования гражданских качеств личности, политической культуры, гуманистических установок. Факторы, влияющие на становление политических ценностей: исторические традиции, политическая символика, политическое воспитание, стабильность общественного развития. Антиценности как отклонение от цивилизационных гуманистических принципов существования людей. Философия прагматического цинизма в политике. Либерально-демократические ценности и их зависимость от социальных переменных, обуславливающих политическое бытие. Становление политических ценностей в Р. Молдова.

3. Политическая этика: предмет, основные категории и проблемы. Политическая аксиология и политическая этика: Политическое знание, ценности и практика власти. Предмет политической этики. Нормативные и дескриптивные подходы к вопросу о соотношении морали и политики. Понятия морали и нравственности. Мораль как сфера свободного самоопределения индивида. В процессе эволюции политической мысли выкристаллизовались следующие три главных подхода к взаимоотношению политики и морали (нравственности): 1) Полное подчинение моралью политики, **морализаторский подход**; 2) Полный разрыв между политикой и моралью, **ценностно-нейтральный подход**; 3) Попытка сохранить аутентичность политики и морали с поддержанием их напряжённого взаимодействия, **компромиссный подход**.

Политическая этика — одно из важных и постоянных начал политики, оценивающее ее замыслы, цели, методы, функционирование власти и деятельность участников политического процесса. Этическое начало политики непосредственно связано с ее моральными основаниями, но не совпадает с ними. Их смешение нередко, но далеко не всегда оправдано.

Этическое и моральное содержание одной и той же политики могут не совпадать, а порой и прямо противоречить друг другу. Так, если мораль может так или иначе характеризовать политическое действие, но сама стоит вне его и лишь вступает с ним в те или

иные отношения, то этика (политическая) присутствует в политике, она неотделима от неё как одно из её направляющих начал. Политическая этика как этика политических целей, политических институтов и политических действий.

Аксиологические основания политики. Политика как практика. Классическая этика добродетелей и ее значение для современной политической этики. Совесть и честность как обязательные константы функционирования политико-правового порядка. Политический институт как воплощение нравственного порядка социума. Фундаментальные ценности политических целей: мир, свобода, справедливость. Этическое значение политических институтов: ограничение пространства свободы личности во имя укрепления ее гарантий. Понятие интереса. Принципы, формирующие нравственный порядок общества: солидарность и субсидиарность. Структурные механизмы достижения этических целей политики: иерархичность, разделение властей, прозрачность и подконтрольность. Разумность как детерминанта этики политической деятельности. Политическое измерение понятий: справедливость, свобода, безопасность, благо, ответственность, толерантность.

Понятие справедливости. Справедливость как цель, как свойство институционального порядка, как политическая добродетель. Типология справедливости: коммутативная (справедливость обмена и договора: принцип взаимности); дистрибутивная (справедливость распределения); легалистская (справедливость индивидуума и групп к социальным союзам, государству), задающая границы лояльности и праву на гражданское неповиновение.

Понятие социально-политического равенства. Справедливость социальная и политическая. Проблема справедливого и должного в политике. Моральная проблематика политики: мораль и власть, моральная регуляция социальных и национальных конфликтов, мораль и насилие. Моральные методы политической борьбы (ненасильственное сопротивление, забастовка, компромисс). Моральные принципы социально-политического строительства: солидарность, права человека, патриотизм.

Этика ненасилия: фундаментальные и прикладные аспекты.

Этика международных отношений. Типы социальных конфликтов: конфликты интересов, конфликты политического порядка, ценностные и целевые конфликты. Гражданское неповиновение и обоснование права на него.

Парламентская этика. Партийная этика. Этика политического управления. Нравственные проблемы политических технологий.

Цивилизационный подход в социальных науках и проблема этического универсализма. Проблема культурной толерантности. Понятие этоса. Специфика нормативных предписаний этики: соотношение должного и сущего как проблема политической этики.

«Моральный компромисс» – категорический императив в политической этики. Гражданское общество, как известно, представляет собой сферу сотрудничества и столкновения множества частных интересов. Возникает важный вопрос, как достичь совместимости разнородных и противоречивых интересов всех членов общества, их общей воли и морального начала. Способность обеспечивать такую совместимость и делает политику искусством возможного. И это означает не отказ от нравственных начал, а то, что сама политическая этика должна быть реалистичной, т.е. учитывать реальные общественные и структурные предпосылки политической деятельности и возможности реализации того или иного политического курса. Учёт этих предпосылок и предполагает, по определению известного специалиста по данной тематике **К.Г.Баллестрема**, моральный компромисс: *«Такой компромисс отнюдь» не означает отказ от собственных убеждений или их дискредитации, он означает признание приоритетов того, что в конкретной ситуации является наиболее приемлемым для большинства; он оставляет право использования собственных убеждений для завоевания этого общества».* *«Политики должны ставить себе всегда только такие задачи, которые они могут разрешить, соблюдая при этом общепризнанные в обществе моральные нормы»* – категорический императив политической этики человечества в XXI веке.

В современных условиях возрастает роль нравственных критериев в политике, в силу того, что многократно увеличивается «цена»

многих политических решений, повышается значение воздействия общественного мнения на политику и политиков.

Целью политики должна выступать не власть ради власти, как цель обогащения или диктата, удовлетворения своего властолюбия, а осуществление поставленных лидером благородных политических целей – к примеру, торжество либеральной, плюралистической демократии, установление правового государства, реинтеграция страны, консолидация молодого независимого государства, предотвращение этнических конфликтов, обеспечение экономического роста, благосостояния и процветания народа.

Подлинно демократический политик, а не политикан-демагог, борется за власть не для того, чтобы злоупотребить ею, а чтобы с ее помощью решать общественно важные задачи, животрепещущие проблемы. Поэтому подлинный успех политика – это, в первую очередь, успех гуманной, разумной программы его деятельности, высокая оценка общества и истории. В конечном счёте, нравственное решение общественного деятеля и политика, помноженное на знания, мужество, решительность, мудрость и опыт, является самым правильным.

5. ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Семинарское занятие 1. Политическая философия как политическая наука и учебная дисциплина

Вопросы:

- 1. Политическая философия в системе политологического и философского знания.*
- 2. Предмет, основные проблемы, категории, задачи и функции политической философии. Политическая философия в системе социо-гуманитарного знания.*

Семинарское занятие 2. Основные этапы возникновения и развития политической философии

Вопросы:

- 1. Истоки политической философии.*
- 2. Формирование предпосылок политической философии в Новое время.*
- 3. Институционализация политической философии.*

Семинарское занятие 3. Политическая онтология

Вопросы:

- 1. Политическая онтология: учение о политическом бытии. Четыре этапа в эволюции и четыре парадигмы представлений о политике.*
- 2. Понятие политического бытия. Три сферы политического бытия. Формы, уровни, способы существования политического бытия.*

3. Онтология политической власти. Роль и значение современной политической власти в условиях информационной революции.

Семинарское занятие 4. Философия политического времени и пространства

Вопросы:

- 1. Философия политического пространства: сущность, структура, основные подходы. Философские проблемы геополитики.*
- 2. Философия политического времени: хронополитика.*

Семинарское занятие 5. Политическая эпистемология: специфика познания мира политики

Вопросы:

- 1. Политическая эпистемология: понятие, общий обзор проблемы и подходы.*
- 2. Переход к постклассическим методам исследования в философии политики под воздействием современной информационной революции.*

Семинарское занятие 6. Политическая антропология как наука о человеке политическом

Вопросы:

- 1. Политическая антропология: предмет, история, общий обзор проблемы, принципы и подходы.*
- 2. Человек как субъект и объект политической жизни.*
- 3. Человек политический в информационном обществе: анатомия виртуальной деструктивности.*

Семинарское занятие 7. Политическая праксиология как теория политического Действия

Вопросы:

- 1. Политическая праксиология: предмет, история, общий обзор проблемы и подходы.*
- 2. Информационная революция и виртуальное политическое действие.*

Семинарское занятие 8. Политическая аксиология и этика

Вопросы:

- 1. Аксиология и политическая аксиология как философские и учебные дисциплины.*
- 2. Политическая аксиология: общая характеристика политических ценностей; политические ценности как цели и средства.*
- 3. Политическая этика: предмет, основные категории и проблемы. Политическая аксиология и политическая этика. Категорический императив политической этики.*

6. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

6.1. Примерная тематика рефератов

1. Философия политики в информационном обществе.
2. Формирование новой постклассической картины мира в современной философии политики.
3. Проблемное поле современной философии политики.
4. Роль политической философии в формировании картины мира.
5. Политика как мироустройство.
6. Роль Сократа в формировании античной политической философии.
7. Роль Платона и Аристотеля в развитии античной политической философии.
8. Античная концепция политической истории.
9. Основные идеи средневековой политической философии.
10. Н. Макиавелли и технократический подход в политической философии.
11. Роль немецкой классической философии в развитии политического дискурса XIX в.
12. Постмодернистская парадигма в современной политической философии.
13. Роль и значение современной политической власти в условиях информационной революции.
14. Конфликт экономического и политического человека в информационном обществе.
15. Основные модели властных отношений в современном обществе.
16. Информация – новый ресурс политической власти.
17. Конфликт как метафора властных отношений.

18. Информационные технологии в современной политической борьбе.
19. Основные подходы к исследованию власти в политической философии.
20. Понятие символической власти в философии политики.
21. Информационная революция и изменения структуры и качества политического времени.
22. Виртуальное время как фактор человеческой деструктивности.
23. Нравственный императив в виртуальном политическом измерении.
24. Основные понятия хронополитики.
25. Сравнительный анализ социокультурного и политического времени.
26. Категории времени в политической философии.
27. Парадигмы политического пространства и социокультурная идентичность.
28. Информационная революция и освоение виртуального пространства.
29. Информационная парадигма и ее значение в формировании современной геополитики.
30. Символический капитал культуры в информационной борьбе за пространство.
31. Сравнительный анализ концепций социального и политического пространства.
32. Роль территориальной идентичности в политических отношениях.
33. Проблема иконографии политического пространства.
34. Проблема человеческой идентичности в философии политики.
35. Эвристическое значение политической экзотики (примитивных и архаических племён) в современной политической антропологии.
36. Проблема соотношения методов общей и политической антропологии.

37. Понятие стиля жизни в политической философии.
38. Национальный характер и национальная идея в развитии самосознания человека политического.
39. Проблема социокультурной идентичности в политике.
40. Структурные уровни социокультурной идентичности.
41. Кризис социокультурной идентичности в современном мире.
42. Творческий потенциал человека политического как проблема политической антропологии.
43. Влияние информационных технологий на мотивации человека политического.
44. Антропологические стратегии информационного общества.
45. Индивидуализация как политический феномен информационного общества.
46. Проблема неравенства и становление нового бесклассового общества «сетевых структур».
47. Общество риска и информационная революция.
48. Сравнительный анализ политических рисков информационного общества.
49. Индивидуализация, массовая безработица и новая бедность в информационном обществе.
50. Размывание границ политики в информационном обществе.
51. Эвристическое значение русского традиционализма.
52. Рациональность по ценности как высший тип рациональности в политике.
53. Модернизация как реинтерпретация национальной традиции.
54. Сравнительный анализ основных моделей модернизации.
55. Политическое действие в традиционном и модернизированном обществах.
56. Информационная революция и новая сфера политических действий – виртуальное политическое пространство.
57. Информационные технологии как сфера политического действия.
58. Возможности и границы новых информационных технологий.

59. Утрата самодостаточности политического действия в виртуальном пространстве.
60. Дилеммы технологической политики.
61. Политическая культура и технологическое развитие: конец согласия на прогресс.
62. Политическое и субполитическое действие в информационном обществе.
63. Переход к постклассическим методам исследования в философии политики.
64. «Мягкое мышление» как познавательная установка.
65. Нерациональные формы постижения в сфере политики.
66. Сравнительный анализ постклассических методов исследования в современной философии политики.
67. Демонополизация познания в информационном обществе.
68. Политика и субполитика в системе модернизации.
69. Рефлексивная модернизация и генерализация науки и политики.
70. Синергетика — наука о самоорганизации сложных систем.
71. Применение синергетического метода в политологии.
72. Высокий эвристический потенциал синергетической методологии в процессе разработки стратегии политических реформ.
73. Синергетическая рациональность в политическом исследовании.
74. Поиск шкалы регулировочных параметров развития в синергетической методологии.
75. Герменевтический метод в диалоге цивилизаций.
- 75¹ Искусство политического диалога как искусство интерпретации.
76. Конфликт ценностей как герменевтическая проблема.
77. Гуманитарное искусство политического диалога.
78. Социокультурное пространство политического диалога.
79. Социокультурные проблемы политического партнёрства в глобальном мире.
80. Интерпретация как метод политического исследования.
81. Политико-философское учение Платона.

82. Предмет политической философии.
83. Политическая теория и политическая практика.
84. Политика как подсистема общественного организма.
85. Политико-философские воззрения Ф. Ницше.
86. Глобальный политический процесс и проблема столкновения цивилизаций.
87. Проблема пространственно-временной политической идентификации и самоидентификации современной Р. Молдова.
88. Цивилизационный подход к пониманию пространственно-временных аспектов современных политических явлений.
89. Формационный подход к пониманию пространственно-временных аспектов современных политических явлений.
90. Понятие политического субъекта и эволюция его содержания в истории новоевропейской политической философии.
91. Классические и неклассические модели политических процессов.
92. Структурные уровни политической реальности.
93. Роль случайностей в политических процессах.
94. Современные концепции власти в контексте процесса политической глобализации.
95. Бытие власти как основа политической реальности.
96. Проблема субъекта и объекта власти в современной политической философии.
97. Специфика властных отношений в современной Р. Молдова.
98. Политический язык как среда и средство политического взаимодействия.
99. Уровни и формы политического сознания.
100. Марксистская концепция идеологии как «ложного сознания».
101. Современная политическая мифология.
102. Философские основания политического познания.
103. Политическое познание в контексте политических ценностей.
104. Эпистемологический статус политических истин.
105. Проблема лжи и заблуждения в политическом познании.

106. Политические ценности и политические нормы.
107. «Макиавеллизм» как политическая ценностно-практическая установка.
108. Природа политической утопии.
109. Политические ценности современной Р. Молдова.
110. Современный смысл понятия *человек политический*.
111. Свобода как либеральная политико-гуманистическая ценность.
112. Индивид в знаково-символическом пространстве современной политической реальности.
113. Предмет изучения политической антропологии.
114. Антропологические теории власти.
115. Теории власти в современной науке.
116. Символика власти.
117. Биологические корни неравенства и иерархии.
118. Неравенство между полами в человеческом обществе.
119. Возрастное неравенство.
120. Иерархия в преступных группировках (по современной художественной литературе).
121. Культурные основы неравенства и иерархии.
122. Лидерство и механизмы борьбы за власть в раннеземледельческих обществах.
123. Феномен вождизма.
124. Сущность государства (с точки зрения «интегративной» и «конфликтной» теорий).
125. Причины возникновения государства.
126. Пути и формы становления государственности.
127. Появление и эволюция бюрократии в истории.
128. Дискуссия об азиатском способе производства. Основные этапы и итоги.
129. Сущность восточной деспотии.
130. Полис – догосударственное общество или государство? (по материалам дискуссии в журнале «Вестник древней истории» в 1989-1990 гг.)
131. Структура власти в феодальном обществе (по работам А.Л. Гуревича и других медиевистов).

132. Структура власти в кочевых империях.
133. Влияние монголов на российскую политическую традицию.
134. Сходство и отличие в политической системе дореволюционной России и СССР.
135. Социализм: российский вариант тоталитаризма или азиатский способ производства?
136. Традиционные черты в современной российской и молдавской политической культуре.
137. Архаические и традиционные элементы в политической культуре государств СНГ.
138. Элементы традиционной власти в современной политической культуре стран Азии и Африки.
139. Влияние русских, турков, поляков, венгров на молдавскую политическую традицию.

6.2. Примерные темы эссе:

1. Теория социального действия М. Вебера.
2. Государство и бюрократия в концепции М. Вебера.
3. Политическая легитимность в трудах М. Вебера.
4. М. Вебер и Э. Дюркгейм о политической рациональности.
5. Концепция гражданского общества Э. Дюркгейма.
6. Коллективное сознание и гражданская солидарность в теории Э. Дюркгейма.
7. Демократия как символический порядок современности: концепция К. Лефора.
8. Массовое общество и плебисцитарная демократия.
9. Общественность и политика: заочный спор Дж. Дьюи и У. Липпмана.
10. Г. Маркузе о новых субъектах социально- политических преобразований.
11. Взгляды К. Лефора и П. Манана на права человека.
12. Гегемония и концепция элитарной демократии.
13. Тоталитаризм как главное политическое событие XX века в концепции Х.Арендт.

14. Сравнительный анализ феномена тоталитаризма в работах Х. Арндт и К. Лефора.
15. Тоталитаризм: сравнительный анализ политических теорий К. Шмитта и Х. Арндт.
16. Понятие политического и антилиберализм К. Шмитта.
17. Влияние пространственной организации на социальное и правовое устройство государств.
18. Ж.-П. Сартр и Р. Арон: тяжба интеллектуалов на фоне эпохи.
19. Концепция гегемонии в философии политики А. Грамши.

6.3. Примеры тестов для контроля знаний

1. Предметом политической философии является:
  1. Политическая реальность и политическое познание;
  2. Политическая реальность;
  3. Политическое познание.
2. Политическая подсистема общества осуществляет задачу:
  1. Воспроизводства человека как социального существа;
  2. Воспроизводства человека как политического существа;
  3. Воспроизводства социокультурного порядка в целом.
3. Политическая философия и политология:
  1. Никак не связаны друг с другом;
  2. Практически синонимы;
  3. Взаимосвязаны, но не тождественны.
4. Одной из первых политико-философских доктрин античности было:
  1. Учение Платона о государстве;
  2. Учение Августина Блаженного о Граде Божием и Граде Земном;
  3. Учение К.Р. Поппера об открытом обществе.
5. Самым известным политико-философским трактатом эпохи Возрождения стал:
  1. «Пир» Платона;
  2. «Государь» Н. Макиавелли;
  3. «Левиафан» Т. Гоббса.

6. Основы экономической теории демократии были заложены в трудах:

1. Т. Кампанеллы;
2. А. Сен-Симона;
3. А. Смита.

7. Основоположниками теории «общественного договора» были:

1. К. Маркс и Ф. Энгельс;
2. А. Смит и И. Бентам;
3. Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо.

8. Автором политико-гуманистического проекта «свободы через революционное знание и революционное действие» был:

1. Ф. Ницше;
2. К. Маркс;
3. З. Фрейд.

9. Идею политического прогресса в своих трудах развивали:

- 1) К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков
- 2) А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн;
- 3) О. Конт, Д.С. Милль, Г. Спенсер.

10. Авторство проекта оптимальной политической организации общества принадлежит:

- 1) Т. Гоббсу;
- 2) И. Бентаму;
- 3) Ж.-Ж. Руссо.

11. Концепцию «воли к власти» разработал:

- 1) А.С. Хомяков;
- 2) Ж.-П. Сартр;
- 3) Ф. Ницше.

12. Заслуга разработки проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в политической философии начала XIX века принадлежит:

- 1) Г.В.Ф.Гегелю;
- 2) З. Фрейду;
- 3) М. Веберу.

13. В философии постмодернизма разработкой проблемы власти занимался:

- 1) А. Камю;
- 2) М. Хайдеггер;
- 3) М. Фуко.

14. Политико-философской категорией, акцентирующей внимание исследователя на проблеме структуры политической реальности, является понятие:

- 1) Политического времени;
- 2) Политического пространства;
- 3) Политического идеала.

15. Характерным свойством политического времени в контексте цивилизационного подхода к анализу политических процессов является:

- 1) Его цикличность;
- 2) Его линейно-восходящая направленность;
- 3) Многообразии и разнонаправленности его различных форм.

16. Согласно постнеклассической (синергетической) научно-философской картине мира, политические явления характеризуются:

- 1) Жёстким динамическим детерминизмом;
- 2) Индетерминизмом;
- 3) Стохастически определяемыми закономерностями.

17. Согласно современному политико-философским представлениям, проявления власти:

- 1) Имеют исключительно рациональный характер;
- 2) Могут носить как рациональный, так и иррациональный характер;
- 3) Имеют исключительно иррациональный характер.

18. Для постмодернистской теории власти (М. Фуко) характерно утверждение о том, что:

- 1) Властные отношения жёстко и централизованно институционализированы;
- 2) Власть абсолютно децентрализована и неинституциональна;
- 3) Властные взаимодействия осуществляются как централизованных институциональных формах, так и в дисперсных неинституциональных формах.

19. Политический язык:

- 1) Есть нейтральное средство взаимопонимания и обмена информацией в политической коммуникации;
- 2) Всегда имеет прямое, рациональное значение, раскрывающее подлинное, порой откровенно агрессивные намерения говорящего;
- 3) Всегда имеет ситуативное значение и представляет собой систему кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими.

20. К наиболее сложным формам политического сознания относятся:

- 1) Политическая мифология;
- 2) Политическая психология;
- 3) Политическая идеология.

21. Политическая истина:

- 1) Свободна от оценочных суждений и носит объективный научный характер;
- 2) Носит абсолютно релятивистский характер;
- 3) Является формой интерпретации политических явлений с позиции определённых политических ценностей.

23. Основой воспроизводства и изменения политической реальности является:

- 1) Деятельность государства;
- 2) Деятельность политических акторов;
- 3) Политическое взаимодействие индивидов в субъектно-институциональных и бессубъектно-неинституционализованных формах.

24. В постсовременном обществе основной формой и средством политического доминирования становится:

- 1) Прямое физическое насилие;
- 2) Экономическое принуждение к труду, получение прибавочной стоимости;
- 3) Информационная непрозрачность общества и государства, монополия на право определения порядка видения и деления социокультурного мира.

25. К социальным предпосылкам развития гражданского общества относится:

- 1) Наличие частной собственности, многоукладной экономики, свободного рынка и конкуренции;
- 2) Среднего класса, обладающего большим удельным весом в обществе;
- 3) Обеспечение прав человека на получение информации, высокий уровень образованности население, свобода слова и совести.

6.4. Примерные задания для самостоятельной работы:

1. Сравните классические и постнеклассические принципы и формы политико-философского анализа. Попытайтесь проследить и сформулировать общую концептуально-методологическую тенденцию развития политико-философского знания.

2. Попытайтесь выявить отличительные черты и свойства политической реальности путём сравнения исключительно политических аспектов бытия общества с экономическими, узко социальными и культурными аспектами общественной жизни.

3. Перечислите основные признаки системности политической сферы современного общества.

4. Попытайтесь определить свое личное место в системе пространственно-временных координат современного политического мира. Какими факторами оно обусловлено? Какие структурные уровни политической реальности оно объединяет?

5. Подумайте, для какого структурного уровня политической реальности характерно участие индивида в политических событиях в качестве актора? Обоснуйте свою точку зрения.

6. Какими факторами обусловлено и в каких формах осуществляется участие того или иного индивида в политических процессах?

7. Попытайтесь проанализировать природу современного российского политического тандема, используя следующие классификационные критерии: источники, основания, функции, ресурсы,

субъекты и объекты власти; режим правления и степень легитимности.

8. Попробуйте проанализировать структуру и характерные уровни и формы собственного политического сознания. Назовите основные факторы, повлиявшие на формирование вашей политической культуры.

9. Проанализируйте идеологическую ситуацию в современной России с целью обнаружения психологических, речевых, ментальных и знаково-символических «следов» советской идеологии. Как трансформировался смысл и значение сохранившихся фрагментов советской политической культуры в повседневном и политическом пространстве постсоветской России?

10. Охарактеризуйте формирующиеся общественно-политические и политико-научные парадигмальные основания своей будущей научной деятельности. Чем определяется ваш научный выбор?

11. Возможно ли существование безоценочных суждений в политическом познании? Обоснуйте свою точку зрения.

12. Попробуйте провести сравнительный анализ модернистских и постсовременных политических идеалов и ценностей. В чем, по вашему мнению, заключается главная ценностно-мировоззренческая проблема актуальной политической жизни?

13. Проанализируйте программные документы и высказывания современных молдавских либералов. Чем, по вашему, объясняется кризис либерального сознания в Р. Молдова?

14. В чем заключается для политического индивида притягательность «соблазна тоталитаризма»? В каких политических формах этот соблазн актуализируется?

15. Каковы социально- и политически-конструирующие ресурсы российского традиционного политико-гуманитарного концепта *воли*?

16. Подготовьте к защите свой собственный проект развития гражданского общества в современной Р. Молдова. Оцените перспективы гражданского процесса, исходя из следующих аспектов: источники, основания, функции, ресурсы, объекты, субъекты и акторы гражданско-политического процесса; факторы способ-

ствующие и препятствующие развитию гражданского общества в Р. Молдова; возможные конфликты и проблемы и пути их разрешения.

6.5. Контрольные вопросы

1. Каковы основные этапы становления и развития политической философии?
2. В учениях каких философов были сформулированы первые политико-философские идеи?
3. В чем заключается специфика предмета политической философии?
4. Что такое политическая реальность?
5. Какое место занимает политическая философия в системе социально-гуманитарного знания?
6. Чем различаются политико-философские и политологические принципы и методы изучения политической реальности?
7. Как соотносятся политическая философия и политическая практика?
8. Каковы основные структурообразующие элементы политической подсистемы общества?
9. Что такое политическое пространство?
10. Как политическое пространство связано с физическим пространством?
11. Каковы специфические особенности политического времени?
12. Каковы основные политико-философские подходы к пониманию пространственно-временных аспектов политических процессов?
13. В чем заключается специфика современного этапа развития мировой политики?
14. О каких проблемах современного политического развития вы знаете?
15. Каково место Р. Молдова в современном мировом политическом процессе?

16. В чем заключается специфичность описания политических процессов в системе синергетической картины мира?
17. Почему закономерности политического изменения носят стохастический характер?
18. Что такое политический субъект?
19. Что такое политический актор и чем отличается от политического субъекта?
20. Что такое политическая необходимость?
21. Каково место и значение случайностей в политическом процессе?
22. Что такое политическая телеология?
23. Дайте классическое новоевропейское определение власти. На какое основополагающее концептуальное понятие оно опирается?
24. Чем обусловлена асимметрия властных отношений?
25. Как соотносятся в системе современных властных отношений насилие и контроль? Чем это обусловлено?
26. Чем определяется дисперсность (децентрализованность) власти в современном обществе?
27. Почему проявление власти зачастую приобретает иррациональный характер?
- 27¹. В чем выражается смысл властных отношений в общем социокультурном плане?
28. В чем заключается специфика отношения к политической власти в российской политико-философской и в общекультурной традиции?
29. В чем заключается гносеологическая функция политического языка?
30. Что такое политический дискурс?
31. Почему язык политики носит символический характер?
32. Что такое политический имидж?
33. Почему современные СМИ называют четвертой властью в обществе?
34. Каковы особенности политического языка в современной Молдове?

35. Какие уровни и формы политического сознания вы знаете?

36. Дайте классическое определение политической идеологии. Почему классическое представление об идеологических процессах сегодня устарело?

37. Как связаны политическая идеология и политическая наука? Политическая идеология и политическая практика?

38. Что характеризует идеологические процессы в современной Р. Молдова?

39. В чем заключается специфический характер политического познания?

40. Что такое политическая истина? В чем ее специфика?

41. Что такое политическая картина мира?

42. Почему возможности политического прогнозирования носят ограниченный характер?

43. Возможно ли, по вашему мнению, существование универсальной методологии политического познания? Почему?

44. Каково содержание принципа историцизма в политическом познании?

45. В чем заключается специфика эмпирических методов политического познания?

46. Какова специфика использования исторического метода в политическом познании?

47. Что такое политические ценности?

48. Как соотносятся политические ценности и политические нормы?

49. Каковы философские основания политического утопизма?

50. Как эволюционировали представления о равенстве и справедливости от эпохи античности до Нового времени?

51. Каковы основные принципы идеалы и ценности «открытого общества»?

52. Насколько основные принципы идеалы и ценности современного российского общества соответствуют критерию «открытости»?

53. Каковы ваши собственные политические ценности? К какой идейной группе вы бы себя отнесли?

54. Какова сущность человека политического?

55. Каково политическое содержание понятия человеческой свободы?

56. Как Вы понимаете смысл тезиса: «Свобода есть осознанная необходимость»? Как это тезис может быть видоизменен в контексте реляционистской (синергетической) картины политического мира?

57. Чем различаются содержание русского традиционного понятия воли и содержание новоевропейского понятия свободы?

58. Какими факторами обусловлено и в каких формах осуществляется современное политическое доминирование?

59. С чем связан кризис социокультурной и политической идентичности индивидов в современном мире?

60. Каково содержание деятельностного подхода к анализу современной политической реальности?

61. Что такое политический габитус индивида?

62. Какие парадоксальные эффекты рациональной конструирующей политической деятельности вам известны?

63. Роль политической философии в формировании картины мира?

64. Причины, условия развития политической праксиологии?

65. Роль и место политической праксиологии в системе политико-философского и политологического знания?

66. Предмет политической праксиологии?

67. Методология политической праксиологии?

68. Проблемное поле политической праксиологии?

69. Понятие «практика» как предмет научного, политико-философского осмысления?

70. Сущностные характеристики практики?

71. Мыслители нового времени о проблеме практики: общее и особенное?

72. Разработки учёных Новейшего периода истории по проблеме практики, ее осмысления?

73. Исторические формации социальной практики, их разграничение в соответствии со способами организации властных отношений?

74. Религиозная парадигма понимания практики?

75. Влияние секулярных концептов на динамику научных представлений о практике?

76. Этика и политическая практика как актуальная проблема современного научного поиска?

76. Понятие и сущностные характеристики морали?

77. Влияние морали на действия человека?

78. Мораль – путь к свободе или ограничениям человека?

79. Этический универсализм: понятие, сущность?

80. Понятие «политическое действие». Сущностные характеристики политического действия?

81. Основные детерминанты политического действия?

82. Традиция как фактор политического действия?

83. Модели политической традиции?

84. Соотношение модернизации и традиции в политическом действии?

85. Понятие «информационная революция»; причины, условия, последствия информационных революций?

86. Кризис самодостаточности политического действия в контексте влияния информационных революций?

87. Проблема манипулирования общественным сознанием?

88. Виртуальные конструкции как альтернатива политическим действиям?

89. Методы защиты от манипулятивных воздействий?

90. Самобытное сопротивление современности?

91. Информационный обмен и информационные технологии?

92. Виртуальная (знаковая) реальность как политический феномен?

93. Философские аспекты конструирования и познания виртуальной действительности?

6.6. Вопросник к экзамену по курсу «Политическая философия» (II курс, I семестр) в модуле с экзаменом по философии

1. Пространственность (топологичность) политики. Понятие «политическое пространство».
2. Темпоральность политики. Определение политического времени. Плюрализм типов социального времени.
3. Конфликт экономического и политического человека в информационном обществе.
4. Роль и значение современной политической власти в условиях информационной революции.
5. Проблема пространства-времени в современной социогуманитарной науке.
6. Понятие «онтология власти».
7. Определение политического действия. Детерминанты политического действия.
8. Четыре точки зрения о сущности политической философии.
9. Политическая эпистемология как постижение (объяснение и понимание) мира политики.
10. Политическая праксиология как теория политического действия.
11. Политическая философия: определение, задачи, проблемы, разделы.
12. Политическая философия и политическая теория.
13. Политическая философия: два ракурса рассмотрения мира политики.
14. Задачи и функции философии политики.
15. Три основные особенности современной политической философии.
16. Предмет и метод политической антропологии.
17. Четыре точки зрения о сущности политической философии.
18. Конфликт экономического и политического человека в информационном обществе.
19. Предметное поле философии политики.

20. Обзор основных этапов возникновения и развития политической философии.
21. Аксиология и политическая аксиология как философские и учебные дисциплины.
22. Политическая этика: предмет, основные категории и проблемы.
23. Политическая онтология: учение о политическом бытии.
24. Истоки политической философии
25. Формирование предпосылок политической философии в Новое время
26. Институционализация политической философии
27. Понятие политического бытия. Три сферы политического бытия.
28. Философские проблемы геополитики.
29. Человек политический в информационном обществе.
30. Категорический императив политической этики.

7. ЛИТЕРАТУРА И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

7.1. Литература на русском языке

А. Основная литература

1. Абеле М. Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20. С. 27-44.
2. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.
3. Алексеева Т.А., Кравченко И.К. Политическая философия: К формированию концепции // Вопросы философии. 1994. № 3.
4. Баталов, Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности) [Электронный ресурс]. – Москва: «Прогресс-Традиция», 2010. – 376 с. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/77174>.
5. Белых Е.Л., Веркеенко Г.П. Политика и власть в современных обществах. Уч. пособие. – Орёл: ОГУ, 2006. – 340 с.
6. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. – М.: «Весь мир», 2002. – 368 с.
7. Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2.
8. Василенко. И.А. Политическая философия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Политология» / И. А. Василенко. – М.: Гардарики, 2004. – 239 с.
9. Василенко. И.А. Политическая философия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Политология» / И. А. Василенко. – М.: Гардарики, 2010 – 239 с. [Электронный ресурс] http://fileskachat.com/download/19586_21e2e5d1696884174a8a0aa473b59e4a.html
10. Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. – 328 с.
11. Гаджиев К.С. Политическая философия: формирование и сущность // Вопросы философии, 1995. № 7. С.3-26.
12. Гаджиев К.С. Политическая философия. М.: Экономика, 1999.

13. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию [Текст]: учебное пособие / К. С. Гаджиев. — М.: Логос, 2004. — 334 с.
14. Гаджиев К.С. Введение в политическую философию: учебное пособие / К. С. Гаджиев. — М.: Логос, 2004. — 334 с. [Электронный ресурс] <https://www.twirpx.com/file/454288/>
15. Гобозов И.А. Философия политики.- М., 1998.
16. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. — М.: Издательство НОРМА, 2001.
17. Дмитриев Т.А., Капустин Б.Г. Политическая теория — XX век [Электронный ресурс]. М.: МВШСЭН, 2007.
18. Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология / Под ред. В. В. Ильина. М., 1995.
19. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия власти. М., 1993.
20. Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? Ч. 1 // Полис. 1996. № 6.
21. Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? Ч. 2–3 // Полис. 1997. № 1, 2.
22. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
23. Кочанов Ю. Политическая топология: Структурирование политической действительности. М., 1995.
24. Крадин Н.Н. Предмет и задачи политической антропологии // Политические исследования. 1997. № 5.
25. Кравченко И.И. Бытие политики. — М.: Изд. ИФ РАН, 2001.
26. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Скименъ, 2012.
27. Макаренко В.П. Политическая философия. Ростов н/Д, 1992.
28. Миронова, Д. Политическая философия [Электронный ресурс]: учеб. пособие. — Москва: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2014. — 240 с. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/71629>.
- 28¹. Миллер, Д. Политические учения: краткое введение/Пер. с англ. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 189 с.
29. Панарин А. С. Философия политики: Учеб. пособие для политол. фак. и гуманит. ВУЗов / А. С. Панарин.— М.: Наука, 1994.— 367с.
30. Политическая наука: новые направления/ Пер. с англ. — М.: Вече, 1999. — 816 с.

31. Подорога В.А. Апология политического. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
32. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: НГУ, 1995.
33. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов – М.: Аспект Пресс, 2004. – 559 с.
34. Тутлис В.П. Прологомены к онтологии политического бытия (Рукопись) – <https://cyberleninka.ru/article/n/bytie-politiki> .
35. Щербинин А.И. Политический мир во времени и пространстве//Полис. 1994. № 6.
36. Шилов В.Н. Политическая аксиология. Конспект лекций. Белгород: Логия, 2001.
37. Шилов В.Н. Политическая аксиология. Научная монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005.
38. Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века М.: Идея – Пресс, 2010. – 272 с. [Электронный ресурс] <https://www.twirpx.com/file/2014650/>

Б. Дополнительная литература

1. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. – СПб: Питер, 2004. – 320 с. (серия «Учебное пособие»).
2. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология.- СПб.: Питер, 2004. -313 с.
3. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988.
4. Актон Дж. История свободы в античности // Полис. 1993. № 3.
5. Александров, Д.Н. Логика. Риторика. Этика : учеб. пособие [Электронный ресурс] / Д.Н. Александров .– 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018.– 166 с. <https://rucont.ru/efd/244023>
6. Алексеев-Попов В.С. О социальных и политических идеях Жана-Жака Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты... С. 487–554.
7. Андреев А.Л. Политическая психология.- М.: Издательство «Весь мир», 2002. – 240 с.
8. Антология мировой политической мысли. В пяти томах. – М.: «Мысль». 1997. Отв. ред. д.ф.н. Мигولاتьев.
9. Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в.

10. Антонян Ю.М., Нравственность для XXI века [Электронный ресурс] : сб. статей / ред.: Ю. М. Антонян. – М. : Аспект Пресс, 2009 . – 289 с. <https://rucont.ru/efd/230262>
11. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
12. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
13. Аринин А.Н. Права и свободы человека и эффективное развитие России // Общественные науки и современность. – 2002 . № 1.
14. Аристотель. Никомахова этика. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53–120, 145–150, 160–161.
15. Аристотель. Политика. // Там же. С. 376–518, 590–593, 612–621.
16. Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990.
17. Арон Р. Эссе о свободах: Универсальной и единственной формулы свободы не существует // Политические исследования. 1996. № 1.
18. Артемов Г.П. Политическая социология: Уч. пособие. – М.: Логос, 2002. – 280 с.
19. Афанасьев М.Н. Клиентизм и российская государственность. М., 1997.
20. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта М., 1997.
21. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика. России: к методологии исследования// Политические исследования. 1991. № 3.
22. Ашин Г.К. Элитизм и демократия// Общественные науки и современность. 1996. № 5.
23. Ашин Г.К., Лозанский Э.Д. и др. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий.- М.: «Экзамен», 2001. – 608 с.
24. Банс В. Элементы неопределённости в переходный период// Полис. 1993. №1.
25. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.
26. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

27. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. Гл. 1, 2, 3, 4, 7, 17, 19.
28. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
29. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
30. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
31. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Берлин, 1923.
32. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
33. Берлин И. Философия свободы. Европа. М., 2001.
34. Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001.
35. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981.
36. Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992.
37. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология): В 3 ч. М. -Л., 1925-1929.
38. Бойцова О.Ю. Власть нормы и норма власти: О специфике нормативизма в западной политической науке XX века.- М.: Современные тетради. 2004. -160 с.
39. Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5.
40. Боришпольц К.П. Методы политических исследований: Уч. пособие для студентов вузов.- М.: Аспект Пресс. 2005. — 221 с.
41. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М., 1992.
42. Брайсон В. Политическая теория феминизма. — М.: Идея-Пресс, 2001.
43. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. — 2000. № 4.
44. Бурдые П. Социология политики М.: Прогресс, 1993.
45. Бутенко А.П., Миронов А.В. Государство и гражданское общество // Социально-политический журнал. 1997. № 1.
46. Бэкон Ф. Новый органон. Л., 1935.
47. Вайнштейн Г. Формирование гражданского общества в России: надежды и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5.
48. Вайпин, Сунь. Современное состояние и тенденции изучения аксиологии в Китае // Вестник Российского философского общества. — 2007. — № 4(44). — С. 89-95.

49. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. Социокультурные проблемы политического партнёрства. М., 1999.
50. Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998.
51. Василенко И.А. Политическая глобалистика. Уч. пособие. – М.: Логос, 2000. -360 с.
52. Васильев А.С. История Востока. Т. 1-2. М., 1993.
53. Вахрамеев А.В. К вопросу об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации (декларация и реальность) // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 1.
54. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
55. Вебер М. Избранные произведения. 1864-1920. М.: Прогресс, 1990.
56. Вебер М. Политические работы 1895-1919. М.: Праксис, 2003.
57. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
58. Венгеров А. Синергетика и политика//Общественные науки и современность, 1993, № 4.
59. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
60. Виндельбанд В. Платон // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. -М.: Юрист, 1995. Гл. 5, 6.
61. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
62. Вишнякова Н.Ф. Конфликтология: Учеб. пособие. 3-е изд.- Мн.: Университетское, 2002. -318 с.
63. Власть, политика, государство, право: Хрестоматия / Сост. Д. А. Ягофаров. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.
64. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. М., 1987.
65. Восленский М. С. Номенклатура. М., 1991.
66. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л., 1934.
67. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку: Учебник для ВУЗов / К. С. Гаджиев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 1999. – 544 с.
68. Гаджиев К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире //Вопросы философии, 1977. № 6. С.3-24.

69. Гаджиев К.С. Политология. – М. «Логос», 2001.
70. Гайденок П.П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
71. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. §§ 430–436. С. 240–249.
72. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. §§ 181–256, 260, 265, 269–279, 294–297, 301–316, 341–360.
73. Гегель. Философия истории // Гегель. Соч. Т. 8. –М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Введение. С. 3–75; ч. 4, отдел 3. Гл. 3. С. 406–422.
74. Гелнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
75. Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.
76. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
77. Глухова А., Рахманин В. Политическая конфликтология: Уч. пособие. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 295 с.
78. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 149–159, 169–177, 192–304, 334–358, 377–378.
79. Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства// Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.
80. Горелов, А.А. Этика [Электронный ресурс]: учебное пособие / А.А. Горелов, Т.А. Горелова. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: МПСИ, 2011. – 146 с. https://www.directmedia.ru/bookview_83433_Etika_Uchebnoe_posobie/
81. Горчева А.Ю. Политический менеджмент: исторический опыт России. Уч. пособие.- М.: МГУ, 2002.- 138 с.
82. Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. – 2004. № 7.
83. Григорьев А.А. Концептуальные модели формирования социального порядка и тенденции их развития // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 2.
84. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь: В 2 кн. М., 1997.
85. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.
86. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера. Л., 1989.

87. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1996.

88. Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика / А. А. Гусейнов . – М. : Академкнига, 2002 . – 300 с.

89. Гусейнов А.А. Этика [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2005 . – 470 с.

90. Гусейнов А.А. , Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарики, 2005. – [Электронный ресурс] 4702 http://www.intelros.ru/pdf/Reyting/Ethics_Gusseinov_Apressyan.pdf

91. Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок – СПб.,: СПб-ГУП, 2012.-Академкнига, 2002 . – 840 с. [Электронный ресурс] https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/guseinov/Mysl_postupok_2012.pdf

92. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии//Вопросы философии. 1986. № 3.

92¹. Гуторов В.А. К вопросу о человеческом измерении глобальных конфликтов // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2013 Т 9 №2. С. 148-161.

92². Гуторов В.А. Глобализация и некоторые проблемы теории государства // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2013 Т 9 № 4 С. 5-18.

92³. Гуторов В.А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. Политические исследования. 2014 № 3 С. 91-110.

92⁴. Гуторов В.А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Сер. 6 2014 Вып. 4 С. 114-126.

92⁵. Гуторов В.А. К вопросу о теоретических трансформациях современного консерватизма // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2014 Том 10 № 1 С. 144-177.

92⁶. Гуторов В.А. Гражданское общество и теория демократии: из наследия XX в. // Вестник РУДН, серия Политология. 2015 № 1 С. 50-59.

92⁷. Гуторов В.А. Модернизация и посткоммунизм: критические заметки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015 Сер. 6 Вып. 2 . С. 4-15.

92⁸. Гуторов В.А. Алексис де Токвиль против Астольфа де Кюстина: научное открытие или обыкновенная аберрация? // ПОЛИС. Политические исследования. 2015 № 4 С. 170-175.

92⁹. Гуторов В.А. Запад и Восток в мировом политико-образовательном пространстве: о некоторых аспектах современной дискуссии // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015 с. 156-165.

92¹⁰. Гуторов В.А. Идеологические аспекты реинтеграции российской цивилизации на постсоветском пространстве // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Revistă științifică trimestrială. Nr. 1 (LXXII), 2016 P. 15-25.

92¹¹. Гуторов В.А. Теории модернизации в глобализационном измерении: некоторые итоги дискуссии // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Revistă științifică trimestrială. Nr. 2 (LXXIII), 2016 P.7-29.

92¹². Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. 2016 Т.12. № 1 С. 4-28.

92¹³. Гуторов В.А. К проблеме концептуальных оснований теории модернизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2016 Сер. 6 Вып. 2 С. 4-23.

92¹⁴. Гуторов В.А. Биомедицинская этика в древнем мире // *Medyczna Wokanda*. 7/2015. S. 159-182.

92¹⁵. Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности // *Либерализм: pro et contra*, антология / Сост., вступ. статья, коммент. В. А. Гуторова, сост., послесловие Р. В. Светлова. – СПб.:РХГА, 2016. С. 9-116.

92¹⁶. Гуторов В.А. Российский консерватизм в историческом и культурном измерениях: опыт сравнительного анализа // *Идеологии и генезис ценностей современного общества*. Коллективная монография. СПб.: РХГА, 2016. С. 69-136.

92¹⁷. Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен // *Идеологии и генезис ценностей современного общества*. Коллективная монография. СПб.: РХГА, 2016. С. 155-204.

92¹⁸. Гуторов В.А. Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Идеологии и генезис ценностей современного общества. Коллективная монография. СПб.: РХГА, 2016 С. 291-307.

92¹⁹. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях сравнительного анализа российской и западной либеральной традиции // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Revistă științifică trimestrială. Nr. 1 (LXXVI), 2017 P. 20-52.

92²⁰. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017 № 3 С. 30-54. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.03>

92²¹. Гуторов В.А. Российский либерализм в политико-культурном измерении: опыт сравнительного теоретического и исторического анализа (часть I) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017 Т. 13 № 1 С. 4-36.

92²². Гуторов В.А. Российский либерализм в политико-культурном измерении: опыт сравнительного теоретического и исторического анализа (часть II) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017 Т. 13 № 2 С. 4-42.

92²³. Гуторов В.А. Российский либерализм в политико-культурном измерении: опыт сравнительного теоретического и исторического анализа (часть III) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017 Т. 13 № 3 С. 4-26.

92²⁴. Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017 № 12 С. 32-43.

92²⁵. Гуторов В.А. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:53.

92²⁶. Гуторов В.А. О некоторых актуальных аспектах интерпретации теории модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018 Т. 20 № 2 С. 193-214.

92²⁷. Гуторов В.А. Модернизация как фактор устойчивого развития: некоторые проблемы теории // Проблема устойчивости поли-

тических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции // Под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. – М.: Издательство Московского университета, 2018.с. 48-57.

92²⁸. Гуторов В.А., Тарасов И.Н. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом коммуникативном измерениях: критические заметки Часть I. – Полис. Политические исследования. 2018 № 3 С. 60-77.

92²⁹. Гуторов В.А., Тарасов И.Н. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть II. – Полис. Политические исследования. 2018 № 4 С. 72-83.

92³⁰. Гуторов В.А. Модернизация и демократия: о некоторых проблемах теоретической интерпретации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018 № 3 с. 53-66.

92³¹. Гуторов В.А. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018 № 3 с. 9-15.

92³². Гуторов В., Ширинянц А. Терроризм и революция // Przegląd Strategiczny. 2018. Nr. 11. S. 243-255.

93. Дадиани Л.Я. Фашизм в России: мифы и реалии // Социс. – 2002. – № 3.

94. Давлетшина Н.В., Кимлика Б.Б., Кларк Р.Дж., Рей Д.У. Демократия: государство и общество. М., 1995.

95. Давыдов Ю.Н. Укрощение Левиафана, или социальные потенции обычного согласия // Полис. 1994. № 2. С. 143–155; № 3. С. 135–147.

96. Даль Р. А. Введение в теорию демократии. М., 1990.

97. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991 .

98. Делез Ж. Ницше.- СПб.:Аxioma , 1997. С. 26–58.

99. Демидов А.И. Ценностные измерения власти//Полис. 1996. № 3.

100. Демидов А.И. Мир политических ценностей // Правоведение.-1997, №4.

101. Денисов В.В. Диалектика свободы: критерии и приоритеты //Философия и общество, 2000. № 4. С.48-64.

102. Дергачев В.А. Геополитика.- Киев: Вира, 2000. — 448 с.
103. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
104. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990.
105. Доватур А. Политика и политики Аристотеля.- М.; Л.: Наука, 1965. С. 7–114.
106. Дольник В. Естественная история власти // Знание — сила. 1994. № 10- 11.
107. Дугин А. Основы геополитики.- М., 2000.
108. Духовное измерение современной политики. — М., 2003.- 190 с.
109. Дюверже М. Политические партии.- М.: Академический проект. 2002. — 560 с.
110. Евдокимов Р.Б. Должностные лица в идеальном государстве платоновских «Законов» // Платон и его эпоха.- М.: Наука, 1979.
111. Егоров И.А. Принципы свободы как основание общей теории регуляции //Вопр. Философии, 2000. № 3. С.3-4.
112. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996.
113. Ефимов И. Метapolитика: Наш выбор и история. Л., 1991.
114. Замятина Н.Ю. Модели политического пространства//Полис. 1999. №4
115. Зеркин Д.П. Политология. Серия «Учебники и уч. пособия». — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000.-447 с.
116. Зиммель Г. Философия культуры. М., 1996.
117. Желтов В.В. Сравнительная политология. — М., 2009.
118. Ивин А.А. Аксиология. — <https://leiemoltogentile.ru/b/198457>
119. Игнатов А. Идолатрия государства // Вопросы философии. — 1998. — № 7.
120. Ильин М. В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация// Полис. 1996. № 5.
121. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории//Полис. 1996.№1
122. Ильин В. В. Аксиология. — М.: Изд-во МГУ, 2005. — 216 с.
123. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. -М.: Изд-во ИМА-пресс, 2000 г.- 200 с.

124. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества//Полис, 1997, №4.
125. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М. 1998.
126. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник.-М.: Юристъ, 2001г. – 511 с.
127. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1998.
128. История политических партий России. Учеб. для студентов вузов /Под ред. А.И.Зевелева. – М.: Высшая школа, 1994. -447 с.
129. История международных отношений: Учебное пособие /Г.В.Каменская. М.: Логос, 2007.-712 с.
130. История политических и правовых учений. Хрестоматия. /Под ред. О.Э.Лейста.- М.: Городец, 2000. – 512 с.
131. История политических и правовых учений. Учебник для вузов /Под ред. О.В.Мартышина.- М.: Норма, 2004. – 912 с.
132. История политических и правовых учений: Учебник /Под ред. О.Э.Лейста. – М.: Зерцало, 2002.- 688 с.
133. Исследования по общей этнографии. М., 1979.
134. История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. Т. 3. Эпоха классовобразования. М., 1988.
135. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1993.
136. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
137. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.
138. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 228–310.
139. Кант И. Метафизика нравов: В 2 ч. // Там же. Т. 4, ч. 2. С. 231–249, 264–270.
140. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Там же. Т. 4, ч. 2. С. 77–98.
142. Кант И. К вечному миру; Ответ на вопрос: что такое просвещение // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М.: АО КАМІ, 1994. Т. 1. С. 429–477, 125–147 (эти две работы могут быть также взяты из: Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т.
143. Капустин Б.Г. Мораль в политике: Хрестоматия. М.: МГУ, 2004.

144. Капустин Б. Либеральная идея и Россия. «Проблема Гоббса» // Иное. -М.: Аргус, 1995. Т. 3. № 3.
145. Капустин Б.Г. Россия и Запад на пути к Миру миров (критика политической философии) // Кентавр. 1993. № 2. С. 79–84.; С. 84–92; № 3. С. 45–47.
146. Капустин Б.Г. Что такое консерватизм? // Свободная мысль. – 2004. – № 2.
147. Климов И.А. Анархия как общественное устройство в доктрине М.А.Бакунина // Социс. – 2001. – № 10
148. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
149. Качоха В. Проблема общего блага в современной демократии // Вопросы философии. 2000. № 9.
150. Кирк Р. Какая форма правления является наилучшей для счастья человека? // Полис. – 2001. – № 3.
151. Клемперер В. Язык третьего рейха. М., 1998
152. Климов И.А. Анархия как общественное устройство в доктрине М.А.Бакунина // Социс. – 2001. – № 10
153. Коваленко Б.В.. Пирогов А.П.. Рыжов О.А. Политическая конфликтология: Уч. пособие. М.: Ижица. 2002. -400 с.
154. Козлов В. Феномен демоса //Свободная мысль, 1998. № 4. С.92-119.
155. Кожев А. Тирания и мудрость //Вопросы философии, 1998. № 6. С.92-119.
156. Колмыкова, М.А. Профессиональная культура чиновника как единство профессионализма и управленческой культуры [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н.И. Селиверстова, Оренбургский гос. ун-т, М.А. Колмыкова. – Оренбург : ОГУ, 2016. – 108 с. <https://rucont.ru/efd/618347>
157. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.
158. Конфисахор А.Г. Психология власти. 2-е изд. -СПб: Питер, 2004. -235 с.
159. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
160. Костюк К. Понятие политического в истории мысли и

современной науке // Социально-гуманитарные знания. 1999, № 3. С.58-71.

161. Кочанов Ю. Опыты о поле политики. М., 1994.

162. Кривогуз И.М. Политология: Учебник для вузов.- М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2003.- 288 с.

163. Куббель Л.Е. Очерки постстарнополитической этнографии. М., 1988.

164. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М., 1984.

165. Куляскина И.Ю. Аксиология: место в системе знания // Вестник Моск. Ун-та. Серия 7. Философия. — 2002. — № 3.

166. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

167. Кургинян С. Агенты политики // Россия XXI. 1998. № 1-2.

168. Кутырев В.А. Современное социальное познание. М., 1988.

169. Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения. Конспект лекций. — СПб.: Изд-во Михайлова, 2000. — 64 с.

170. Лебедев И.А. Политические ценности как сложный и многомерный процесс // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1999, № 2.

171. Левин И.Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. 1996. № 5.

172. Левин Г.Д. Свобода и покинутость // Вопросы философии. 1997. № 1. С.56-68.

173. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.

174. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.

175. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

175¹. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980

176. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. — 1996. — № 4.

177. Лефор К. Политические очерки (XIX — XX века) М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.

177¹. Либерализм: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. В. А. Гуторова, сост., послесловие Р. В. Светлова. — СПб.: РХГА, 2016 — 981 с. — (Русский Путь).

178. Лихачёв Д.С. Великое наследие. М., 1987.
179. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 262–346, 378–405.
180. Локк Д. Опыты о законе природы // Там же. С. 3–53.
181. Лосев А.Ф. Диалектика мифа// Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. М., 1994.
182. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
183. Лосев А.Ф. Законы // Платон. Соч. Т. 3, ч. 2. С. 583–602.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
184. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Избр. статьи. Т. III. Таллинн, 1993.
185. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XIX века) //Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 414.
186. Лужков Ю. Либеральное и социальное // Стратегия России. – 2004. – № 1.
187. Лурье С. Историческая этнология. М., 1997.
188. Лурье С. Метафизика традиционного сознания. М., 1996.
189. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? // Вопросы философии. – 1998. – № 7.
190. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д., 2000.
191. Макарычев А.С. Принципы и параметры общественного выбора//Полис. 1995. № 4.
192. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 52–55, 63–66, 78–79, 81–83, 103–108, 111–131, 138–143, 151–158, 166, 178–189, 194–204, 211–220, 223–225, 228–232, 300–304, 343–345, 362–373.
193. Макиавелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1987. С. 103–104, 143, 181–182.
194. Малишевский И.П. Технология и организация выборов.- М.: Харвест, 2003. – 256 с.
195. Малыгина И.В. Национализм как форма культурной иден-

тичности и его российская специфика // Общественная наука и современность. – 2004. – № 1.

196. Малько А.В. Цели и средства в политике // Право и политика. 2002. № 9.

197. Малявин В.В. Конфуций. М., 1992.

198. Мареев С.Н. Либерализм и демократия о равенстве и справедливости // Свободная мысль. – 2005. – № 12.

199. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.13

200. Маркс К. Тезисы о Фейербахе//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.21.

201. Маркузе Г. Разум и революция. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. Гл. 2, 6.

202. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

203. Масс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

204. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна//Полис. 1992.№ 1.

205. Мерло-Понти М. В защиту философии. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996. С. 205–221.

206. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

207. Микрополитика. Субъективные аспекты политического процесса в России. К 250-летию МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Современные тетради, 2004. -184 с.

208. Минюшев Ф.И. Свобода! Но как ею пользоваться //Личность. Культура. Общество. Т.2., 2000. № 1. С.37-48.

209. Мифы народов мира: Т. 1 , 2. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

210. Модель И.М.. Модель Б.С. Социальное партнёрство в России // Социс. 2000. № 9.

211. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

212. Мошков В.Б. К вопросу о демографической безопасности России //Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 5.

213. Мухаев Р.Т. Политология: Учебник для вузов. Издание второе.- М.: «Приориздат», 2005. – 432 с.

214. Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия: тенденция обновления и модернизации // Вопросы философии. – 2001. – № 11.
215. Ницше Ф. Весёлая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. № 276, 277, 341, 356, 377, 379.
216. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Там же. № 45, 438–482.
217. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Там же. Т. 2. С. 35–39, 41–46, 53–57; 68–73, 99–103; 141–143, 156–163, 166–169, 173–178, 206–214, 226–229, 235–238.
218. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Там же. Т. 2. № 61, 198–203, 208–209, 212, 223–225, 228, 230, 241–242, 251–254.
219. Ницше Ф. Сумерки идолов. Раздел «набеги несвоевременного» // Там же. № 39, 43; С. 579–580, 584.
220. Ницше Ф. Антихрист // Там же. С. 633–641, 662, 684–686.
221. Ницше Ф. Греческое государство // Ницше Ф. Избр. соч.: В 3 т. М.: Порт-Рояль, 1994. Т. 3. С. 66–76.
222. Ницше Ф. Воля к власти // Там же. Т. 1. № 12, 19, 20, 23, 26–27, 32, 34, 36, 46, 50, 53, 55, 65–66, 71, 75, 79, 84, 90, 95, 97–100, 116–117, 121–122, 125, 132, 279, 304, 315, 317, 326–329, 334, 361, 370, 372, 419, 423, 430–431, 585, 685, 692.
223. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.М. Иноземцева. М., 1999.
224. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
225. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права // Новгородцев П.И. Соч. М.: Раритет, 1995. С. 106–115; 173–195.
226. Общественное сознание и его формы. М., 1986.
227. Ольшанский Д.В. Политический пиар. – СПб: Питер, 2003. – 544с.
228. Оля Б. Боги тропической Африки. М., 1978.
229. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.
230. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.
231. Орлова И.В. Политические партии России: страницы истории. – М.: Юрист, 1994. – 80 с.

232. Осипов Ю.М. Русский циклизм как специфический феномен России // Философия хозяйства. 1999. № 1 .
233. Островский А.Б. Этнологический структурализм Клода Леви-Строса // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
234. Острогорцев М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.
235. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989.
236. Панарин А.С. Политология: Учебник. М.: ТК Велби, 2004. – 440 с.
237. Панарин А. Испытание глобализмом.- М.: Эксмо, 2003. -416 с.
238. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
239. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998.
240. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
241. Пантелеев С.Ю. Русский консерватизм. – Свободная мысль – 2004.
242. Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. – 2003. – №5.
243. Печерская В.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. – 2001. № 2.
244. Платон. Государство // Платон. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 130–164, 206–242, 260–317, 356–389, 397–407.
245. Платон. Политик // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3, ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 10–82.
246. Плюсин Ю.М. Проблемы биосоциальной эволюции. Новосибирск // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
247. Подорога В.А. Феномен власти // Философские науки, 1993. № 1, 2, 3.
248. Полани М. Личностное знание. М., 1986.
249. Политология: Курс лекций /Под ред. М.Н.Марченко. -М.: Юрист, 2003. -683 с.

250. Политология: Учебник /Под ред. А.Ю.Мельвиль и др.- М.: Проспект, 2004. – 624 с
251. Политология: Учебник /Под ред. В.А. Ачкасова, В.А.Гуторова.-М.: Юрайт, 2005. – 692
252. Политология: Учебник /Под ред. М.А.Василика.- М.: Гардарики. 2004. – 588 с.
253. Политология: Учебник для вузов / В.Н.Лавриненко, А.С.Гречин, В.Ю. Дорошенко и др. – М.: ЮНИТИ, 1999. -367 с.
254. Политология: Учебник для вузов /Под ред. В.Д.Перевалова. – М.: Норма-Инфра-М, 2001. -392 с.
255. Политология в вопросах и ответах: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. Ю.Г.Волкова. – Гардарики, 1999. – 472 с.
256. Политическая психология: Уч. пособие для вузов /Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И.Жукова, Л.Г.Лаптева. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 200L -858 с.
257. Политическая социология. Уч. пособие. Под ред. Г.П.Сопова.- Ростов н/Д: Феникс, 2001.- 640 с.
258. Политическая социология: Учебник для вузов /Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 495 с.
259. Попов А.В., Зуева Л.А. Ценности в политике // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2000, № 1.
260. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 1. С. 123–248; Т. 2. С. 36–95.
261. Политико-правовые ценности: история и современность / В. Г. Графский, Д. В. Дождев, Н. Н. Ефремова, Н. Ю. Козлова и др.; под ред. В. С. Нерсесянц; редкол.: В. Г. Графский, Л. Е. Лаптева, Л. С. Мамут. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 256 с.
262. Потрубач Н.Н., Максutow Р.К. Концепция экономической безопасности //Социально-гуманитарные знания. – 2000. № 4.
263. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / редкол.: В. Г. Графский, Л. С. Мамут, В. С. Нерсеянц (отв. ред.) – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. – 89 с.
264. Прокофьев А.В. Фундаментальное этическое равенство и проблемы социальной этики // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2.

265. Профессиональная этика. Учебник для высших учебных заведений [Электронный ресурс]. Отв. ред. Росенко М.Н. Санкт-Петербург: ООО ИД «Петрополис», 2006 — 200 с. https://www.directmedia.ru/bookview_253940_professionalnaya_etika/

266. Пугачёв В.П. Соловьев А.И. Введение в политологию: учебник для студентов высших учебных заведений. — 3-е изд., переработанное и дополненное. — М.: Аспект Пресс, 1999.

267. Пугачёв В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник. -М.: Аспект Пресс, 2003. — 477 с.

268. Пугачёв В.П. Политология.- М.: Филол. о-во «Слово»: ООО изд-во «Эксмо»,2003.- 576 с.

269. Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997.

270. Рассел Б. История западной философии. СПб., 2001.

271. Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1994. Гл. 17. С. 159–172.

272. Резинко Д.Б. Советская идеология как фактор российской модернизации в XX веке: (опыт социал.-антропол. анализа проблемы). М.: ИФ РАН, 2004.

273. Репников А.В. Тернистые пути консерватизма в России // Общественные науки и современность. — 2002. — № 4.

274. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

275. Рогожин С.Л. Права человека или новая тоталитарная идеология Запада в России // Социально-гуманитарные знания. — 2001. — № 3.

276. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. — Новосибирск: НГУ, 1998.

277. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 223–229.

278. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

279. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Тракаты. М.: Наука, 1969. С. 151–256.

280. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Там же. С. 45–47, 54–55, 64–65, 72–98.

281. Руссо Ж.-Ж. Проект конституции Корсики // Там же. С. 257–300.
282. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2003. – № 5.
283. Рывкина Р.В. Социальная справедливость и общественное мнение // Свободная мысль. – 2005. – № 10
284. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. №1.
285. Салмин А.М. Дезинтеграция биполярного мира и перспективы нового мирового порядка//Полис. 1993. № 4.
286. Салмин А. Современная демократия: очерки становления. М., 1997.
287. Самсонова Т.Н. Разработка проблемы равенства в утопическом социализме XVIII в. // Вестник Московского университета, Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 4.
288. Сарсембаева Р. Феминизм как политическое явление // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2004. – № 3.
289. Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Политические исследования . – 2005. – № 6.
290. Ситнянский Г.Ю., Моцелков Е.Н., Межуев Б.В. Волны и циклы политического развития//Полис. 2002. № 4.
291. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник /А.В. Горкунов, И.Г.Тюлин, А.Ю.Мельвиль и др.; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России: Отв. ред. А.В.Торкунов. – М.:Просвещение: МГИМО, 2004. -991с.
292. Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6.
293. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
294. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000
295. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986 (Свод этнографических понятий и терминов. Вып.1).
296. Сравнительное изучение цивилизации: Хрестоматия/ Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

297. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Уч. пособие под ред. М.В.Ильина.- М.: Аспект Пресс, 2002. -537 с.
298. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс,1994.- 688 с.
299. Смольков В.Г. Становление и проблемы социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. — 2005. — №5
300. Структура культуры и человек в современном обществе. М.: Ин-т философии, 1987.
301. Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
302. Теория политики: Учебное пособие / Под ред. Б.А. Исаева. — СПб., 2008. — 464 с.
303. Текст и политика: о некоторых особенностях современной интерпретации идеологических дискурсов // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца; сост. А. И. Волошин; подг. текстов А. В. Мырикова, А. Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017 — С. 212–221.
- 303¹. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997.
304. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
305. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
306. Трубецкой Е.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
307. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. — Л., 1968.
308. Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы //Вопросы философии, 1997. № 3. С.16-30.
309. Тульчинский Г.Л. Проблема либерализма и эффективная социальная технология // Вопросы философии.- 2002. — № 7.
310. Тураев В. А. Этнополитология: Учеб. пособие. — М.: Логос, 2004. — 388 с.
311. Тяпин И.Н. Основные философские проблемы в трактовке русского анархизма // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 5
312. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

313. Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? // Полис. – 1996. – № 1.
314. Успенский Б.А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры; Т.2: Язык и культура. М., 1994.
315. Ушакин С.А. Речь как политическое действие//Полис. 1995. № 5.
316. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика//Полис. 1994. № 3.
317. Федотов А.П. Глобалистика. Начала науки о современном мире. Курс лекций. М.: Аспект Пресс. 2002. – 224 с.
318. Феминизм. Восток – Запад – Россия.- М.: Наука, 1993.
319. Феномен восточного деспотизма: структура общества и власти. М., 1993.
320. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
321. Фрейд З Я и Оно Труды разных лет. Тбилиси, 1991.
322. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М. , 1978.
323. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1991.
324. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. Ч. 3. Гл. 3.
325. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
326. Фуко М. Воля к истине.- М. «Касталь», 1996.
327. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. О.И. Величко и Е.Л. Петренко. – М.: Весь мир, 2008.
328. Хайек Ф. Дорога к рабству//Вопросы философии. 1990. № 10-12.
329. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?//Полис. 1994. №1
330. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.:АСТ,2005. – 603 с.
331. Хейвуд Эндрю. Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
332. Хейзе Л. Осуществление свободы. -М.: Гнозис, 1995. С. 67–92, 94–110, 136–222.
333. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость.- М.: Гнозис, 1994. Гл. 9.

334. Хюбнер Р. Истина мифа. М., 1996.
335. Ценностей теория // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
336. Цыганков П.А. Теория международных отношений.- М.: Гардарики, 2003, 2004 — 590 с.
337. Шабанова М.А. Образы свободы в модернизируемой России // Социологические исследования . — 2000. — № 1.
338. Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. — 1998. — № 8.
339. Шаран П. Сравнительная политология: В 2 ч. М., 1992.
340. Швейцер В.Я. Социнтерн сегодня // Современная Европа. — 2004. — №3.
341. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
342. Шилов В.Н. Политические ценности: специфика и функции // Социально-гуманитарные знания. — 2003.- № 6.
343. Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. — 2001. — № 3.
344. Шилов В.Н. Социалистический консерватизм в посткоммунистических обществах // Свободная мысль. — 1995. — № 3.
345. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
346. Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.
347. Шмитт К. Политическая теология. М.: Кучково поле, 2000.
348. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.- 663 с.
349. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Пер. В.С.Автономов и др. М.: Экономика, 1995.
350. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1-3.
351. Этнические аспекты власти. СПб., 1995.
352. Этика и права человека в информационном обществе: материалы Европейской региональной конференции [Электронный ресурс] / ред.: А.В. Паршакова, ред.: Т.А. Мурована, пер.: Э.Г. Азгальдов .— Материалы конференции .— : Межрегиональный

центр библиотечного сотрудничества, 2009 .– 64 с. – Пер. с англ.: Э.Г. Азгальдов; ред.: А.В. Паршакова, Т.А. Мурована. <https://rucont.ru/efd/133818>

353. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1, ч. 4. Гл. 6; Кн. 2, ч. 1. Гл. 2, 3, 5, 7, 10; ч. 3. Гл. 3; Кн. 3, ч. 2. Гл. 1–3, 510 // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996.

354. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Политиздат, 1991.

355. Юрьев А. Строительство гражданина // Стратегия России. – 2004. – № 6.

356. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

7.2. Литература на других языках

1. Almond G.A., Powell G.B. Comparative politics: A developmental approach. Boston: Little, Brown, 1966.

2. Anckar D. Political science in the Nordic countries//International Political Science Review. 1987. Vol. 8. P. 73-84.

3. Andrews W.G. International handbook of political science. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1982.

4. Asher W. Forecasting: An Appraisal for Policy Makers and Planners. Baltimore, 1978.

5. Austin J., Yoffie D. Political Forecasting as a Management Tool // Journal of Forecasting. 1984. № 3.

6. Chester N. Economics, politics and social studies in Oxford, 1900-1985. London: Macmillan, 1986.

7. Dierkes M., Biervent B. (eds). European social science in transition. Frankfurt am Main; Boulder (Colo.): Campus Verlag/Westview, 1992.

8. Dowse R.E., Hughes J.A. Political Sociology. New York: Wiley, 1975.

9. Dryzek J., Farr J., Leonard S. (eds). Political science in history. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

10. Easton D. Political antropology//Biennial review of antropology/ Ed. by B.J.Siegel. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1959. P. 211-262.

11. Finifter A.W. (ed.). Political science: The state of the discipline. Washington (D.C.): American Political Science, 1983.
12. Finifter A.W. (ed.): Political science: The state of the discipline II, Washington(D.C.): APSA, 1993.
13. Goodin R.E. Political theory and public policy. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
14. Greenstein F.I., Polsby N.W. (eds). Handbook of political science. 8 vols. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1975.
15. Kasperson R.E., Minghi J.V. (eds). The structure of political geography. Chicago: Aldine. 1969.
16. Knutson J.N. (ed.). Handbook of political psychology. San Francisco (Cal.): Jossey-Bass, 1973.
17. Lane R.E. Political ideology. Glencoe (Ill): Free Press, 1962.
18. Leca J. La science politique en France//Revue Francaise de science politique. Vol. 32. N 4. P. 618-653.
19. Lipset S.M. Political man. New York: Doubleday, 1959.
20. Ricci D. The tragedy of political science. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1984.
21. Sabine G., Thorson T. A history of political theory. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
22. Strauss L., Cropsey J. A history of political philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
23. Stretton H. The political sciences. London: Routledge and Kegan Paul, 1969.
24. Valles J.M., Newton K. (eds). Special issue: political science in Western Europe,1969-1990//European Journal of political Research. 1991. Vol. 20. P. 225-466.
25. Van Dyke V. Political Science: A Philosophical Analysis. Stanford, 1960.
26. Waldo D. Political science: Tradition, discipline, profession science, enterprise//Greenstein. Polsby. Op. cit. 1975. Vol. 1. P. 1-130.
27. Almond G. The return to the state//American Political Science Review. 1988. Vol. 82. P. 853-874.
28. Easton D. The analysis of political structure. – New York: Routledge, 1990.

29. Galbraith J.K. The Anatomy of Power. – L. 1984.
30. Goodin R.E. Institutions and their design//The theory of institutional design/Ed. by R.E.Goodin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1-53.
31. Hagu R., Harrop M. Comparative Government and Politics. – L., 1991.
32. Ostrom E. Rational choice theory and institutional analysis: Toward complementarity//American Political Science Review. 1991. Vol. 85. P. 237-243.
33. Russell B. Power. – London: Allen und Unwin, 1938.
34. Thelen K., Longstreth T., Steinmo S. Structuring politics: Historical institutionalism in comparative perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
35. Weaver R.K. Rockman B.A. (eds). Do institutions matter?... Washington (D.C.): Brooking Institution, 1993.
36. Wilson I. American Government. – Lexington, 1992. Dahl R.A. Who's Governs? New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961.
37. Eldersveld S.J. Political Elites in Modern Societies. Empirical Research and Democratic Theory. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989.
38. Etzioni-Halevy E. The Elite Connection. Problems and Potential of Western Democracy. – Cambridge: Polity Press, 1993.
39. Field G.L., Higley J. Elitizm. – London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
40. Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns / O.Gaman-Golutvina //Europe-Asia. – 2008. – Vol. 60 No 6, August.
41. Gaman-Golutvina O. Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience /O.Gaman-Golutvina // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2008. – March. – Vol.24 No1.
42. Gaman-Golutvina O. Organizational Structure of Political Class / O.Gaman-Golutvina // Sociological and Political Aspects of Contemporary Elites. – Jena, 2008.
43. Gaman-Golutvina O. Political Elites on the Commonwealth of Independent States / O.Gaman-Golutvina // Comparative Sociology. – 2007. – №4.

44. Gaman-Golutvina O. Transformation of Political Class in Post-Soviet Space / O.Gaman-Golutvina // The Temporary Study of Politics in Europe. – Warsaw,2008.
45. Gaman-Golutvina O.V. Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Routledge – 2014.
46. Higley J., Pakulski J., Wesolowski W. Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe.- MACMILLAN, 1998.
47. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. – N.Y., 1969.
48. Kourvertatis G., Dobratz B. Political Sociology. – New Brunswick – L.,1980.
49. Marshall G. Concise Dictionary of Sociology. Oxford< New York: Oxford University Press, 1996.
50. Mills W. The Power Elite. New York: Oxford University Press, 1956. Ng S.H. The Social Psychology of Power. – N.Y. – L., 1980.
51. Pareto V. Mind and Society. – N.Y., 1935. V. 4.
52. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: an application of theoretical sociology. – Totowa: Bedminstar Press, 1968.
- 53.Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites: Elite Theory, Power and American Democracy. – New York: Harper and Row, 1973.
54. Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the
55. Postcommunist Transformation of Eastern Europe // Society in Social Theory.1995. 24/56. October.
56. Thomas R.D. Who's Running America? 5th ed. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1990.
57. Useem M. The Inner Circle. New York: Oxford University Press, 1
58. Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Upper Saddle River, 2004. – Pp. 1-23, 33-43.
59. Rose R. Policy Analysis as an Academic Vocation // Policy Evaluation. 2000. Vol.6. № 2. – Pp. 4-15.
60. Bobrow D., Dryzek J. Policy Analysis by Design. Pittsburgh, 1987. Brewer G., DeLeon P. Foundations of Policy Analysis. Homewood, 2000.
61. Jenkins B. Policy Analysis: Models and Approaches // Policy Process. M. Hill (Ed.). L., 1994.

62. Pal L. Public Policy Analysis: An Introduction. Scarborough, 1992. – Pp. 25-35, 138-144.

63. Parsons W. Public Policy: An Introduction to the Theory and Practice of Policy Analysis. Cambridge, 1995. – Pp. 55-77.

64. Dryzek J. Policy Analysis and Planning: From Science to Argument // The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. F. Fisher, J. Forester (Eds.). Durham, 1993.

65. Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation. L. Neak, J. Hey, P. Haney (Eds.). Englewood Cliffs, 1995.

66. Golub A. Decision Analysis: An Integrated Approach. N.Y., 1997.

67. Gupta D. Analysing Public Policy: Concepts, Tools and Techniques. N.Y., 2001.

68. Rose R. Understanding Big Government: The Programme Approach. L., 1990.

69. Policy Evaluation: Linking Theory to Practice. R. Rist (Ed.). Cambridge, 1995.

70. Durning D. The Transition from Traditional to Post-Positivist Policy Analysis: A Role for Q-Methodology // Journal of Policy Analysis and Management. 1999. Vol.18. № 3. – Pp. 389-410.

71. Gerner D. Foreign Policy Analysis: Renaissance, Routine or Rubbish? // Political Science: Looking to the Future. Vol. 2. Comparative Politics, Policy and International Relations. W. Crotty (Ed.). Evanston, 1991.

72. McCall G. Policy Analysis Across Academic Disciplines // Encyclopedia of Policy Studies. S. Nagel (Ed.). N.Y., 1994.

73. Mikesell R. Comparative Analysis and Economic Policies with Special Reference to Financial Crises // Journal of Comparative Policy Analysis. 2000. Vol. 2. № 1. – Pp. 127-133.

74. Smith A. Public Policy Analysis in Contemporary France: Academic Approaches, Questions and Debates // Public Administration. 1999. Vol. 77. № 1.

75. Weimer D., Vining A. Policy Analysis: Concepts and Practice. Upper Saddle River, 2005. Pp. 23-38.

76. Wollmann H. Policy Analysis in West Germany's Federal Government: A Case of Unfinished Governmental and Administrative

Modernization? // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1989. Vol. 2. № 3.

77. Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Upper Saddle River, 2004. – Pp. 129-145, 162-173, 180-197.

78. Guess G., Farnham P. Cases in Public Policy Analysis. Washington, 2000. – Pp. 135-152.

79. Quade E. Analysis for Public Decisions. Englewood Cliffs, 1989. – Pp. 152-162, 198-200.

80. Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Upper Saddle River, 2004. – Pp. 44-55, 86-95.

81. Quade E. Analysis for Public Decisions. Englewood Cliffs, 1989. – Pp. 137-152. Bardach E. A Practical Guide for Policy Analysis: The Eightfold Path to More Effective Problem Solving. N.Y.; L., 2000. – P. 1-46.

82. Dunn W. Public Policy Analysis: An Introduction. Upper Saddle River, 2004. – Pp. 43-45, 55-61.

83. Adams R.N. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, 1975. Anthropological Approaches to Political Behavior Pittsburgh, 1991.

84. Balandier G. Anthropologie politique. Paris, 1967 (пер. на англ. яз.: Political Anthropology. New York, 1970).

85. Claessen H.J.M. Politieke antropologie. Assen: Van Gorcum, 1974 (пер. на исп. яз.: Antropologia politica, Mexico, 1979).

86. Emit T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.

87. The Early State. The Hague, 1978.

88. Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York, 1967.

89. Lewellen T. Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992

90. Mann M. The Sources of Social Power, Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986; Vol. II: The Rise of Classes and Nation States, 1760-1914. Cambridge, 1993.

91. Political Anthropology. Chicago, 1966.

92. Political Anthropology. New Brunswick and London, 1980.

93. Service E. Origins of the State and Civilization. New York, 1975.
94. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft Tubingen, 1922.
95. Collins R. Weberian Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
96. Farelly C. (ed.) Contemporary Political Theory: A Reader. London: SAGE Publications, 2004.
97. Held D. (ed.) Political Theory Today. Cambridge: Oxford: Polity Press, 1993.
98. Morrow J. History of Political Thought: A Thematic Introduction. London: Macmillan Press, 1998.
99. Swift S. Hannah Arendt. Abingdon; New York: Routledge, 2009.
100. Wolf J. Introduction to political philosophy. New York: Oxford University Press, 2006.

В. Периодические издания (за последние пять лет)

- Журнал «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки»
- Журнал «Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология»
- Журнал «Вопросы философии»
- Журнал «Государство и право»
- Журнал «Гуманитарные науки в Сибири»
- Журнал «Политические исследования»
- Журнал «Свободная мысль».
- Журнал «Социологические исследования»
- Журнал «Социально-политический журнал»
- «Россия и современный мир»
- Pro et Contra
- Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал

7.3. Интернет-ресурсы:

1. Журнал «Политические исследования» – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/>.

2. Журнал «Политэкс» – Режим доступа: <http://www.politex.info/>.
3. Библиотека «Политнаука» – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/>.
4. Фонд «Общественное мнение» – Режим доступа: <http://www.fom.ru/>.
5. Аналитический центр «Левада – Центр» – Режим доступа: <http://www.levada.ru/>.
6. Центр «ВЦИОМ» – Режим доступа: <http://wciom.ru/>.
7. Электронная гуманитарная библиотека – Режим доступа: <http://www.gumfak.ru/>. 8) www.polit.spb.ru
8. Дом свободы – <http://www.freedomhouse.org/>
9. Информация о странах на сайте Госдепа США – <http://www.state.gov/countries/>
10. Исследовательский комитет РАПН по сравнительной политологии – <http://ср-рапн.рапн.ru/>
11. Политический атлас современности – <http://worldpolities.org/>
12. Справочник ЦРУ The World Factbook – <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>
13. Интернет-портал «Политанализ.ру» по методологическим и практическим вопросам политико-аналитической работы в России – <http://www.politanaliz.ru>
14. Центр политической информации (ЦПИ) – <http://www.spic-centre.ru>
15. Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР) – <http://www.ancentr.ru>
16. Центр политических технологий (ЦПТ) – <http://www.cpt.ru;> <http://www.politcom.ru>
17. Центр прикладных политических исследований «ИНДЕМ» – <http://www.indem.ru>
18. Центр политических исследований в России («ПИР-Центр») – <http://www.pircenter.org>
19. Центр стратегических разработок (ЦСР) – <http://www.csr.ru>
20. Центр экономической конъюнктуры при Правительстве России – <http://www.cek.gvs.aris.ru>

21. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии – <http://www.armscontrol.ru>
22. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) – <http://www.svor.ru>
23. Экспертный Институт РСПП – <http://www.exin.ru>
24. Фонд эффективной политики (ФЭП) – <http://www.fep.ru>
25. Фонд развития парламентаризма в России (ФРПР) – <http://www.legislature.ru>
26. Российский общественно-политический центр (РОПЦ) – <http://www.politeia.ru>
27. Московский Центр Карнеги – <http://www.carnegie.ru>
28. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И.Рудомино: <http://www.libfl.ru/>
29. Государственная публичная историческая библиотека: <http://www.shpl.ru/>
30. Российская государственная библиотека: <http://www.rsl.ru/>
31. Архив журнала «Логос»: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/arc.htm>
32. Архив журнала «Неприкосновенный запас»: <http://www.nlobooks.ru/journals/neprikosnovennij-zapas>
33. Библиотека журнала «Скепсис» <http://scepisis.ru/library/page1/>
34. Журнальный зал «Русского журнала» <http://magazines.russ.ru/>
35. Журнальный клуб «Интелпрос»: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/arc.htm>
36. Сектор истории политической философии Института философии РАН: http://iph.ras.ru/hist_polit_phil.htm
37. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytie-politiki>
38. Федеральный портал «Российское образование» <http://www.edu.ru>
39. Электронная библиотека по философии: <http://filosof.historic.ru>
40. Электронная гуманитарная библиотека <http://www.gumfak.ru>
41. ЭБС «КнигаФонд» – www.knigafund.ru

42. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ// <http://www.duma.gov.ru>
43. Официальный сайт ИСПИ РАН <http://www.ispr.ru/>
44. Официальный сайт журнала Власть <http://jour.isras.ru/index.php/vlast>
45. Официальный сайт журнала ОНС <http://www.ons.naukaran.com>
46. Официальный сайт журнала Вопросы политологии <http://www.voprospolitolog.ru>
47. Официальный сайт Института социологии РАН <http://www.isras.ru/>
48. Официальный сайт журнала Полития <http://www.politeia.ru/>
49. Официальный сайт журнала Pro et Contra» <http://carnegie.ru/proetcontra/>
50. ЭБС Издательства «ЛАНЬ» <http://e.lanbook.com/>
51. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU <http://elibrary.ru/>
52. ЭБСIPRbooks <http://www.iprbookshop.ru>.
53. ЭБС «Академия» <http://www.academia-moscow.ru>
54. Архив политической рекламы <http://www.33333.ru/>
55. Журнал ПОЛИТЭКС <http://www.politex.info/>
56. Международный пресс-клуб <http://pr-club.com/>
57. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации <http://www.cikrf.ru/>
58. Российская ассоциация международных исследований www.rami.ru
59. Коллекция ссылок на ресурсы о политике в поисковой системе Yahoo www.yahoo.com/Politics
60. Политика на сервере «Россия-Он-Лайн www.online.ru/nnain/rpolitics
61. Российская ассоциация политической науки <http://rapn.ru/>
62. Российский профессиональный портал о лоббизме и PR <http://lobbying.ru/>
63. Сетевой портал журнала ПОЛИС <http://www.polisportal.ru/>
64. Библиотека сайта «Polittheory» (ЮФУ). – <http://polittheory.narod.ru/library.htm>

65. Материалы электронного журнала «Политическая концептология» (ЮФУ). – <http://politconcept.sfedu.ru/archive.html>
66. Цифровой Кампус Южного федерального университета - <http://incampus.ru/>
67. Энциклопедии: <http://encycl.yandex.ru>
70. Электронные словари и энциклопедии// <http://www.edudic.ru/>;
71. Портал Российского гуманитарного университета: <http://www.i-u.ru/biblio/default.aspx>
72. Библиотека Гумер–Политология: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php
73. Портал журнала «Социс»: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/>
74. Портал журнала Общественные науки и современность: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/>
75. Портал журнала «Политический журнал»: <http://www.politjournal.ru/>
76. Официальный сайт Президента РФ.-<http://www.president.kremlin.ru/>
77. Официальный сайт Совета Федерального собрания РФ.-<http://www.council.gov.ru/>
78. Правительство Российской Федерации – <http://www.government.gov.ru/>
79. Сайт Министерства иностранных дел РФ – <http://www.mid.ru/>
80. Государственная публичная научно-техническая библиотека России – <http://www.gpntb.ru/>
81. Российская национальная библиотека – <http://www.nlr.ru/>
82. Российская государственная библиотека – <http://rsl.ru>
83. Электронные тексты законов РФ, кодексов, комментарии к некоторым законам – <http://znai-zakon.narod.ru/>
84. Центральная библиотека образовательных ресурсов, созданная при Министерстве образования РФ – <http://www.edulib.ru/>
85. Научная электронная библиотека – <http://elibrary.ru/>
86. Электронная библиотека по правам человека в России – <http://www.hro.org/>

87. Электронная библиотека диссертаций Российской государственной Библиотеки – <http://diss.rsl.ru/>
88. Историческая библиотека – <http://www.shpl.ru/>
89. Южный федеральный университет. Информационный интегрирующий комплекс – [http://dbs.sfedu.ru/pls/rsu/rsu\\$persons\\$.startup?p_per_id=433](http://dbs.sfedu.ru/pls/rsu/rsu$persons$.startup?p_per_id=433)
90. Библиотека сайта «Polittheory» (ЮФУ). – <http://polittheory.narod.ru/library.htm>
91. Материалы электронного журнала «Политическая концептология» (ЮФУ). – <http://politconcept.sfedu.ru/archive.html>
92. Цифровой Кампус Южного федерального университета – <http://incampus.ru/>
93. Энциклопедии: <http://encycl.yandex.ru>
94. Электронные словари и энциклопедии// <http://www.edudic.ru/>
95. <http://www.ido.rudn.ru/philosophy/15.html>– сайт кафедры философии РУДН имени Патриса Лумумбы
96. <http://www.philosophy.ru/library/lib3.html>– сайт литературы по социальной и политической философии сектора социальной философии ИФ РАН
97. Политология в России на сервере www.polit.spb.ru
98. Rand Corporation – <http://www.rand.org>
99. Heritage Foundation – <http://www.heritage.org>
100. Brookings Institution – <http://www.brook.edu>
101. Hudson Institute – <http://www.hudson.org>
102. Urban Institute – <http://www.urban.org>
103. International Institute for Strategic Studies – <http://www.iiss.org>
104. Council on Foreign Relations – <http://www.foreignrelations.org>
105. Center for Strategic and International Studies – <http://www.csis.org>
106. Center of International Studies, Woodrow Wilson School of Public Affairs, Princeton University – <http://www.wws.princeton.edu/programs/cis>

107. Graduate School of Political Management, George Washington University – <http://www.gwu.edu/~gspm>
108. John F. Kennedy School of Government, Harvard University – <http://www.ksg.harvard.edu>
109. Association for Public Policy Analysis and Management – <http://www.appam.org>
110. International Public Management Network – <http://www.inpuma.net>
111. The Network of Institutes and Schools of Public Administration in Central and Eastern Europe – <http://www.nispa.sk>
113. Electronic Policy Network – <http://www.epn.org>
114. World Directory of Think Tanks – <http://www.nira.go.jp>
115. Regional Think Tanks Partnership Program – <http://www.ttp.info>
116. All the Internet's Policy Matters – <http://www.policy.com>
117. European Society of Market Research – <http://www.esomar.com>
118. International Political Science Association (IPSA) <http://www.ipsa.ca/>
119. Political Studies Association of the United Kingdom (PSA of UK) www.psa.ac.uk
120. Association Française de Science Politique (AFSP) www.afsp.msh-paris.fr
121. Association des Enseignants-Chercheurs en Science Politique (AECSP) www.accromania.com/aecsp/index.html
122. German Political Science Association {Deutsche Vereinigung für Politische) <http://www.dvpw.de>
123. American Political Science Association <http://apsanet.org>
124. International Association of Political Consultants <http://www.iapc.org>
125. International Institute for Democracy and Electoral Assistance <http://www.int-idea.se>
126. International Society of Political Psychology (ISPP) <http://ispp.org>

127. Elections and Electoral Systems www.psr.keele.ac.uk/election.htm
128. Political Science Internet Resource Guide www.vanderbilt.edu/~rtucker/polisci
129. Administration and Costs of Elections Project (Electoral technics) <http://www.aceproject.org/>

8. В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ: ОБЩИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

8.1. Семинар как форма учебно-воспитательной работы

Семинар (от лат. «семинариум» – рассадник знания) – один из наиболее сложных и в то же время плодотворных видов (форм) вузовского обучения и воспитания.

Семинар по политологии, политической философии и истории политических идей – это такой вид учебного занятия, при котором в результате предварительной работы преподавателя и студентов (на лекции и в ходе самостоятельной работы) в обстановке их непосредственного и активного общения, в процессе разнообразных выступлений студентов по вопросам темы, возникающей между ними дискуссии и обобщений преподавателя решаются задачи познавательного и воспитательного характера, формируется либерально-демократическая культура, развивается способность рационально и критически оценивать политические феномены, делать осознанный политический выбор, приобретаются методологические и практические навыки, необходимые для становления высококвалифицированных специалистов.

Правильно проведенное семинарское занятие по политологии и истории политических идей выполняет **многогранную роль**: стимулирует регулярное изучение студентами рекомендуемой учебной и политической литературы, а также внимательное отношение к лекционному курсу; закрепляет знания, полученные студентами при прослушивании лекции и в ходе самостоятельной работы над литературой; расширяет кругозор благодаря выступлениям товарищей и преподавателя на семинаре; позволяет студентам проверить правильность ранее полученных знаний, способствует формированию твердых личных убеждений; прививает навыки самостоятельного мышления, устного выступления по теоретическим вопросам; учит студентов свободно оперировать политической и правовой терминологией, создает широкие возможности для осознания и использования категорий политологии при анализе общественных явлений и научных проблем; дает возможность преподавателю

систематически контролировать уровень самостоятельной работы студентов над источниками, другими учебными материалами, степень их внимательности на лекциях, позволяет изучить мнения, интересы студентов, формировать либерально-демократическую и правовую культуру, помочь освободиться от ошибочных взглядов, нездоровых настроений, утвердиться в истине и т.д.

Существуют разнообразные, испытанные на практике формы проведения семинарских занятий:

- а) развёрнутые коллективные собеседования;**
- б) доклады и рефераты;**
- в) теоретическая конференция;**
- г) диспут;**
- д) комментированное чтение источников;**
- е) упражнения, тесты на самостоятельность мышления;**
- ж) контрольные (письменные) работы и др.**

Каждая из этих форм имеет свои сильные и слабые стороны, поэтому целесообразно варьировать их в зависимости от состава студентов, уровня их общего развития и индивидуальной подготовки, специфики рассматриваемых вопросов и т.д.

Болонская система ориентирует преподавателя и студентов на использование активных, интерактивных методов обучения.

В настоящее время широкое признание получили **«смешанные», комбинированные семинары, включающие элементы различных форм**. По нашему мнению, **оптимальный вариант смешанного, комбинированного семинарского занятия** по политологии и истории политических идей, позволяющий в наибольшей степени интенсифицировать учебно-воспитательный процесс, должен включать следующие элементы:

1. **Развёрнутую беседу** по одному из вопросов плана (по примерным схемам: а) основное выступление, моделирование преподавателем проблемно-игровой ситуации, дискуссия, подведение итогов дискуссии или б) доклад, контрдоклад (в случае, если имеются в литературе различные мнения по обсуждаемому на семинаре вопросу), дискуссия, подведение итогов дискуссии);

2. **Метод малых групп** при обсуждении другого вопроса занятия с функциональным подразделением – основной докладчик, оппонент, рецензент;

3. **Чтение реферата**, учебную пресс-конференцию, фиксированное выступление устного или письменного рецензента;

4. **Упражнения, тесты или контрольную работу** (в зависимости от ситуации и темы): а) групповую, по 3-му вопросу; б) по важнейшему источнику; в) понятийный диктант; г) индивидуальную, со студентами, нуждающимися в дополнительном контроле; д) упражнения на самостоятельность мышления;

5. **Комментированное чтение тех источников** по политологии и истории политических идей, которые не использовались студентами;

6. **Контроль** за выполнением учебно-практических заданий, выполненных студентами в ходе самостоятельной работы, в том числе самостоятельное и творческое изготовление студентами наглядных пособий с комментированным анализом их на занятии.

7. **ТСО** может быть использовано как преподавателем (в постановке задач и контрольных вопросов, при подведении итогов обсуждения вопросов, в заключительном слове), так и студентами, прежде всего малой группой и в ходе чтения реферата.

8.2. Изучение рекомендуемой литературы

Самостоятельную работу начинают обычно с предварительного осмысления темы и плана семинарского занятия.

Затем следует изучить рекомендуемую литературу.

Напоминаем некоторые из целесообразных правил работы над литературой.

Прежде чем приступить к изучению источника, следует ознакомиться с оглавлением, которое поможет понять, какие и в каком порядке вопросы освещаются в книге, с введением (предисловием) и заключением книги.

Важнейшими условиями осознанного чтения источников являются активный характер самого чтения, установка на серьёзный труд.

Чтение произведения должно дать общее ознакомление с его содержанием, раскрыть его структуру, установить связь между основными положениями, изложенными в главах, параграфах.

Второй этап — запись прочитанного. Вслед за чтением произведения в целом (но не одновременно с первым чтением), его круп-

ных разделов или фрагментов необходимо перейти к записям.

Основными формами записей являются: 1) **план**; 2) **тезисы**; 3) **выписки**; 4) **конспекты**. В условиях вуза наиболее оправданной формой считается конспектирование (и частично запись в форме тезисов). К конспектированию следует приступать только после того, как прочитанное хорошо понятно.

Конспект (от лат. «*конспектус*» – обзор) – сжатое самостоятельное изложение основных идей, положений и выводов книги (статьи) в их логической последовательности с дословным приведением особо важных мыслей автора со ссылкой на том и страницу. Кроме основного содержания источника, в конспекте следует:

1) в начале записи дать общие сведения о произведении – указать автора, заглавие работы, время и место написания (издания), название издательства, том (если многотомное), страницы, условия написания;

2) в конце записи охарактеризовать историческое значение источника как в прошлом, так и в современных условиях.

Основное назначение конспекта – способствовать уяснению главных положений работы в их логической последовательности, помочь лучшему запоминанию и быстрому восстановлению в памяти прочитанного. Поэтому конспектирование не может быть сведено к механическому переписыванию произведения (или его главы, раздела).

Существенным требованием, предъявляемым к конспекту, и его большим достоинством является выражение своего отношения к прочитанному. Для этого целесообразно оставлять поля (3-5 см.). Кроме того, на них осуществляется соотнесение законспектированного материала с вопросами темы.

8.3. Работа над рефератом

Важную роль в активизации учебно-воспитательного процесса, в развитии самостоятельности и творческого мышления, глубоком усвоении политологии и истории политических идей, выработке навыков публичного выступления и элементов ораторского искусства играет реферат.

Рефератом (от лат. «*реферере*» – сообщать) по социо-гуманитар-

ным наукам называется письменная работа на определенную тему, подготовленная на основе изучения произведений политических мыслителей прошлого, монографий современных авторов, журнальных и газетных статей, а также обобщения личных наблюдений и практического опыта для последующего устного сообщения.

Подготовка реферата начинается с выбора темы и ее обдумывания.

Далее следует изучить рекомендованную литературу, выделить и отметить главное, относящееся к теме. Помимо указанной литературы, учитывая все более увеличивающийся поток научной информации, необходимо привлечь и другую литературу, используя систематические и алфавитные каталоги библиотек, а также изучая систематические указатели, помещаемые в журналах.

И наконец, Вы можете (а точнее – обязаны, если желаете соответствовать уровню подготовки специалиста начала XXI века) воспользоваться услугами Интернета. Во-первых, найти такой же, как у Вас или схожий по теме, реферат (по адресам: <http://www.referat.ru>; <http://www.kulichki.com>; <http://referat.kulichiki.net>; www.allbest.ru; www.eduworld.ru; www.5ka.ru; www.bestreferat.ru; www.bankreferatov.ru; www.5ballov.ru; www.referatbank.ru; www.referat.ro; www.super-referate.com; www.diploma.ro; www.ereferate.ro и т.д.) и скачать его. Во-вторых, если похожей темы в коллекции рефератов нет, то попытайтесь разыскать что-нибудь подходящее через поисковые системы (адреса наиболее известных поисковиков: www.google.ru; www.yandex.ru; www.rambler.ru; www.aport.ru; www.gogo.ru; www.altavista.ru; www.yahoo.com etc. Первые пять – русскоязычные, последние два – англоязычные).

Однако добытый из Интернета готовый реферат Вы не можете представить в первозданном виде преподавателю. Его следует взять за основу и творчески доработать. Одни фрагменты использовать без изменений, другие – сократить, третьи – переработать. И добавить материал из книг и статей.

И последнее. **Окончательный вариант реферата не должен содержать по объему больше 50-60% текста, добытого из Интернет-реферата, каким бы он ни был хорошим.** Ибо предела для совершенствования нет. **Так что – думайте, дерзайте и творите!**

После этого составляется **развернутый рабочий план**. Вопросы

темы освещаются в соответствии с принципами логики, на основе современных достижений политологии и истории политических идей. Теоретические положения темы увязываются с проблемами политической реформы и политической жизни в РМ, ее демократизации. Необходимо обобщить изученный материал, проанализировать и оценить фактические данные, сформулировать сложившиеся собственные представления по рассматриваемым вопросам темы, сделать выводы. В реферате должен проявиться творческий подход к изучению вопросов теории и практики: реферат не что иное, как элементарный вид научно-исследовательской работы.

Академическая структура реферата такова:

- **Титульный лист** (образец оформления приводится ниже, по завершении этого раздела);
- **План (Оглавление);**
- **Введение;**
- **Глава 1...;**
- **§1.1...;**
- **§1.2...;**
- **Глава 2...;**
- **§ 2.1...;**
- **§ 2.2...;**
- ....
- **Заключение;**
- **Список использованной литературы** (в алфавитном порядке) (схемы и примеры библиографического описания литературы приводятся ниже).

Названия реферата, глав и параграфов не должны совпадать. Рекомендуемый объем реферата 15-20 машинописных страниц.

К реферату прилагается письменная рецензия.

В введении, после постановки рассматриваемой проблемы, дается **аннотация** (от лат. «*аннотацио*» – примечание – сжатая характеристика содержания, назначения книги, статьи) основной литературы, на базе которой разработан реферат. Затем излагают

основные тезисы и аргументируют их. Реферат завершается выводами и списком использованной литературы.

Тезисом (от греч. «*тезис*» – утверждение) называется кратко сформулированное основное положение, которое докладчик намерен развивать и доказывать перед слушателями.

Аргументом (от лат. «*аргументум*» – довод) называются сформулированные наукой, проверенные опытом, экспериментом знания, факты, при помощи которых доказывается тезис.

В итоговом выводе (резюме) должны содержаться наиболее существенные положения реферата. Вывод должен оставить отчётливое представление о существовании обсуждаемой проблемы, ее решении.

Важная роль в реферате отводится **научно-справочному аппарату**, который включает: постраничные сноски на литературные источники; название или перечисление этих источников в самом тексте; список используемой литературы, прилагаемый к работе.

При подготовке рефератов чаще всего допускаются следующие **недостатки: отсутствует план работы; освещение теоретических вопросов ведётся в отрыве от практики; привлекается чрезмерное число цитат; в заключение нечётко делаются выводы по исследуемой теме; неумело используется научный аппарат; допускается небрежность в оформлении реферата (отсутствие полей, наличие помарок).**

Основными критериями положительной оценки реферата являются: умение самостоятельно и органически последовательно увязывать теоретические проблемы с политической жизнью, работать с рекомендуемой литературой и другими материалами; четкость формулировок, знание существа данной темы; умение творчески подойти к тому или иному вопросу и самостоятельно сделать выводы; умение правильно оформить научный аппарат.

В завершение даём: **А. Образец оформления титульного листа реферата, а затем – Б. Схемы и примеры библиографического описания использованной литературы в реферате.**

А. Образец оформления титульного листа:

**Министерство просвещения и молодёжи Республики Молдова
Государственный Институт Международных Отношений Молдовы**

Кафедра международных отношений

РЕФЕРАТ:

«Политическая философия Т. Гоббса»

Выполнил (а):

студентка группы 2R12 **Пермякова Лада**

Рецензент:

студентка группы 2R12 **Чепой Полина**

Научный руководитель:

Доктор философии,
конференциар-университар

Волков Э.Г.

Кишинёв • 2018

Б. Схемы и примеры библиографического описания использованной в реферате литературы

1. Однотомное издание, имеющее одного (двух, трёх) автора (авторов):

Грин Роберт. 48 закона власти / Пер. с англ. Е.Я.Мигуновой. — М: «РИПОЛ КЛАССИК», 2000. — 576 с.

2. Однотомное издание, имеющее коллективного автора: Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Зевелева, Ю.П.Свириденко, В.В.Шелохаева. — М.: РОССПЭН, 2000. — 631 с.

3. Отдельный том многотомного издания: Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: В 2-х т. Т. 1. Гл. 1-11 / Пер. с англ. О.М.Кириченко и др. — Смоленск: Русич, 2000. — 656 с.

4. Многотомное издание в целом:

Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х книгах / Сокращ. пер. с англ. — М.: Воениздат, 1991.

5. Статьи в периодическом издании, сборнике:

а) в журнале: Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. N 2. С. 97-106;

б) в сборнике: Гуторов В.А. Гражданское общество: классическая традиция и современная Россия // Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века: Материалы к научно-общественному форуму (14-16 декабря 2000 г.) / Под ред. В.Г.Марахова. — СПб: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2000. С. 49-52.